

А.В.Виноградов

**ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ,
ПОГРЕБЕННЫЕ
ПУСТЫНЕЙ**

РАССКАЗЫ О ДРЕВНЕЙ ХОРЕЗМЕ И О ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

А. В. Виноградов
ТЫСЯЧЕЛЕТНЯ,
ПОГРЕБЕННЫЕ
ПУСТЫНЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • „ПРОСВЕЩЕНИЕ“ • МОСКВА • 1966

Фотографии
Г. А. Аргиропуло

Рецензент
кандидат
исторических наук
Р. И. Рубинштейн.

ОТ АВТОРА

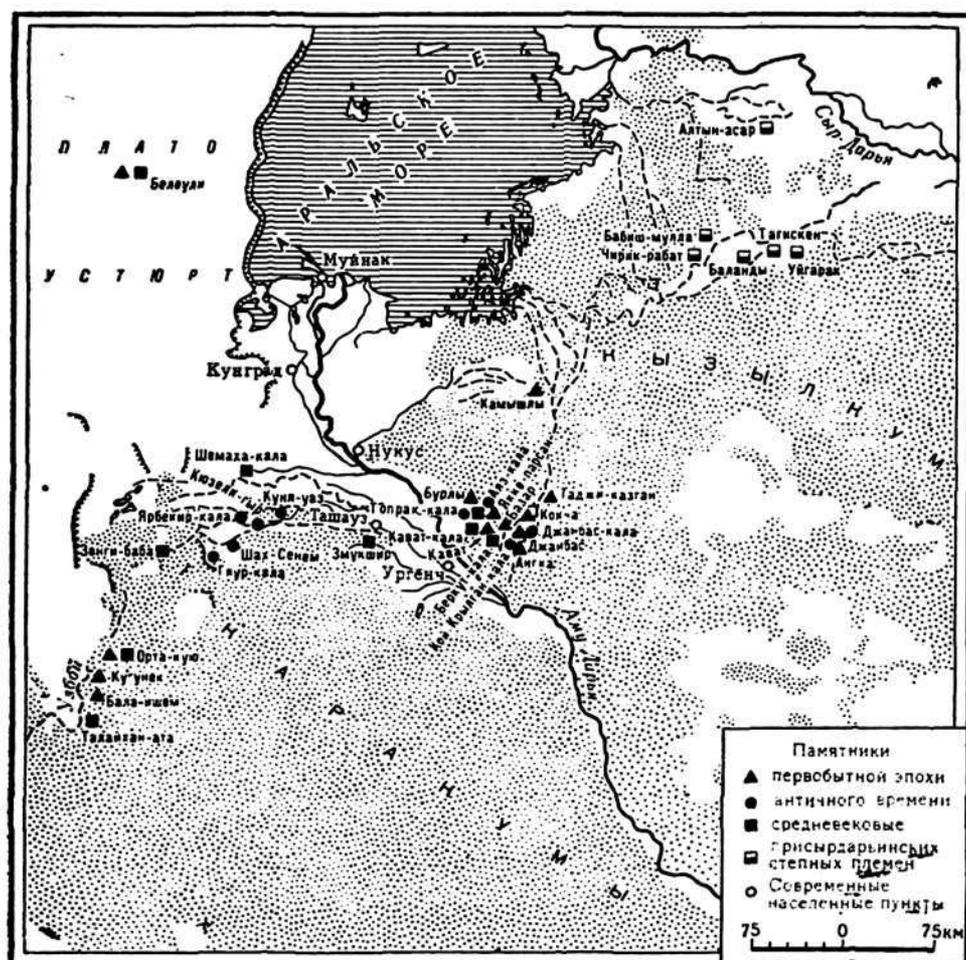
Несколько дней назад в Москву из Средней Азии вернулись археологи. В длинном коридоре Института этнографии АН СССР можно встретить людей с обветренными, загорелыми лицами. А в лаборатории экспедиции повсюду ящики, привезенные из пустыни.

...Пустыня. Это — песчаные барханы, изнуряющий зной, редкие колодцы, колючий ветер с песком, миражи, змеи и скорпионы. Но эта пустыня имеет одну особенность, и именно поэтому сюда каждый год и приезжают археологи. Профессор С. П. Толстов в одной из книг писал: «Пустыня, окружающая оазис Хорезма, — странная пустыня. Между тяжелыми грядами песков, среди гребней барханных цепей, на вершинах пустынных пестрых скал — отрогов Султануиздага, на обрывах Устюртского чинка, на плоских розоватых поверхностях такыра¹ — повсюду, на площади сотен тысяч гектаров, мы встречаемся со следами человеческой деятельности. Это двойные линии обветренных бугров, пунктиром тянущиеся на десятки километров; остатки обочин древних магистральных каналов, шашечный рисунок оросительной сети на такырах. Это покрывающие такыры на протяжении десятков квадратных километров бесчис-

---

¹ Такыр — гладкая глинистая поверхность, тянущаяся иногда на многие километры попеременно с песками; одна из характерных форм рельефа древних пустынных дельт.

ленные обломки керамики то красной, гладкой и звонкой, то грубой, красновато-коричневой, то многоцветной, поливной... Это остатки древних жилищ, поселений, городов. Иногда это лишь слабые следы на блестящей поверхности такыра — остатки планировки древних жилищ... Иногда это целые мертвые города, селения, крепости, замки, развалины целых, некогда заселенных районов, постройки которых поднимаются на 10—12, а то и на 20 м над руслами сухих, развеянных ветром и занесенных песками каналов свои суровые стены с уз-

Схематическая карта древних памятников, открытых и обследованных Хорезмской экспедицией.

В первые годы работ экспедиция уходила в пустыню на верблюдах. И сейчас еще иногда приходится пользоваться этим видом транспорта.

кими щелями стреловидных бойниц, грозные башни, круглые и стрельчатые арки порталов».

Заметив лежащие на такыре обломки древних глиняных сосудов, расколотую статуэтку, монету, археолог поднимет их и с уверенностью скажет, что это — находки кушанского времени, а это — афригидского¹. Четверть века назад все было не так. Когда небольшая группа археологов впервые на верблюдах выступила в пустыню, десятки, сотни тысяч этих обломков казались безликими и безмолвными. А потом археологи заставили их рассказывать. И то, что сейчас написано о древнем Хорезме в школьных учебниках и в специальных исследованиях, поведано невыразительными на первый взгляд фрагментами.

---

¹ О разработанной археологами периодизации древней и средневековой истории Хорезма подробно рассказано во второй, третьей и четвертой главах книги.

В послевоенные годы верблюдов заменили автомобили и самолеты

На больших раскопках археологи используют технику.

Начальник Хорезмской экспедиции член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов

Знания об истории древнего Хорезма и его высокой культуре накапливались необычайно быстро. Это происходило потому, что в песках, рядом с древними развалинами, каждый год появлялись палатки археологов, которых не смущали трудности,— все они были энтузиастами, влюбленными в свое дело.

Хорезмская экспедиция начала исследования еще в предвоенные годы, продолжают они и сейчас. Естественно, что за это время изменялось и совершенствовалось техническое оснащение экспедиции. Двадцать пять лет назад археологи, уходя в пустыню, оказывались оторванными от мира... Неказистая палатка, в лучшем случае каракалпакская юрта, нехитрое снаряжение. По окрестным пескам в поисках колючки бродило несколько верблюдов, на них доставляли воду и ходили в маршруты.

Теперешний базовый лагерь экспедиции — это целый городок в пустыне. Улица из палаток, склад, столовая, реставрационная, маленькая походная электростанция, автомобили-вездеходы. Ленточные транспортеры и бульдозеры помогают археологам на раскопках.

Эта книга и о древнем Хорезме и о Хорезмской экспедиции. В первую очередь о Хорезме таком, каким он представляется сейчас ученым. В ней рассказано об основных проблемах, над которыми работали и работают археологи-хорезмийцы, и о главных из раскопанных ими древних памятниках. А так как история изучения Хорезма неотделима от истории Хорезмской экспедиции, то кратко рассказано и о ней, об археологах, каждую весну уезжающих в пустыню.

Книга написана и по личным впечатлениям (автор по профессии археолог) и, конечно, по многочисленным работам археологов-хорезмийцев, в первую очередь начальника экспедиции профессора С. П. Толстова.

Автор искренне благодарит всех товарищей, прочитавших книгу в рукописи и сделавших много важных замечаний, особенно коллег по Хорезмской экспедиции, Б. В. Андрианова, М. А. Итину и Ю. А. Рапопорта, которые помогли во многом улучшить содержание книги.

СТРАНИЦЫ ПОТЕРЯННОЙ
ЛЕТОПИСИ

Глава первая

**У ИСТОКОВ ДРЕВНЕ-
ХОРЕЗМИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Незаметно, промелькнуло пригородное асфальтированное шоссе, и тяжело загруженные экспедиционные машины выехали на грейдер. Позади осталась свежая весенняя зелень окраин Нукуса. По обеим сторонам дороги тянутся невысокие разбитые песчаные увалы, расстрескавшиеся и обветренные коричневатые камни да вылезавшие прямо из песка редкие серые колючки. Свежий восточный ветер поднимает песок, и тонкие струйки его, как живые, перебегают дорогу у колес головной машины. Постепенно, отклоняясь к востоку от Аму-Дарьи, хорошо накатанная дорога уводит в пустыню.

...Наша небольшая группа, удивляя москвичей теплыми полушубками и тяжелыми кирзовыми сапогами, собиралась на Фрунзенской набережной у здания Аэрофлота. А перед этим — короткое напутствие С. П. Толстова, начальника нашей Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. В Москве сейчас отчетная экспедиционная сессия: археологи Советского Союза рассказывают об открытиях прошлого года. А мы — первый из многих отрядов экспедиции — уже начинаем новый археологический год.

— Желаю успеха,— сказал на прощание Сергей Павлович Толстов,— привет пустыне!

И вот она снова перед нами. Строго говоря, это еще не настоящая пустыня.

Песчаная равнина испещрена следами машин. Здесь, на западных окраинах Кызылкумов, сейчас проходит фронт колхозного наступления на пустыню. Длинными, многокилометровыми языками врезались вновь осваиваемые земли в море песков. И сейчас, когда машины спускаются по склону небольшого хребта Султануиздаг, далеко на горизонте, кроме причудливых, давно знакомых силуэтов древних развалин, видны колхозные постройки, строгие линии молодых тополевых посадок, кое-где блестит вода.

Уже затемно машины, свернув с дороги, покатались по гладкому такыру и скоро остановились у развалин Якке-Парсана. Под стенами величественного раннесредневекового замка стояли палатки, горел костер. Несколько фигур двинулось от костра навстречу машинам. Это были рабочие экспедиции, готовившие лагерь для большого отряда, который прибудет несколько позже и начнет раскопки Якке-Парсана.

Рано утром — снова в путь, на этот раз на маленьком вездеходе-газике. Мы должны разведать дорогу к месту наших будущих работ — древней мастерской-каменоломне. До нее не так далеко — по прямой не более тридцати километров. Однако мастерская находится в горах, на невысоком, но круто обрывающемся в сторону пустыни плато. Туда нужно забросить груз и ежедневно подвозить воду. Поэтому мы должны срочно найти для большой машины проходимую дорогу.

Края плато прорезаны узкими сухими руслами — саями, уходящими высоко в горы. По одному из них в про-

шлом году мы забрались на машине довольно высоко, но попасть на каменоломню все же не смогли. Правда, удалось выяснить, что рядом с ней проходит другой сай, место выхода которого на равнину не было известно. На него-то мы и рассчитывали теперь.

Найти устье нужного сая очень трудно. Идет он не по прямой линии, сильно петляет и выходит обычно там, где его не ожидаешь. Внизу его берега не круты, менее заметны, русло становится шире, пока, наконец, совсем не теряется, распадаясь на мелкие протоки, почти неприметные на холмистой равнине.

Нас шестеро под тентом маленького вездехода. В ногах погромычивает тридцатилитровая фляга с водой — день обещает быть знойным. Через час мы у развалин древней крепости Бурлы-кала, построенной некогда хорезмийцами на одном из обращенных к пустыне отрогов Султануиздага. Сложенные из сырцового кирпича стены почти не сохранились, лишь невысокие, замытые дождями останцы их торчат кое-где на склонах возвышенности. Небольшие бугры — остатки внутрикрепостных построек покрыты обломками древней глиняной посуды. Черепки ее, отлично выделанные, окрашенные и обожженные искусными хорезмийскими мастерами, и сейчас, спустя много веков, выглядят свежими и даже рядными.

Первые попытки попасть на плато были неудачными. Автомобильные следы то упирались в многометровый обрыв, то попадали на заброшенную буровую.

— А не подняться ли нам по прошлогоднему саю? Сколько сможем — проедем на машине, потом пешком доберемся до каменоломни, а оттуда по нужному саю спустимся вниз. Найдем выход его на равнину и посмотрим заодно, пройдет ли машина. Это предложение возникло, когда, потеряв часа два в бесплодных поисках, все мы немного приуныли.

Ровное каменистое дно сая, слегка прикрытое песком, служит отличной дорогой. Подъем почти незаметен, однако через час мы оказались уже довольно высоко. Берега сая становятся выше, а русло уже; кажется, что машина идет по тоннелю. Наконец машина останавливается: дальше ехать нельзя. Встаем на высокую черную каменистую гряду, с которой открывается великолепный вид на юг и юго-восток, в сторону предгорной

равнины. Хорошо видны башни и зубчатые размывы стен десятков крепостей. А на горизонте в легкой дымке — темная зелень Кырккызского оазиса.

Прямо под нами, в центре небольшого плато, виден овальный холмик с двумя темными провалами каменоломен на вершине — место, где в древности люди добывали и обрабатывали кремень. Здесь мы будем работать. Кажется, что до каменоломен — мы назвали их Бурлы 3 — рукой подать, не более полукилометра. Но не всегда можно пройти по прямой.

Плато рядом с каменоломней прорезано саем. С гряды хорошо видно его светлое песчаное дно, змейкой уходящее на восток. Сай оказался еще более широким, чем тот, по которому мы только что поднялись. Врезанный в скалу 10—12-метровым каньоном, он в нескольких десятках метров выше каменоломни был перегорожен огромным порогом. А каково его русло внизу?

Мы делимся на три группы: одна останется на месте и выберет место для лагеря, другая осмотрит сай до выхода на равнину, третья вернется на Якке-Парсан и приведет большую машину с основным грузом.

Через час машина ГАЗ-63 с грузом у Бурлы-калы. Издали видим две бредущие по склону фигурки. Несколько волнующих минут — и вздох облегчения: дорога есть. Помешать могут только три небольших порожка. Два из них машина, пожалуй, преодолеет, а один можно объехать. Берега там пологие.

...Последний порог оказался самым неприятным — на крутом повороте и объехать его нельзя. Большая машина, тяжело переваливаясь на неровной поверхности почвы, медленно вползает наверх. С крутого берега, где мы стоим, хорошо видна картина единоборства с природой нашего шофера Алеши Бабичева. А машина подпрыгивает на последней яме (в кузове-фургоне что-то грохочет), затем катится несколько метров по ровному дну и спокойно останавливается. Дальше путь свободен!

Вечером, разгрузив машину, мы на досуге обсуждаем, удачно ли выбрано место для лагеря. По словам выбравших, площадка над обрывом, где стоят сейчас наши палатки, имеет массу достоинств и ни одного недостатка. «Во-первых, близко к месту работы, — говорят они. — Во-вторых, рядом стоянка машины и запасы во-

ды; в-третьих, площадка возвышенная и нас не затопит (в апреле и мае этим нельзя пренебрегать даже в Кызылумах); ... в-девятых, здесь же очень красиво!»

Место действительно удобное и красивое. Последнее немаловажно — ведь жить нам здесь долго.

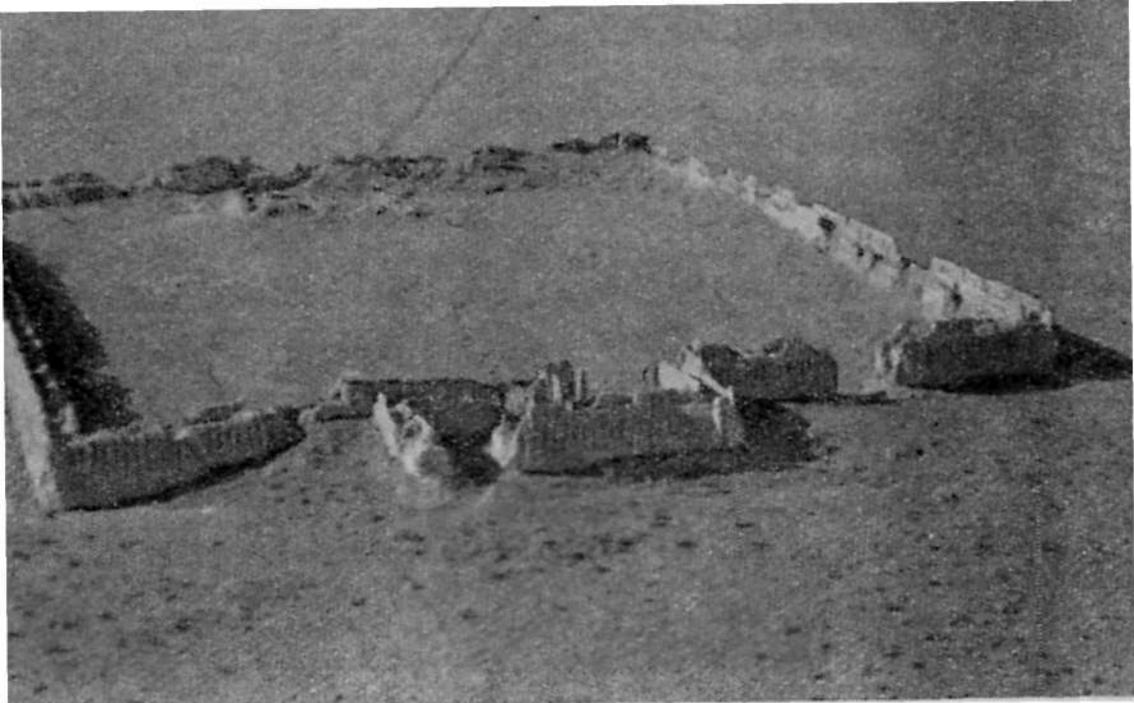
Сумерки быстро сменяются темной и звездной южной ночью. В неровном свете костра виден весь наш маленький лагерь — палатки, гора ящиков и мешков. Несмотря на усталость — день был знойным, а поднятые на десятиметровый обрыв полторы тонны груза не легкими, — ужин проходит оживленно: все дорожные злоключения позади.

Расставлены походные кровати, разложены спальные мешки. Через полчаса весь лагерь спит. Завтра с утра — первый из шестидесяти утомительных и внешне однообразных дней работы на древнем памятнике Бурлы 3. Но прежде чем рассказывать о них, мы должны вернуться к последним предвоенным годам, когда работы экспедиции только еще начинались.

1939 год был третьим годом работ Хорезмской экспедиции. За два предшествовавших сезона были открыты и обследованы десятки древних городищ и крепостей. До этого наиболее древние из открытых в Хорезме памятников относились к середине II тысячелетия до н. э. — к бронзовому веку. Но уже тогда на такырах и особенно в небольших котловинах между песчаными грядами вместе со звонкими обломками отлично выделанной керамики и бронзовыми скифскими трехперыми наконечниками стрел изредка попадались обломки мелких кремневых пластиночек с ребристой спинкой и острыми параллельными краями. Иногда находили и небольшие черепки посуды — грубые, плохо обожженные, сплошь покрытые нарезным или штампованным геометрическим орнаментом.

Весной 1939 г. археологи экспедиции вели раскопки большой крепости Джанбас-кала. Раскопки были интересными и дали много нового материала. Но не менее интересными оказались и окрестности Джанбас-калы. Здесь, на перемежающихся песками такырах, можно было найти древнюю керамику, разные бусы, монеты и отличные образцы мелкой глиняной скульптуры.

Поисками на такырах в свободное от раскопок время увлекались многие из участников экспедиции. Но

Развалины крепости Джанбас-кала. В ее окрестностях найдены первые в Хорезме стоянки неолитического человека.

повезло не опытным археологам, а практикантам — студентам МГУ. Недалеко от крепости, в районе разрушения такыров, в небольшой песчаной котловине они нашли новую страницу истории древнего Хорезма. На поверхности песка и в верхних слоях его большим скоплением лежали всевозможные поделки из кремня, обломки богато орнаментированной керамики, просверленные украшения из створок разных раковин. Порывшись в песке, можно было найти и кости рыб и птиц, и створки употреблявшихся в пищу моллюсков. Повсюду были видны следы огня — затвердевший пепел и прокаленный песок, зола и угольки. Так была открыта самая древняя из хорезмийских культур. По имени ближайшего из населенных пунктов С. П. Толстов назвал ее *кельтеминарской*¹. Первая кельтеминарская стоянка получила название Джанбас 4.

¹ Названия археологических культур, особенно эпохи первобытнообщинного строя, связаны обычно с современными географическими названиями поселений, рек, озер, отдельных районов, где найдены археологические памятники этих культур.

Раскопки стоянки были начаты в 1940 г., а закончены лишь после войны.

Площадь с находками была очень большой — свыше 600 кв. м, и всю ее пришлось разделить на метровые квадраты, для того чтобы находки было удобнее наносить на план. Утыканная колышками и опутанная тонкой бечевкой, стоянка напоминала гигантскую паутину. Рисунок этот в соответствующем масштабе был повторен на миллиметровке. Конечно, на одном листе — планшете все не уместилось. Планшетов оказалось много, каждому соответствовал определенный участок стоянки.

Начался сбор находок и фиксация их на планшетах. Каждое кремневое изделие, каждый черепок, украшение из раковины, кусок затвердевшего пепла из очага и обожженный камень, скопление углей и темная углистая полоса — след сгоревшего дерева — наносились на план. Не забыты были и находки, скрытые в песке. Самое важное и интересное обнаружилось, когда археологи, очистив песок, подошли к краю такыра. Оказалось, что слой с находками уходил под толщу суглинка, надежно прикрывавшего эту часть стоянки от разрушения. Работа стала еще более тщательной и кропотливой.

В некоторых местах слой такыра-суглинка достигал 40 см толщины. Сразу же под ним, в песке, начинались находки. Продолжались они на глубину до полутора метров. Квадрат за квадратом, метр за метром снимали археологи слой суглинка, обнажая и тщательно разбирая слой с находками. Кроме предметов, встречавшихся уже на поверхности песка, один за другим попадались небольшие очаги — неглубокие корытообразные ямки с углями и золой. Обнаружилось множество очень маленьких, но более глубоких ямок, также заполненных темной золистой массой; здесь некогда стояли деревянные столбы. Из квадрата в квадрат прослеживались и наносились на план темные линии — следы сгоревших тонких и длинных жердей. На планшетах они образовали непонятную систему переплетений.

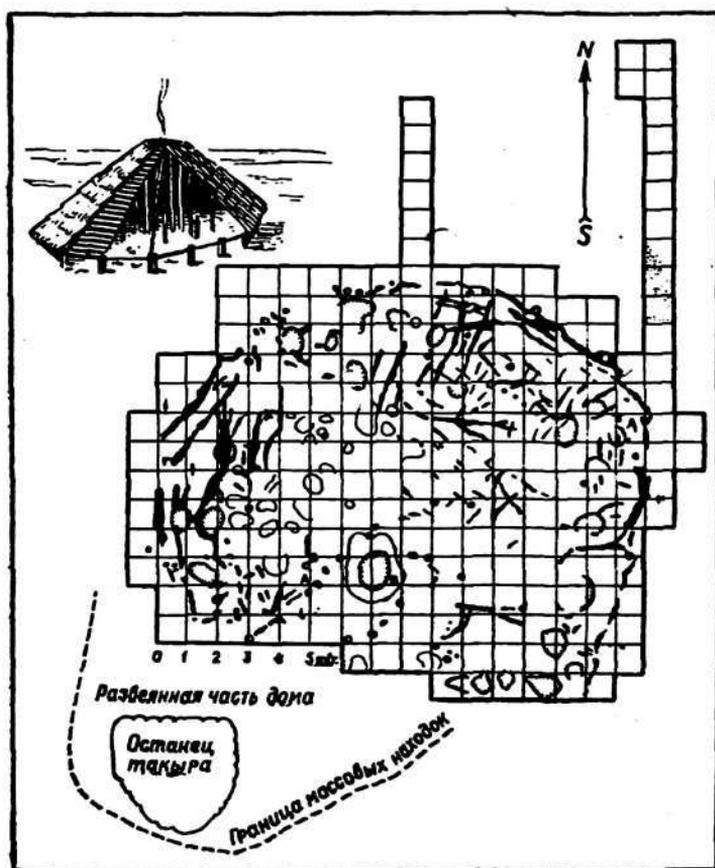
Наконец были расчищены остатки очень большого очага, круглого, более метра в диаметре. Но не размерами удивил он археологов. В десятках мелких очагов очажную ямку заполняла черная и серая зола с

углями. Здесь же был только толстый слой плотного белого пепла: топливо сгорало полностью. Полуметровый слой подстилавшего очаг песка был прокален до красна. И самое любопытное — вокруг очага почти совсем не нашли бытовых находок: ни костей, ни обломков посуды. А вокруг мелких очагов таких находок было множество. И это вполне естественно, ведь на них готовили пищу, у их пламени обогревались, проводили много времени.

Результаты многолетней кропотливой работы полностью оправдали ожидания. Самым интересным, пожалуй, оказался план раскопок. Листы миллиметровки, теперь уже с обтрепанными краями, испачканные глиной и золой, оказались заполненными выгоревшими на солнце карандашными пометками. Данные отдельных планшетов постепенно, еще в ходе раскопок, переносились на сводный план. Когда он вобрал в себя тысячи условных значков всех планшетов, то оказалось, что представление о беспорядочности или загадочности расположения кострищ-очагов и столбовых ямок было лишь кажущимся. Необходимо было охватить взглядом всю картину раскопок (а это возможно лишь с помощью сводного плана), чтобы заметить строгий порядок в их расположении.

Расчищенные ямки для столбов располагались тремя концентрическими фигурами: одна многогранная, близкая к овалу, образовывала внешний контур; другая, неправильно квадратная, располагалась в центре; третья находилась между ними. Большой очаг с толстым слоем пепла попал как раз в центр меньшей фигуры. Малые очаги расположились цепочкой с внутренней стороны большого овала.

Перед исследователями предстала картина большого (26×17 м) овального в плане наземного жилища кельтеминарцев, построенного из дерева и камыша. Обычно дерево — не толстые столбы и тем более тонкая обрешетка крыши — в столь древних археологических памятниках почти не сохраняется. На этот раз археологам повезло: древнее кельтеминарское жилище, построенное прямо на песке, между двумя невысокими грядами, сгорело. Сгорели поддерживавшие кровлю столбы, рухнула на землю, образовав то непонятное на первый взгляд переплетение черных линий,

Таким оказался сводный план сохранившихся под такыром и раскопанных археологами остатков жилища стоянки Джанбас 4. Слева — реконструкция жилища.

обуглившаяся деревянная обрешетка камышовой крыши. Ветер и песок уже начали развеивать остатки сгоревшего дома, но археологов снова выручил счастливый случай: вскоре после пожара стоянка была затоплена мутными водами Аму-Дарьи. Откадывавшиеся ежегодно осадки укрыли остатки дома прочным панцирем такыра. И когда много столетий спустя началось разрушение такыров, край жилища снова открылся и снова началось разрушение остатков дома. Это и были те самые находки на песке, на которые натолкнулись любознательные студенты.

Когда был построен дом? Долго ли жили в нем люди? Как они жили? На эти вопросы и многие де-

сятки других ответил полученный при раскопках материал.

Первый вопрос — когда? — перестал быть загадкой уже в самом начале исследований. Сравнение материалов раскопок с находками из других археологически более полно изученных в то время областей показало, что раскопанная стоянка относится к эпохе нового каменного века, или неолита. Древние люди построили свой дом и долгое время жили в нем во второй половине IV тысячелетия до н. э. Археологи нашли орудия, сделанные руками человека пять тысяч лет назад!

Памятники неолитической эпохи распространены чрезвычайно широко, значительно шире, чем предшествующего времени — древнего каменного века, палеолита. Неолит — период крупных изменений в хозяйстве, технике обработки камня, который все еще оставался единственным материалом для изготовления орудий, и в культуре древнего населения. Часто неолит определяют как эпоху шлифованных каменных орудий, но это не совсем верно. Техника предшествующих периодов, правда, значительно усовершенствованная, обогащенная многими новыми приемами, продолжает господствовать и в неолите. Пожалуй, вернее назвать неолит «веком керамики». Впервые в это время люди научились обжигать сделанные из глины сосуды, достигнув в этом к концу неолита большого совершенства. В неолитическую эпоху на некоторых территориях появляется земледелие и скотоводство, хотя для многих племен охота и рыболовство еще долго остаются основными хозяйственными занятиями. Появляются прядение и ткачество, расширяется обмен между отдельными территориями, способствующий широкому распространению новых технических достижений.

О жизни древних кельтеминарцев мы можем теперь рассказать очень многое. Жили они материнским родовым строем. Как форма организации общества он возник еще в предшествующую палеолитическую эпоху. В это время произошло уже довольно четкое разделение труда между мужчиной и женщиной. Первые занимались охотой, вторые — собирательством съедобных растений, корней, моллюсков. Охота в то время не могла быть устойчивым источником существования общины; успех зависел не только от искусства охотни-

ков, но и от времени года, степени освоенности территории человеком и многих других причин. В этих условиях роль собирательства все еще была достаточно велика. Женщина вела домашнее хозяйство; она была хозяйкой дома, в то время как мужчина был в нем лишь гостем. Счет наследования велся по женской линии, дети принадлежали матери. Все это усиливало роль женщины в хозяйственных и общественных делах родового коллектива.

Большое наземное жилище служило обиталищем матриархально-родовой общины, связанной кровным родством группы родственников по материнской линии, живших в условиях общественного домашнего хозяйства, коллективного производства и совместного потребления. По подсчетам С. П. Толстова, число обитателей дома достигало весьма внушительной цифры — 100—125 человек (вместе с детьми). Эти результаты были получены из сравнения размеров дома и числа бытовых очагов с соответствующими данными о жилище некоторых народов, живших еще сравнительно недавно при родовом строе американских индейцев-манданов и коренных жителей Андаманских островов. Судя по многочисленности и неустойчивости бытовых очагов кельтеминарского жилища, парная семья еще не обособилась окончательно.

О хозяйственных занятиях многое рассказали тысячи мелких обломков костей. Кельтеминарцы были рыболовами, охотниками и собирателями. Прежде всего, пожалуй, рыболовами. Они ловили щуку, сазана, сома, жереха, язя и многих других рыб. Интересно, что рыбы кости и чешуя позволили специалистам-ихтиологам не только определить виды рыб, но сделать предположения и о способах их ловли, и о том, какими были тогдашние водоемы. Археологи не нашли орудий, о которых можно было бы безоговорочно сказать: «Вот этим приспособлением добывали рыбу». А ихтиологи, изучавшие кости, сообщили, что лов рыбы производился главным образом колющими орудиями типа гарпуна, а также, по-видимому, и крючками. Ведь в уловах преобладают щука и сазан! И еще: «Собственно речных видов рыб в материале нет. Большое количество щуки, язя, красноперки и окуня показывает, что водоем был озерного типа или, во всяком случае, содержал про-

зрачную воду». И, наконец: «Присутствие в уловах преимущественно мелкого, видимо камышового, сома показывает, что водоем этот был с обильной подводной растительностью».

Вот что рассказали мелкие обломки рыбьих костей и чешуя, бережно собранные археологами в коробки и бумажные пакетики. Среди находок были и другие, более крупные кости. Оказалось, что и они могут многое рассказать археологам. По определениям специалистов эти кости принадлежали дикой свинье, оленю, козуле, черепахе и некоторым породам диких водоплавающих птиц. «Состав фауны,— писал по этому поводу специалист,— свидетельствует о значительном обводнении местности и наличии лесных зарослей».

Выводы биологов полностью совпали с данными географического и археологического изучения территории.

В древности этот район был прорезан десятками русел, затухающих протоков, стариц и озер одной из древних аму-дарьинских дельт — Акча-Дарьи. По краям дельты и у внутريدельтовых возвышенностей и селились кельтеминарцы. Берега протоков и озер были покрыты густыми камышовыми зарослями и кустарниками — тугаями. Росли здесь и крупные деревья; именно из них и камыша строили большие дома. «...В это время дельта была, очевидно, еще сильно обводнена, на многих участках заболочена, покрыта густыми зарослями тростников, камышей, осок, деревьев и труднопроходимых кустарников и часто затоплялась паводковыми водами. Здесь, несомненно, водились тигры и другие хищники, было много комаров и гнуса. Человеку тогда было нелегко преодолевать все эти трудности...» Так охарактеризовали этот район после многолетних комплексных археолого-географических исследований С. П. Толстов и видный советский географ А. С. Кесь.

Большую часть находок на стоянке составляли обломки глиняной посуды и каменные орудия.

Керамику из раскопок, особенно из памятников первобытной эпохи, забирают всю. Большие и мелкие черепки, с орнаментом и без него, аккуратно запаковывают в бумагу — с каждого квадрата отдельно. По-настоящему работа с древними черепками начинается только в лаборатории. Здесь ее моют, тушью пишут на

В современной дельте Аму-Дарьи. Природные условия в районе древней Акча-Дарьинской дельты были близки этим.

каждом черепке шифр (сокращенно год раскопок, название памятника, номер квадрата и т. п.) и пытаются из многих тысяч черепков выбрать относящиеся к одному сосуду. Здесь-то и оправдывается упаковка по квадратам. Лежащие рядом или выброшенные в одно место черепки раздавленного или разбитого сосуда склеить легко. Обычно, правда, кое-каких кусков недостает. Но это не беда — варить мясо в нем больше никогда не будут, а форма сосуда ясна.

Кельтеминарцы, жившие в большом доме возле возвышенности, на которой позже была построена крепость Жанбас-кала, умели делать сосуды разных форм: большие, вертикально вытянутые с раздутыми боками, шаровидные с отогнутым наружу верхом, небольшие полусферические чашки. Особенно интересны сосуды несколько странной формы — ассиметричные, в виде половинки разрезанного вдоль яйца. Археологи назвали их *ладьевидными*. Точно такие сосуды больше нигде археологам не попадались. Вся керамика была остроили круглодонной.

Посуду изготовляли ручным способом; гончарного круга кельтеминарцы еще не знали. В Хорезме он появился только в первой половине I тысячелетия до н. э.

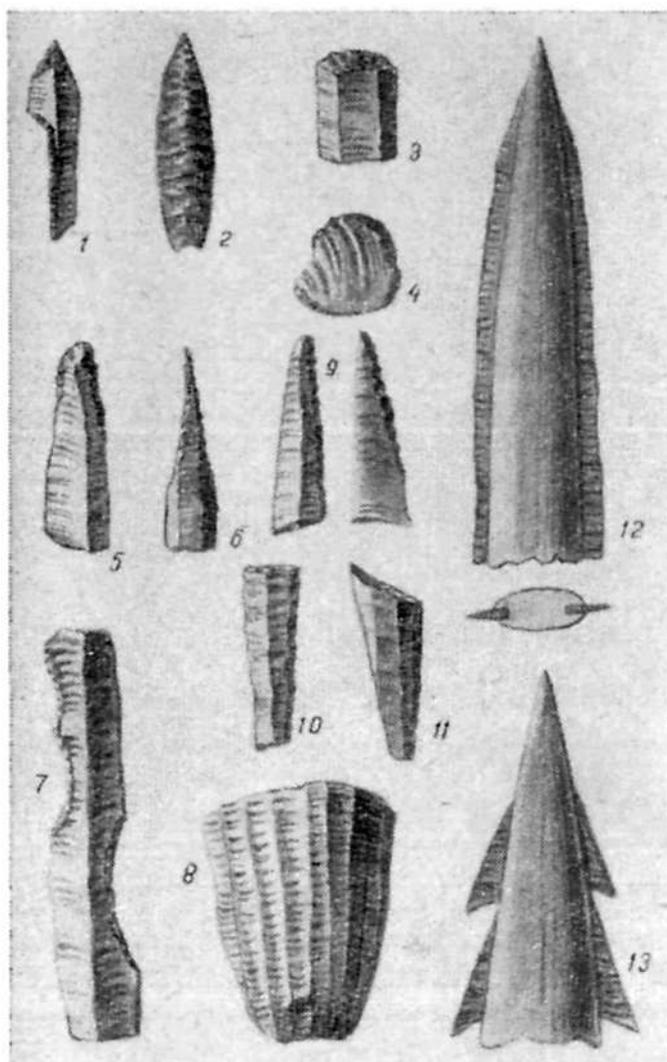
Как делался такой сосуд, мы знаем по многочисленным описаниям этого процесса, относящимся к сравнительно недавнему времени. Вот каким способом лепили сосуды в одном из таджикских селений в долине реки Хуф. Описание его сделано этнографами и относится примерно к 30-м годам XX в.

«...Взяв кусок глины из очень небольшого приготовленного для работы запаса, мастерица кладет его на камень, лежащий перед ней на земле, и при помощи пальцев формует дно и нижнюю часть стенок, придавая ему вид неглубокой чашки... Сделав такие заготовки для двух-трех сосудов, она снова принимается за первый из них. Раскатав на камне ладонями глину в тонкий валик, она налепляет его на край сосуда и расплющивает в ленту при помощи пальцев правой руки, поддерживая незакрепленный конец левой рукой. После этого она проходит пальцами обеих рук по всей поверхности налепа, смачивая время от времени пальцы в воде, и окончательно выравнивает наложенную глину со стенкой начатого сосуда. Налепив два-три валика, мастерица переходит к следующему сосуду, пока не закончит все. В процессе налепа она руками придает сосуду желательную форму».

До обжига сосуды украшались. Их покрывали орнаментом при помощи тонкой палочки (прочерчиванием) или зубчатого штампа (наподобие короткозубой гребенки). Стенки сосуда сверху донизу разбивали обычно на ряд геометрических фигур различной формы. Поля их заполняли волнистыми, прямыми или зигзагообразными линиями. Иногда наружная поверхность сосудов окрашивалась в красный или желтый цвет.

Обжигали посуду в больших кострах. Обжиг был при этом слабый и неровный. Многие из сосудов давали трещины.

Орудия труда и охотничье вооружение кельтеминарцы изготовляли из камня, кости и дерева. Деревянные изделия не сохранились, костяные тоже, за исключением нескольких обломков наконечников стрел или гарпунов. Зато каменные, главным образом кремневые, представлены в материалах раскопок многими сотнями.

Кремневые орудия кельтеминарцев:

1—2 — наконечники стрел; 3—4 — скребки; 5 — сверло;
6 — проколка; 7 — скобель; 8 — нуклеус; 9—11 — вкладышевые лезвия; 12—13 — реконструкция орудий с применением вкладышей.

В обработке камня кельтеминарцы достигли большого совершенства. Они умели искусно расщеплять кремль, отделяя от специально подготовленного массивного ядрища — нуклеуса — тонкие и длинные пластинки с очень острыми параллельными краями. Археологи называют их ножевидными пластинами. Обрабатывая затем эти пластины, снимая по краям тонкие и мелкие чешуйки кремня (археологи говорят: «ретуши-

руя» их), они могли придать им любую форму, притуплять или заострять любой край. Так изготовлялись наконечники стрел, скребки, сверла, проколки и многое другое. Для различных целей употреблялись и необработанные ножевидные пластинки.

Среди находок на Джанбас 4 и других кельтеминарских стоянках, за исключением небольшого числа шлифованных топоров, почти нет крупных орудий. Это не значит, что таких орудий не было вообще. Дело в том, что у кельтеминарцев, так же как и у многих других неолитических племен, эти орудия не были «цельнокаменными». Кельтеминарцы в совершенстве освоили так называемую *вкладышевую технику* изготовления крупных орудий. Принцип ее тот же, что и у современной безопасной бритвы: кремневое лезвие или серия их вставлялись в пазы деревянной или костяной основы; после того как одно из лезвий ломалось, его заменяли новым, не выбрасывая всего орудия. Так изготовлялись копья, гарпуны для охоты и рыбной ловли, охотничьи ножи и т. п. Пластинки-лезвия (*вкладыши*), специально подготовленные, вставлялись в пазы основы с одной или двух сторон в виде ровного лезвия или шипов — в зависимости от назначения изделия. В пазах они закреплялись смолой.

На крупных, хорошо сохранившихся кельтеминарских стоянках можно найти сотни орудий, не считая огромного количества отходов — кремневых отщепов и обломков. Назначение многих из них определить легко: очень уж характерная у них форма. Не спутаешь ни с чем наконечники стрел, почти всегда выразительны кремневые проколки; однообразны большие серии скребков — орудий для обработки шкур. Функции многих орудий были определены по аналогичным формам кремневых изделий у некоторых, сохранивших первобытную технику современных племен. Еще сравнительно недавно исследователь мог наблюдать работу, выполняемую этими орудиями у коренного населения Австралии. Однако о назначении некоторых изделий, в том числе и встречающихся довольно часто, еще и сейчас можно только высказывать предположения. В специальных археологических работах вместе с такими определениями, как «топор», «тесло», «наконечник», «сверло», можно встретить и другие: «ножевидная пла-

стина с выемками», «пластина с ретушью по краю» и т. п. В археологическом описании нельзя обойтись без классификации, и, не зная функционального назначения изделий, археолог классифицирует их по каким-то характерным признакам формы или техники обработки.

За последние годы исследователями выработана и совершенствуется новая интересная методика определения функций каменных орудий — по следам сработанности на них. Какой бы твердой ни была порода, из которой орудие изготовлено, и какой бы плотности ни был обрабатываемый им материал, на постоянно употреблявшемся орудии можно найти следы сработанности. Правда, они обычно настолько малоощутимы, что обнаружить их можно только с помощью микроскопа или сильной лупы. Это пучки тонких царапин, идущих параллельно, под углом или перпендикулярно рабочему краю. Самое важное заключается в том, что характер этих царапинок, их направление и расположение разные в зависимости от того, что делали орудием: перерезали пучки травы, скоблили шкуру, резали кость или сверлили отверстие в бирюзовой бусине. Коротче говоря, изучение их позволяет определить, что делали орудием, каковы его функции. Насколько это важно для изучения хозяйства неолитических племен, объяснять не приходится.

Кельтеминарцы, как мы уже говорили, селились по берегам дельты и близ внутريدельтовых возвышенностей. Кругом вода, заросли, песок. Песчаные и глинистые водные отложения достигают здесь многих десятков метров. Лишь кое-где на такырах можно встретить небольшие скопления мелких, сильно окатанных водой разноцветных галек да обломки плитняка-песчаника. Если не было поблизости хорошего материала, неолитические люди могли использовать для изготовления каменных орудий и гальку. Мы знаем много подобных примеров.

Но находки на кельтеминарских стоянках совершенно явно свидетельствуют, что галька здесь была малоупотребительна. Кельтеминарцы пользовались хорошим кремнем — белым или красновато-коричневым. Нуклеусы встречаются очень крупные; такие из гальки не сделаешь. Долгое время об источниках получения этого кремня можно было только предполагать. Давно

уже археологи посматривали на Султануиздаг, невысокий зубчатый контур которого маячил на горизонте. Может быть там?

Как это часто бывает, мастерскую-каменоломню Бурлы 3 (с нее мы начали наш рассказ) обнаружили совершенно случайно, во время небольшой разведочной поездки.

Люди каменного века знали много способов получения пригодного для обработки кремня.

В некоторых районах пласты и крупные желваки кремня выходят прямо на поверхность. Здесь их и раскалывали, потом обтесывали, приготовляя различные заготовки. Мы уже говорили об использовании кремневой гальки там, где не было хороших запасов кремня.

Но уже в глубокой древности человек в поисках высококачественного кремня спустился под землю. Небольшой овальный холмик на возвышенном плато, обрывающемся в сторону древней дельты, снабжал в течение многих веков всю округу высококачественным кремнем — халцедоном. Включения кремня в виде прослоек и крупных желваков образовались в щелях, трещинах и пустотах древних мраморов. Сначала кремень отрабатывался с поверхности, затем, когда запасы его здесь иссякли, человек проник в глубь холма. На вершине холма образовалась огромная корытообразная выработка длиной свыше 30 и шириной до 13 м. Глубина этого карьера была не менее 10 м. Прослойки кремня уходили в западную стенку карьера, и, идя по их следам, древние горняки прорубили в западном направлении длинную (12 м) штольню. В конце ее мощность кремневых прослоек, очевидно, увеличилась, и штольня была несколько расширена в стороны и вверх. Позднее плиты, образывавшие кровлю этой подземной выработки, обрушились, и теперь каменоломня представляет собой два открытых карьера, соединенных штольней.

В каменоломне добывали не только кремень, но и другой чрезвычайно интересный минерал — *полыгорскит*, или, как его еще называют, *горную кожу*. Внешне он похож на долго пролежавший в земле, перепревший толстый картон — желтый или коричневатый, хорошо расслаивающийся, волокнистый. В отвалах он встречался в виде обрывков неправильной формы и разной величины, а на стенках штольни видно, что за-

легают он горизонтальными слоями и иногда смят (гофрирован). Как применялся польгорскит — сказать трудно. Возможно, он использовался при раскалывании кремневых желваков в качестве амортизатора. Во всяком случае «подушку» из «горной кожи» мы находили много раз под служившими наковальнями плоскими валунчиками.

Может быть, на Бурлы 3 добывали и сердолик — окрашенную в красноватый или желтоватый цвет высококачественную разновидность халцедона. Сердолик в древности широко применялся для изготовления различных украшений.

За два месяца удалось прорезать большую выработку разведочной траншеей да кое-где заложить небольшие шурфы. Примерно до половины глубины карьер оказался заваленным отходами — обломками кремня и мраморов. Толстый слой отвалов лежал и на склонах холма. В верхних слоях отходов, скопившихся на дне карьера, археологические находки оказались перемешанными. Здесь можно было найти и обломок кельтеминарского сосуда и керамику XII в. — средневековую. В самом низу мы нашли, правда немногочисленные, предметы только кельтеминарского, неолитического времени. Все эти находки — керамика, кремневые изделия, бронзовый наконечник стрелы — позволили установить, что по крайней мере с III тысячелетия до н. э. и до XIV в. (а может быть, и позднее) в каменоломне добывался кремень: сначала для изготовления орудий, позднее для высекания огня, а затем, с XVI в., возможно, и для оснащения кремневых ружей. По подсчетам геологов за это время на каменоломне было выбрано около трех тысяч кубометров очень твердой породы, причем не менее 10% ее объема составлял кремень. Цифры, как видите, довольно внушительные. В основном, месторождение кремня было выработано, очевидно, в глубокой древности. Ведь для изготовления орудий требовались хорошие куски кремня. Позднее, возможно, пользовались уже отходами, поэтому в верхних слоях археологический материал и оказался перемешанным.

Так была открыта еще одна из тайн древних кельтеминарских мастеров.

Мы еще очень мало знаем о духовной культуре кель-

теминарцев, и в частности об их верованиях. Ни памятников искусства, ни погребений, дающих обычно основной материал для изучения этих вопросов, археологи еще не нашли. Правда, кое-что все-таки можно предположить. Вспомните большой очаг в центре дома, раскопанного на Джанбас 4. Бытовым он быть не мог: находок вокруг него почти совсем не было. С. П. Толстов предположил, что это культовый очаг, являвшийся религиозным центром обитавшей в доме родовой общины. Священный неугасимый огонь очень долго горел в центре дома. Поэтому на дне очага лишь толстый слой белого пепла и нет углей и золы, а полуметровый слой песка под ним докрасна прокален. Это предположение тем более вероятно, что впоследствии, как нам известно, культ огня играл большую роль в религии домусульманской Средней Азии.

За последние годы археологами открыты многие десятки новых неолитических стоянок — в разных районах Кызылкумов, вдоль Узбоя, в Приаралье. Раскопано еще одно жилище — такое же по форме и конструкции, но несколько больших размеров. Установлено, что кельтеминарская культура существовала на этих территориях очень долго: с конца IV до начала II тысячелетий до н. э. Материал, найденный на поздних кельтеминарских стоянках, рассказал о некоторых существенных изменениях, произошедших за это время в хозяйстве и материальной культуре. Охота и рыболовство, как и прежде, составляли основу хозяйства, но некоторые данные говорят и о зарождении скотоводства. На некоторых позднекельтеминарских стоянках найдены кремневые вкладыши для серпов — может быть, зародилось земледелие. Очевидно, в это время произошло и первое знакомство кельтеминарцев с металлом: на развешенных стоянках археологи нашли несколько обломков мелких металлических изделий. Они были изготовлены еще не из бронзы — сплава меди с оловом, а из чистой меди. Время появления первых медных изделий обычно называется энеолитом — медным веком или, точнее, меднокаменным веком. В это время большинство орудий все еще оставались каменными.

Пришли ли кельтеминарцы откуда-то на эти территории или их предшественники жили здесь и раньше —

окончательно этот вопрос еще не выяснен. Более древних, чем Джанбас 4, стоянок в низовьях Аму-Дарьи, в Кызылкумах и на Узбое еще не найдено.

Ближайшими соседями кельтеминарцев на юге были высокоразвитые племена земледельцев и скотоводов. Памятники их относятся к VI—III тысячелетиям до н. э. Лучше всего они изучены в предгорьях Копетдага, на территории Туркменской ССР. В IV тысячелетии у них появились медные, а в III уже и бронзовые орудия. Они строили долговременные дома, сначала из овальных в сечении глинобитных блоков — «булок», а затем и из настоящих сырцовых кирпичей. Возделанные участки орошались во время разливов многочисленных ручьев. Такой тип орошения называется л и м а н н ы м. Позднее жители этих мест начали строить небольшие каналы.

Отлично сделанную и обожженную посуду они украшали узорами, нанесенными с помощью краски. Кроме орнаментов геометрического характера, на сосудах можно видеть и изображения различных животных и растений.

Казалось бы, что общего между высококультурными для того времени земледельцами и скотоводами юга и рыболовами, охотниками и собирателями степных и пустынных областей? Однако между ними нашлись черты сходства, и очень существенные. Археологи уже давно обратили внимание на сходство некоторых мотивов орнамента расписной посуды Южной Туркмении и кельтеминарской. Простое заимствование орнамента маловероятно, так как орнаментальные мотивы на древней керамике, как правило, очень устойчивы и связаны с традиционными культовыми представлениями.

Еще более интересным кажется то, что отмеченное сходство на ранних этапах оказалось более тесным. Более того, кремневые изделия южнотуркменистанских памятников VI—V тысячелетий до н. э., отличаясь от несколько более поздних кельтеминарских некоторыми особенностями, были очень близки последним по общему облику. И наконец, и те и другие обнаруживали черты сходства с более древними — мезолитическими и раннеолитическими орудиями памятников Ирана, Прикаспия и других областей. Поэтому было высказано предположение о происхождении этих, столь непохожих друг на друга культур от каких-то двух близко родст-

венных основ, общие корни которых уходят далеко в глубь веков.

Как мы уже говорили, на кельтеминарской территории памятников ранее конца IV тысячелетия до н. э. мы до сих пор не знаем. Поэтому вопрос о первоначальном заселении этих районов остается открытым. Правда, в Прикаспийских областях Туркмении (в районе Красноводского полуострова) известны и более древние памятники и современные кельтеминарским, к тому же и по культуре очень близкие последним. Прямую линию непосредственных родственных связей близкого к кельтеминарскому населению здесь можно довести по крайней мере до заключительных этапов предшествующего неолиту периода — мезолитического. В абсолютном исчислении это будут примерно VIII—VII тысячелетия до н. э. Известны здесь и более ранние памятники, но изучены они значительно хуже.

Не менее сложным для археологов оказался и вопрос о судьбах кельтеминарской культуры. В каких отношениях с кельтеминарцами находились племена, обитавшие позднее на этой же территории? Были ли они пришлыми? Если да, то куда исчезли кельтеминарцы? Или это те же кельтеминарцы на новом этапе развития, воспринявшие какое-то постороннее влияние или перемешавшиеся с пришельцами и изменившие таким образом свою культуру?

Еще в довоенные годы Хорезмской экспедицией была открыта группа стоянок первобытного человека, материал которых позволил отнести их уже не к эпохе неолита, а к бронзовому веку. Стоянки эти отличались друг от друга. С. П. Толстов выделил две их группы и установил, что различия эти не вызваны разницей во времени; они оказались одновременными и датировались, примерно, серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э. На одних стоянках была найдена грубая лепная, но уже плоскодонная, в отличие от кельтеминарской, керамика с богатым нарезным и штампованным орнаментом. На других — также плоскодонная керамика, но несколько иных форм, с довольно бедным орнаментом и, главное, часто окрашенная в желтый и красный цвет. Ясно было, что эти одновременные и расположенные на одной территории стоянки оставлены разным населением. Так были открыты две

Посуда, сделанная тазабагъябцами, племенами бронзового века.

новые культуры эпохи бронзы: тазабагъябская и суярганская.

В те же годы были открыты и изучены первые памятники еще одной культуры первобытного человека — амирабадской. Она оказалась еще более поздней, относящейся уже к началу I тысячелетия до н. э. О ней мы расскажем в конце главы.

Начало бронзового века ознаменовалось не только освоением первобытным человеком процесса выплавки металлов и изготовления из них орудий. Эта новая эпоха в истории связана с очень существенными изменениями в хозяйственной деятельности и общественном строе древнего населения. Изменения эти имели всеобщий характер, то есть в той или иной степени и форме были свойственны всему человечеству.

Что же означал тот относительно более высокий уровень развития культуры, о котором говорят историки и археологи, описывая переход от эпохи неолита к бронзовому веку? На большинстве территорий охота и рыболовство, являвшиеся раньше основой хозяйства, отошли к этому времени на второй план, утратили прежнее значение. Скотоводство оказалось более эффективным для получения мяса, чем охота. Сильно изменилось, развилось и оформилось во вполне самостоя-

тельную отрасль хозяйства и земледелие. Археологи установили, что в ряде районов в это время на смену мотыжному пришло плужное земледелие. Первые плуги были деревянными и, естественно, с тех далеких времен не сохранились. Поэтому определить для каждой территории время появления плужного земледелия очень трудно.

Развитие хозяйства привело к одному из важнейших событий в истории общества — первому крупному общественному разделению труда. В некоторых областях, там, где этому особенно благоприятствовали природные условия, скотоводство постепенно превратилось в ведущую отрасль хозяйства и потеснило земледелие. Более того, некоторые специфические условия ведения скотоводческого хозяйства — необходимость иметь обширные пастбища, переходить со стадами с одного места на другое и т. п. — сделали занятия земледелием затруднительными. В других районах, с иными природными условиями, решающее значение в хозяйстве приобрело земледелие в его новых, более продуктивных формах. Поэтому произошло разделение этих двух основных отраслей производства, возникли два пути развития хозяйства, а вместе с тем и культуры — земледельческий и скотоводческий.

Существует мнение, что древние скотоводы вели полностью кочевой образ жизни. Между тем во многих случаях это не совсем верно. Скотоводство, как основная отрасль хозяйства, очень часто дополняется и земледельческими занятиями некоторой части населения и во многих случаях не противоречит известной степени оседлости. А если природные условия благоприятствовали, то скотоводство могло сочетаться и с прочной оседлостью.

Общественное разделение труда, выделение пастушеских племен привело, в свою очередь, к другому важному обстоятельству. Во времена охотников, рыболовов и собирателей каждый человеческий коллектив производил почти все необходимые для него продукты. Он мог испытывать затруднения лишь в добывании некоторых не встречающихся на его территории вещей, например каких-то пород поделочного камня, красивых раковин для украшений и т. п. В результате общественного разделения труда население уже не могло пол-

ностью обеспечить себя всем необходимым: скотоводы нуждались в продуктах труда земледельцев, и наоборот. Все это вызвало расширение обмена. Обмен между отдельными племенами, часто очень отдаленными территориально, существовал и раньше, но тогда он был еще в значительной степени случайным. Теперь же он становится регулярным.

Развитие хозяйства, переход от охоты и разведения домашних животных к скотоводству и от примитивных форм мотыжного земледелия к плужному земледелию вызвали, в свою очередь, значительные изменения в общественном строе. Прежде мужчина занимался охотой, женщина — земледелием, собирательством и приготовлением пищи. На этом основывалась ее важная роль в хозяйственной, а следовательно, и в общественной жизни коллектива. Теперь и скотоводство и земледелие стали целиком сферой мужской деятельности; женщина оказалась занятой в основном в домашнем хозяйстве. Главенствующая роль мужчины в экономике повлекла за собой изменение многих характерных для матриархального строя общественных установлений — формы брака и семьи, системы наследования и т. д. Произошел переход от матриархата к патриархату.

Мы уже говорили, что основные закономерности развития человеческого общества имеют всеобщий характер. Однако это не значит, что все вышеописанные события происходили одновременно на всех территориях и в совершенно одинаковых формах. На самом деле древнейшие этапы человеческой истории представляют собой очень пеструю картину. Для них характерны неравномерность и своеобразие в развитии отдельных территорий, отдельных обществ. В одно и то же время, на юге, в районах раннего возникновения земледелия и скотоводства, родовое общество находилось в стадии разложения и перехода к государственности, а на севере, в лесной зоне, существовали племена, еще не знавшие ни металлов, ни земледелия, ни скотоводства. В некоторых, даже относительно высокоразвитых в то время районах, в силу ряда специфических условий природного окружения, еще очень долго сохраняется и совершенствуется мотыжное земледелие. Так же долго у некоторых обществ продолжал существовать и матри-

архальный родовой строй, достигший здесь высокого развития. Высокоразвитое матриархальное устройство общества этнографам приходилось наблюдать еще в недавнем прошлом у некоторых индейских племен Северной Америки, отсталых племен Африки и Индии.

Знание законов общественного развития не избавляет поэтому археологов от внимательного и кропотливого изучения памятников материальной культуры каждой территории, особенностей общественного развития, уровня хозяйства и культуры людей, их оставивших. Знание этих законов только помогает такому изучению.

Вернемся, однако, к древним тазабагьябцам и суярганцам. Со времени открытия первых стоянок и до настоящего времени поиски и исследования новых памятников бронзового века на территории Хорезма практически не прекращались. Почти каждый год археологические разведки и раскопки, проводившиеся под руководством С. П. Толстова и М. А. Итиной — археолога, занимающегося изучением памятников бронзового века, приносили новый интересный материал. Было раскопано несколько стоянок этого времени, изучены остатки жилищ, керамика, древнейшие в Хорезме изделия из бронзы и, самое главное, история племен.

Как выяснилось, первыми на территории древней Аму-Дарьинской дельты появились суярганцы. Следы их появления здесь еще на рубеже III и II тысячелетий до н. э. — развешанные стоянки с обломками глиняной посуды и каменными орудиями — были найдены в северной части дельты.

Ранние суярганцы, как и кельтеминарцы, селились либо по краям дельты, либо у внутريدельтовых возвышенностей. Они еще не забыли многие из традиционных приемов обработки камня: на их стоянках нашли не только тщательно изготовленные каменные наконечники стрел листовидной формы (нередко встречающиеся на стоянках бронзового века), но и мелкие ножевидные пластинки и различные изделия из них. Ранне-суярганская посуда, как мы уже говорили, часто окрашенная снаружи, также имеет черты сходства с кельтеминарской. И жили суярганцы, по-видимому, в домах кельтеминарского типа, только иной формы и меньших по размерам. Во всяком случае, на более поздних суярганских стоянках раскопаны остатки на-

земных жилищ той же каркасной конструкции. Рыболовство и охота служили еще основой их хозяйства, однако бесспорно существовали уже зачатки земледелия и скотоводства.

При сравнении материалов, полученных с суярганских стоянок, с материалами других одновременных им культур выяснилось, что в более северных областях никаких близких родственников эта культура не имеет. Зато на юге, особенно в областях Иранского нагорья и прилегающих к нему районах, суярганские находки, особенно керамика — формы сосудов, многие детали их украшений, нашли очень много близких аналогий.

Ранние суярганцы хронологически наиболее близки кельтеминарцам. Учитывая многие сходные черты в их культуре, естественно возник вопрос об их отношении друг к другу и, если так можно выразиться, о степени и характере их родства. Поскольку материала для бесспорного решения этого вопроса оказалось недостаточно, то возникли две точки зрения. Согласно одной — суярганцы в конце III или на рубеже III и II тысячелетий до н. э. пришли в Хорезм с юга и заселили северную часть древней дельты. Сходные с кельтеминарскими черты их культуры объясняются тем, что культурная среда, из которой они вышли, была той же, что и породившая задолго до этого кельтеминарцев. Это родственники, но не очень близкие, во всяком случае, не прямые. Согласно другой точке зрения кельтеминарцы и суярганцы — ближайшие родственники. Культура кельтеминарцев послужила основой для формирования суярганской культуры. Короче говоря, суярганцы — это те же кельтеминарцы, только на новом этапе развития, воспринявшие и усвоившие, возможно, какие-то дополнительные внешние влияния. Второе предположение, более обстоятельно подкрепленное археологическим материалом, считается сейчас наиболее вероятным.

Несколько позднее, в середине II тысячелетия до н. э., на историческую арену в Хорезме выступают тазабагьябские племена. Как отличают археологи тазабагьябские стоянки от суярганских? Прежде всего, по керамике. Тазабагьябская керамика — это обычно различные варианты небольших плоскодонных горшков, в большинстве случаев богато украшенных нарядным нарезным или штампованным орнаментом в виде полос, углов,

треугольников, нанесенных на верхнюю часть сосуда. Каменных изделий очень мало: обычно наконечники стрел да зернотерки. В это время и у тазабагьябцев и у суярганцев каменные орудия уже в значительной степени были заменены металлическими — бронзовыми. Жилища тазабагьябцев, а мы их знаем теперь достаточно хорошо, сильно отличаются и от кельтеминарских и от суярганских — они не наземного, а полуземляночного типа, довольно большие (10×12 м; 12×15 м), с наземной частью из деревянных столбов, оплетенных камышом и обмазанных глиной.

Археологи установили, что в Южном Приаралье тазабагьябцы были пришельцами, чужаками. Откуда они пришли?

Уже давно стало известно, что во II тысячелетии до н. э. обширные степные пространства Поволжья, Казахстана и Южной Сибири были заселены скотоводческо-земледельческими племенами *срубной* — на западе и *андроновской* — на востоке археологических культур. Сравнительное изучение показало, что в культуре тазабагьябцев имеются в большом количестве элементы и той и другой. Местом соприкосновения и смешения населения двух последних культур был район Оренбургских степей. Оттуда, с северо-запада, как предполагают, и пришли в Южное Приаралье тазабагьябцы. Явившись результатом смешения двух отличающихся по культуре групп населения, тазабагьябцы на новом месте подверглись культурному влиянию со стороны суярганцев. Поэтому их культура, при наличии многих сходных черт с андроновской и срубной, уже качественно отличается от каждой из них.

Близкое соседство двух групп населения естественно привело к их постепенному смешению, а к концу II тысячелетия, как выяснилось, тазабагьябцы были полностью ассимилированы суярганцами. Естественно, что в результате этого изменился и облик самой суярганской культуры.

Хозяйство суярганцев и тазабагьябцев, по-видимому, сильно не отличалось друг от друга. Да это и не удивительно: ведь жили они в пределах дельты, в одинаковых природных условиях. И те и другие были земледельцами и скотоводами. О развитии земледелия говорят следы оросительных систем и полей, сохранившихся от этого

Более сотни погребений было раскопано на тазабагъябском могильнике Кокча 3.

времени. Они обнаружены в окрестностях нескольких стоянок бронзового века. Самые древние из них, относящиеся ко второй половине II тысячелетия до н. э., представляют собой небольшие прямоугольники обвалованных полей, расположенных рядом с одним из боковых затухающих протоков дельты, укрепленным вдоль берега невысокой дамбой. На поля вода поступала непосредственно из дамбированного русла. Такая система орошения называется *б а с с е й н о в о й*.

Позднее из русла стали выводить небольшие каналы, вода из которых распределялась потом на поля. Размеры полей обычно не превышали гектара. Землю обрабатывали мотыгой и в это время, и позднее.

Находки на стоянках костей домашних животных говорят о скотоводстве. Известно, что тазабагъябцы разводили крупный рогатый скот (найлены кости быка), а также овец и лошадей. По-видимому, не отличался существенно и характер суярганского скотоводства.

Одним из интереснейших памятников бронзового века Хорезма является большой могильник тазабагъябцев — *К о к ч а 3*. Он был обнаружен десять лет назад, во время одного из разведывательных маршрутов. На большом, окруженном невысокими песчаными грядами

такие разведчики заметили торчащие из земли горшки. Это были остатки древних могил. Археологи работали здесь два полевых сезона: было раскопано более сотни погребений различной сохранности. Из них свыше семидесяти дали различные находки.

Найти могильник для археолога, изучившего древнюю культуру только по остаткам поселений, очень важно. Особенности погребального обряда являются обычно самым надежным источником для изучения древних верований, и в частности представлений о загробной жизни. Многие могут рассказать они и об общественном строе — в обряде погребения отражаются господствовавшие в то время общественные отношения. И, наконец, этот материал во многом может дополнить известные по раскопкам стоянок представления о культуре и хозяйстве погребенных. Ведь в погребении, если оно не было ограблено впоследствии, археолог обычно находит не черепки, а целые сосуды, не выброшенные обломки орудий, а целые орудия. Словом, опытный исследователь, тщательно изучив данные раскопок могильника, может получить множество новых и интереснейших сведений о людях той эпохи.

Тазабагьябцев хоронили в неглубоких прямоугольных ямах. Их клали на бок (на правый или на левый)

Вместе с умершими в могилу ставились сосуды с едой. Археологи предполагают, что это была молочная пища.

с согнутыми в коленях ногами и в локтях руками, головой на запад. Археологи называют обычно такое положение покойников «скорченным». Большинство погребений были одиночными, но были и парные. В головах погребенных стояли глиняные горшки: от одного до трех. В некоторых погребениях нашли также бронзовые и каменные украшения, бронзовые иглы — у женщин и бронзовые шилья — у мужчин.

О чем же рассказал могильник археологам?

Прежде всего, еще раз о близких связях с северными племенами бронзового века. И снова о многих признаках, характерных только для тазабагъябской культуры. Антропологи, например, изучив черепа и кости погребенных, установили, что на правом боку лежали только мужчины, а на левом — только женщины. Это — одна из особенностей могильника и погребального обряда тазабагъябцев, не характерная для родственных им племен Поволжья и Казахстана.

А вот другое интересное наблюдение. Известно, что сосуды с пищей, так же как и различные бытовые орудия и охотничье вооружение, клались в могилу для использования в будущей, загробной жизни. В погребениях бронзового века Поволжья, Казахстана и Южной Сибири в могилу вместе с погребенным часто клали и куски мяса и даже большие части туши животного. В сосудах из тазабагъябских погребений не было найдено ни костей животных, ни остатков зерен. Специально проведенные анализы содержимого горшков не обнаружили никаких следов растительной пищи. Археологи вполне закономерно предположили, что в горшках была либо вода, либо молочная пища. Последнее предположение очень интересно. Существует мнение, что молочное скотоводство возникло значительно позднее. Об этом, в частности, свидетельствуют наблюдения этнографов; установлено, что существуют скотоводы, обладающие большими стадами, но не употребляющие в пищу ни молока, ни молочных продуктов. Таковы, например, некоторые скотоводы Африки, Китая, Индо-Китая, Индии.

Но, пожалуй, самыми важными из наблюдений были те, которые касались общественного строя. Изучавшие особенности погребального обряда тазабагъябцев С. П. Толстов и М. А. Итина пришли к выводу, что общество их находилось на переходной ступени развития:

матриархат существовал лишь в качестве пережитков (может быть, весьма существенных), переход же к патриархату так и не произошел. На первый взгляд этому как будто противоречило большое число парных погребений.

Обычно появление парных погребений — мужчины и женщины — рассматривалось как одно из самых существенных доказательств перехода общества к патриархату. По этнографическим наблюдениям известно, что в развитом патриархальном обществе существовал обычай погребать вместе с умершим мужчиной насильственно умерщвленную женщину. Однако оказалось, что большинство парных погребений тазабагьябского могильника имело одну крайне важную и интересную особенность. Тщательно проведенными раскопками было установлено, что погребения эти были неодновременными: в большой, вырытой на двоих яме хоронили сначала одного умершего, а потом, иногда через много лет — второго. Но самое интересное заключалось в том, что примерно в половине погребений сначала была положена женщина и только потом мужчина. Это доказывалось и антропологическими исследованиями остатков погребенных и характером сопровождавших их вещей.

Вывод напрашивался только один: родственные отношения между мужем и женой стали довольно прочными, положение их в обществе было совершенно равноправным. Первое означает, что общество уже миновало период матриархата, для которого была характерна очень неустойчивая парная семья. Второе — что сильные пережитки матриархата все еще сохранялись. Примеры подобного рода известны и по археологическим и по этнографическим данным.

Материалы могильника позволили сделать еще много интересных наблюдений. Например, выяснилось, что среди тазабагьябцев, пришедших сюда, как мы уже говорили с северо-запада, были и люди другого, южного происхождения. Это было установлено антропологом Т. А. Трофимовой при изучении большой серии полученных археологами черепов и их сравнении с материалами из других районов. По всей видимости, это были суярганцы. Если это так, то могильник, а он датируется XIII—XI вв. до н. э., показывает одну из стадий смешения суярганцев и тазабагьябцев — двух разных по про-

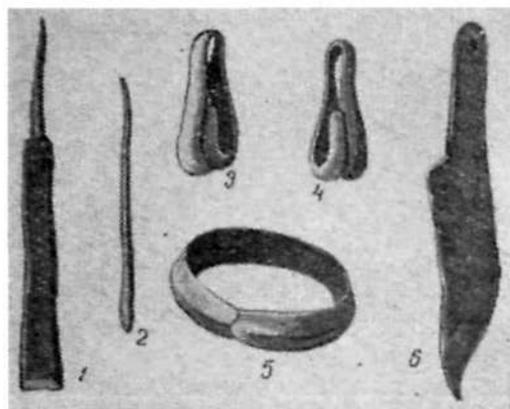
Реконструкция головы мальчика, сделанная по черепу, найденному в одном из погребений могильника Кокча 3 (реконструкция Г. В. Лебединской).

исхождению групп древнего населения дельты. Процесс этот, как мы уже говорили, закончился победой суярганцев.

Мы очень бегло говорили об изделиях из бронзы. Много ли их попадаетеся археологам в памятниках бронзового века? В некоторых районах эти находки очень богаты, в других — в то же самое время — довольно бедны. Древняя Акча-Дарьинская дельта относится, пожалуй, к числу последних. Правда, изделия из бронзы найдены здесь и на тазабагьябских и на суярганских стоянках. Мы уже говорили об иглах, шильях и женских украшениях — браслетах, височных подвесках и бусах из могильника Кокча 3. На тазабагьябских стоянках найдены также бронзовые однолезвийные ножи. На суярганских стоянках нашли обломки больших бронзовых серпов и интересной формы ножи: с выделанной рукояткой, слегка изогнутым лезвием и оттянутым назад кончиком.

Возможно были и другие орудия, но археологи их пока не нашли. Дело в том, что металл в это время, сначала медь, потом бронза, был большой драгоценностью. Разведка источников сырья — медных руд — была делом сложным; имелись они не везде, да и не каждое место-

Бронзовые орудия и украшения
тазабагъябцев и суярганцев:

1—2 — шилья; 3—5 — украшения; 6 —
нож.

рождение могло с успехом разрабатываться в древности. Ведь рудокop бронзового века был вооружен лишь каменными, костяными и деревянными орудиями. Процесс плавки руды в ямах, на костре, был еще настолько примитивен, что давал очень мало металла. Много его оставалось в шлаках. Если учесть к тому же, что для получения бронзы, кроме меди, нужны были и другие компоненты (олово, мышьяк

или цинк; иногда, но очень редко, они попадались в виде примесей в медной руде), то можно себе вообразить, насколько сложным и трудоемким был процесс изготовления небольшого бронзового ножа.

Бронзовые орудия очень берегли, старались не терять, а если они ломались, то шли в переплавку. А ведь археолог в большинстве случаев сталкивается со сломанными, негодными, выброшенными вещами. Редко попадают орудия утерянные, еще реже — спрятанные.

Археологов уже давно начали интересоваться вопросы древнейшей металлургии и горного дела. И не только техника выплавки металла и изготовления орудий, но и источники различных видов сырья (металлических руд, различных пород поделочного камня, в том числе драгоценных и полудрагоценных камней) и способы их разработки. О том, что разработки эти должны были быть значительными, говорило количество металлических изделий на многих территориях. Особенно, если учитывалось при этом несовершенство процесса выплавки. Начались специальные исследования, в результате которых открылась новая, до сих пор еще сравнительно мало изученная, но очень важная сторона деятельности первобытного человека. В своих поисках археологи, не впервые уже, объединились с геологами.

...Главный штаб узбекских геологов расположился на одной из центральных тенистых улиц Ташкента. Стены

комнат и коридоров большого четырехэтажного дома заставлены стеллажами, на столах свертки разноцветных карт и чертежей, стопки отчетов, полевых дневников и пикетажных книжек. В одной из небольших комнаток управления меня встречает уже немолодой, но очень живой и подвижный человек. Это Степан Владимирович Лопатин, начальник одной из партий Ревизионно-тематической экспедиции. Взгляд сразу же обращается к стеллажам с образцами пород — крупными и мелкими бесформенными кусками, черными и кроваво-красными, серыми, белыми, однотонными или с живописно изогнутыми цветными прослойками. Одна полка, другая, третья... Но что это? Как это попало сюда, к геологам? Коробки с обломками древней посуды — первобытной, античной, средневековой. Кремневые орудия — ножевидные пластинки, наконечники стрел. Массивные, грубообитые каменные молоты.

Знакомлюсь с работающими в комнате сотрудниками партии; один из них оказывается археологом, недавним выпускником кафедры археологии Ташкентского университета. Непосвященному многое может объяснить официальное название партии, несколько длинноватое, но вполне понятное: «Партия карты древней горной деятельности». Вот оказывается почему на стеллажах вместе с образцами руд и минералов лежат обломки древней посуды и кремневые орудия.

Уже несколько лет работают С. В. Лопатин и его товарищи на равнинах Кызылкумов, в горах Чаткала и Курамы. Тысячи километров разведывательных маршрутов, сотни нанесенных на карту пунктов, где древний человек добывал руды, различные самоцветы, поделочный камень. Геологи встретили и настоящие рудники колоссальных масштабов, с шахтами и штольнями, системой водоотлива и вентиляции, с горами отвалов пустой породы, и небольшие корытообразные почти совершенно заплывшие ямки. В них добывали железные и медные руды, золото и бирюзу, тальковый камень и кремень. Всего, что добывалось в древности — от неолита до позднего средневековья на территории Узбекистана, пожалуй, и не перечислишь.

Могут спросить: при чем здесь геологи? Разве изучение памятников древней деятельности человека, определение их возраста по археологическим находкам — их

дело? Может быть, правы скептики из Главгеологии (есть и такие!) в своем ироническом отношении к «горшкам и черепкам». Однако достаточно поговорить с С. В. Лопатиным, очень опытным геологом и энтузиастом своего дела, и становится понятным, почему не только археологи, но и геологи занимаются изучением древних горных выработок. Ясно становится, что им просто необходимо заниматься этим.

В течение трех лет С. В. Лопатин обследовал известные по древним и средневековым источникам, описаниям путешественников, отчетам геологов и географов древние разработки полезных ископаемых в Кызылкумах. Выяснился интереснейший факт: население Кызылкумов и прилегающих районов еще с древнейших времен отлично знало о скрытых в недрах земли богатствах.

Современные геологи-поисковики вооружены совершенными приборами и методами разведки полезных ископаемых. А у древних на вооружении было лишь отличное знание окружающей их природы. Многие из того, чего им не хватало для жизни, они научились брать в богатейших недрах Кызылкумов.

Геологи уже давно пытаются использовать в своих поисках наряду с современными методами и знания древних. В этом им помогают археологи. По этому же пути идут сейчас С. В. Лопатин и его товарищи. Результаты их работы говорят сами за себя: они уже обнаружили пригодные для промышленных разведок месторождения бирюзы, талькового камня, обсидиана, некоторых металлических руд, в том числе и очень ценных. Но исследователи ставят перед собой более широкие задачи: выработать методику, разработать систему поисковых признаков для обнаружения месторождений и определения их характера по следам древних выработок.

Без археологии здесь обойтись нельзя. И геологи ищут и находят в древних забоях и на осыпях отвалов древнюю керамику, каменные орудия рудокопов, все, что еще сохранилось от тех далеких времен. Оказывается, в оценке месторождений большое значение имеет датировка связанных с ними выработок — карьеров, траншей, штолен. Ведь горнодобывающая техника — различные приемы и орудия — все время совершенствовалась. Самых древних рудокопов по «технической оснащенности» трудно сравнивать с более поздними. Первые выра-

батывали обычно лишь небольшие поверхностные участки месторождения с наиболее богатым содержанием металла или минерала, оставляя более бедные с их точки зрения, но очень перспективные с точки зрения современной практики участки. Вторые обрабатывали участки разной ценности и на больших площадях. Объем отвалов вынудой ими породы достигает иногда нескольких сотен тысяч кубометров. Археологические находки помогают определять время разработок, отдельные их этапы.

Древнейшие из известных в Кызылкумах горных выработок относятся к кельтеминарскому времени, то есть к III тысячелетию до н. э. Мы уже говорили о Бурлы 3 — месте, где добывался кремень и горная кожа. Недавно стало известно, что кельтеминарцы добывали и широко использовали для изготовления украшений и бирюзу — красивый голубой камень, издавна являющийся на Востоке одним из любимых самоцветов. Найдены остатки мастерских, в которых археологи собрали вместе с обломками бирюзы, бракованными и недоделанными бусинами десятки крайне миниатюрных, сделанных из кремня сверл. С их помощью неолитические мастера делали в бусинах отверстия для нанизывания.

По-видимому, в конце III или на рубеже III и II тысячелетий до н. э. произошло первое знакомство их с металлом — медью. А для II тысячелетия до н. э. — периода тазабагьябцев и суярганцев — следы медных плавок отмечены уже во многих пунктах Кызылкумов. Возможно, в это время начали добывать и золото.

Мы оставили тазабагьябцев и суярганцев на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Близкое соседство их привело к смешению культур и закончилось постепенным растворением пришельцев с севера — тазабагьябцев — в среде населения южного происхождения. В IX—VIII вв. до н. э. позднесуярганская культура получила свое дальнейшее развитие в культуре амирабадской.

Амирабадское время — один из наиболее интересных периодов в истории Хорезма. Амирабадская культура — последняя культура эпохи первобытнообщинного строя. На протяжении этих двух веков мы видим на территории Хорезма последние неукрепленные поселения первобытных земледельцев и скотоводов. На смену им встают прорезанные бойницами высокие стены поселений и городов классового рабовладельческого общества.

Раньше мы уже упоминали об амирабадской культуре. Первые памятники ее были открыты экспедицией еще до войны. Сейчас на территории древней дельты археологи насчитывают уже около десятка амирабадских поселений и в их числе такой замечательный памятник древней культуры, как Якке-Парсан 2. Это уже настоящий поселок из более чем двадцати больших домов-полуземлянок с верхней частью из дерева, камыша и глины. Жилая площадь каждого из этих домов составляла 90—110 кв. м.

В жилищах амирабадцев археологи нашли огромное количество обломков посуды, продолжающей во многом позднесуярганские традиции. Были здесь и бронзовые изделия: иглы, шило, серп, наконечник стрелы. Но самыми интересными оказались находки каменных литейных форм для отливки бронзовых наконечников стрел и серпов. Они состояли из двух плотно пригнанных друг к другу половинок с углублением нужной формы в середине и отверстием для заливки расплавленного металла.

Амирабадцы, как и суярганцы, были земледельцами и скотоводами. Но по сравнению с последними они достигли в этих областях, особенно в земледелии, несравненно больших успехов. Высокий уровень производительных сил, достигнутый этими последними первобытными племенами Хорезма, и сделал возможным возникновение государства. Лучше всего об этом рассказывает амирабадская ирригация. Вспомним тазабагьябское и суярганское орошаемое земледелие. Сначала — примитивная бассейновая система у дамбированного русла. Затем — короткие канавки-каналы. И все это для крохотных участков обработанной земли.

Оросительные системы амирабадцев уже достаточно внушительны. От крупных протоков дельты они выводили магистральные каналы десятиметровой ширины, тянущиеся иногда на несколько километров. В постройке их участвовали уже не только свободные общинники, но и военнопленные — рабы. В нижних частях каналов были мелкие ответвления, подводившие воду на поля. О масштабах амирабадской ирригации можно судить и по размерам этих полей: в районе одной из стоянок они имеют площадь в 200 га, то есть в 200 раз больше суярганских. Амирабадские каналы можно сравнивать уже

не с тазабагъябскими и суярганскими, а с каналами раннеантичного Хорезма, построенными руками рабов. Они близки им и по характеру и по размерам.

Многие из характерных для последующей эпохи признаков зародились и постепенно оформлялись еще в недрах первобытнообщинного строя. Высокий уровень развития производительных сил способствовал возникновению торгового обмена. Задолго до возникновения государства появилась частная собственность и отдельные лица стали обладателями больших богатств. Появилось имущественное неравенство, богатые и бедные. Накопление богатств породило войны с целью грабежа, захвата чужого имущества, вызвало появление рабства, одной из основ известных нам древнейших государств. Это уже зародыш будущего классового общества.

Все эти изменения, вызванные в конечном итоге высоким уровнем развития хозяйства — земледелия и скотоводства, — подрывают развивавшиеся тысячелетиями отношения между людьми, вызывают постепенный распад первобытнообщинных отношений. Вершителями дел племени являются уже не все его члены и выбранные ими лица, а зажиточные и богатые семьи. Выборный глава племени постепенно становится наследственным.

В VII в. до н. э. в Хорезме возникает первое государство — одно из древнейших государств на территории СССР. Как символ его былого величия возвышаются сейчас среди песков развалины некогда грозных укреплений. Но о них мы расскажем в следующих главах.

Глава вторая

КРЕПОСТЬ ПОГИБШИХ БАРАНОВ

Это единственный из крупных хорезмских памятников, раскопанный целиком. Древние хорезмийцы жили здесь несколько столетий; археологи-хорезмийцы провели на памятнике в общей сложности немного больше года — восемь полевых раскопочных сезонов¹, с 1950 по

¹ Археологические раскопки в пустыне начинаются ранней весной, когда еще не очень жарко, а земля и остатки сырцовых построек успевают уже просохнуть. Обычно после перерыва они возобновляются осенью и продолжаются до начала дождей и холодов.

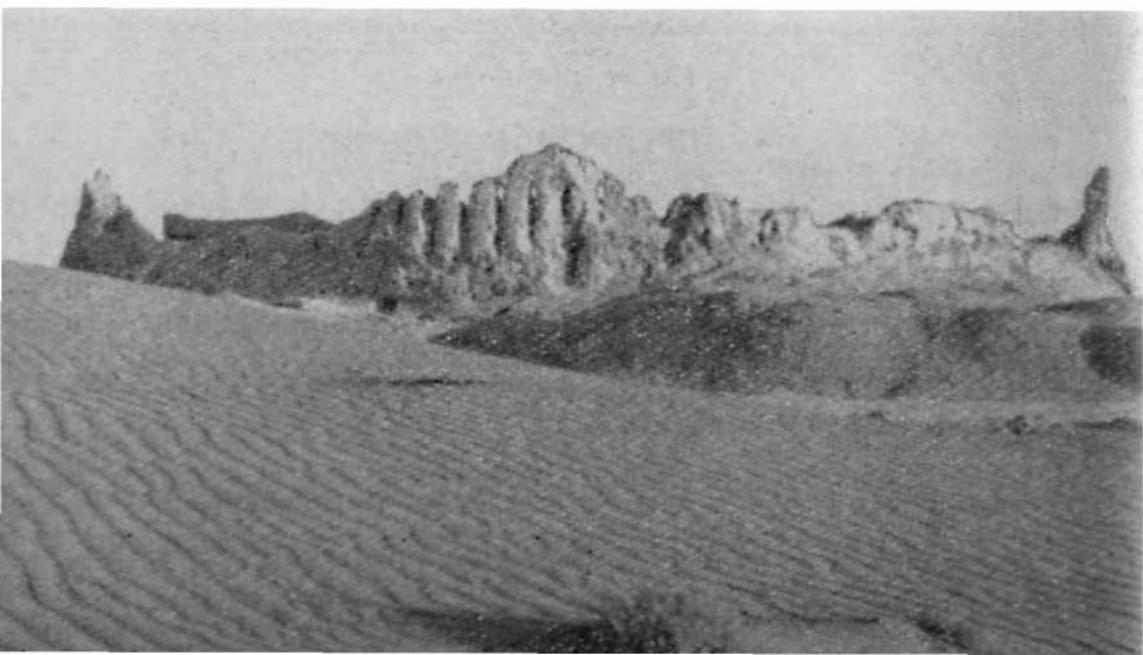
1957 г. Называется он сейчас **Кой-Крылган-кала**, что значит «крепость погибших баранов». Что произошло здесь с баранами мы не знаем, так же как и не знаем древнего названия памятника.

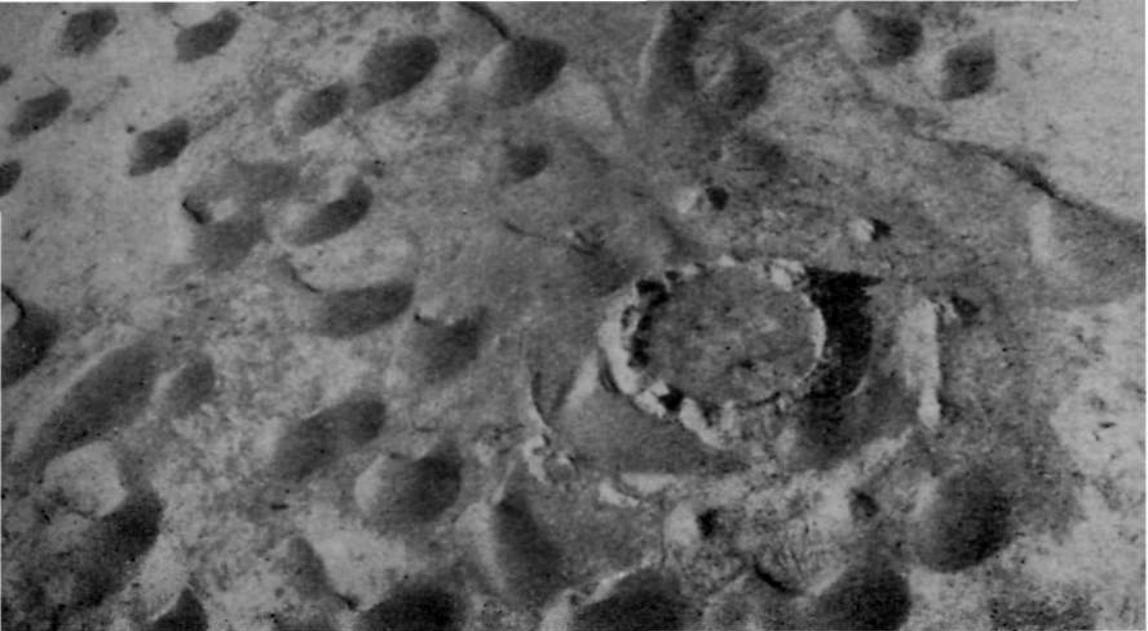
Недавно группа сотрудников экспедиции, проводившая под руководством С. П. Толстова раскопки Кой-Крылган-калы, закончила обработку материалов. Издательство «Наука» скоро выпустит в свет большую книгу — очередной том «Трудов Хорезмской экспедиции», целиком посвященный этим раскопкам. Но даже сейчас, когда изучены все привезенные из пустыни материалы, а наиболее интересные результаты и находки опубликованы в десятках статей, не утихают начавшиеся еще в поле, во время раскопок, споры по разным важным и не очень важным вопросам. Такой уж он, этот памятник Кой-Крылган-кала!

А чем он впервые привлек внимание исследователей?

В 1938 г. база Хорезмской экспедиции находилась у развалин крепости **Тешик-кала**. Отсюда небольшими караванами уходили археологи на верблюдах на обследование древних крепостей, во множестве видневшихся с высоких стен. Экспедиции были известны уже десятки древних памятников; тайну Кой-Крылган-калы скрыва-

Развалины Кой-Крылган-калы окружены тяжелыми барханными песками.

Так выглядела Кой-Крылган-кала с воздуха до раскопок.

ли окружавшие ее тяжелые барханные пески. Самолеты археологи тогда еще не использовали, и Кой-Крылган-кала была найдена в 1938 г. по существу случайно. Археологов удивила прежде всего невиданная до сих пор в Хорезме форма древней постройки: мощная цитадель, с остатками оборонительной стены по верху, оказалась не квадратной и не прямоугольной, как это привыкли видеть, а круглой. Снаружи правильным кругом, в центре которого она находилась, ее опоясывала внешняя оборонительная стена с башнями. Пространство между центральным зданием и стеной — «кольцо», как его условно назвали, — оказалось полностью застроенным. Глиняное сооружение было колоссальным: диаметр центрального здания — 42 м, высота в наиболее хорошо сохранившейся части — около 8 м, диаметр всего сооружения — около 90 м.

На такырах вокруг крепости и на ее развалинах были рассыпаны тысячи обломков великолепной глиняной посуды. По ним, а также по другим находкам, в частности по бронзовым наконечникам стрел, удалось установить, что перед археологами был самый древний из известных тогда памятников древнехорезмийской госу-

дарственности. Наиболее ранние находки относились к IV—III вв. до н. э.

С того дня, когда археологи-хорезмийцы впервые увидели развалины Кой-Крылган-калы, прошло более двадцати пяти лет. За эти годы были найдены и раскопаны еще более древние памятники, хронологически стоящие совсем близко к большим полужемлянкам и оросительным каналам амирабадцев. Однако они относились уже к новой исторической эпохе, пришедшей на смену первобытнообщинному, родо-племенному строю — эпохе классового общества, рабовладельческих государств.

В VI в. до н. э. большая часть Средней Азии была в результате захватнических войн включена во владения могущественного древнеперсидского государства — державы Ахеменидов. Были ли уже государства на территории Средней Азии до ахеменидского завоевания? Письменные источники не давали по этому поводу прямых указаний, а ученые ограничивались лишь предположениями. И только археологические раскопки, проведенные многочисленными экспедициями в разных районах Средней Азии, помогли ответить на этот вопрос. Немалую роль сыграли и раскопки в Хорезме.

Период истории Хорезма с VII по V в. до н. э. называется *архаическим*. Памятники этого времени раскапывались в Хорезме и на правом и на левом берегах Аму-Дарьи. Исследуя материалы этого периода и последующих, вплоть до IV в. н. э., археологи прежде всего столкнулись с поразительным единообразием культуры на очень широкой территории. Оно проявлялось в очень зримых формах и в важнейших областях: архитектуре, фортификации (искусстве укрепления городов), строительном деле, в керамике и многом другом.

Для сооружения домов и дворцов, храмов и оборонительных стен и башен стали применять огромные сырцовые кирпичи прямоугольной и квадратной формы. Из таких кирпичей и *пахсы* — сплошной глинобитной массы — построены все сооружения в Хорезме этой эпохи. Общими были основные строительные и фортификационные приемы.

Повсюду на развалинах этого времени археологи находили превосходную глиняную посуду, часто покрытую специальным составом, дававшим при обжиге красный

цвет (красный ангоб) и сделанную уже не ручным способом, а на совершенном ножном гончарном круге. Среди находок — трехгранные втульчатые стрелы — скифские, как их обычно называют. Даже в украшениях можно найти формы, которым в это время оказывали предпочтение.

Эти и многие другие общие для обширной территории проявления культуры не могли быть объяснены только общими корнями и родственными связями и взаимовлияниями отдельных групп населения. В это время в Хорезме были построены мощные оросительные системы. И сооружение их, и даже ежегодная очистка каналов от ила были не под силу не только группам родственников, но даже и значительным коллективам первобытнообщинной эпохи. Это стало возможным только благодаря возникновению централизованного государства и применению в большом количестве подневольного рабского труда.

Таким образом, археологические материалы показали, что еще в доахеменидскую эпоху, в VIII—VII вв. до н. э. на территории Средней Азии возникли первые рабовладельческие государства, причем не только в Хорезме, но и в других районах, в частности в Согде и Бактрии.

Однако раскопки в Хорезме свидетельствовали и о том, что в архаический период и даже позднее, несмотря на наличие сильной, централизованной государственной власти, хорезмийское общество все еще сохраняло пережитки первобытнообщинного строя, восходящие иногда к очень отдаленному прошлому. Археологи проследили это в планировке жилой застройки городов, в религиозных верованиях, сведения о которых дошли до нас от той далекой эпохи.

В это время широкие пространства приаральских степей и пустынь, обводненных во многих местах древними протоками Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, были заселены кочевыми и полукочевыми племенами саков и массагетов. Древние авторы называли их иногда общим именем — скифы. Согласно сообщениям греческих писателей, древние хорезмийцы также принадлежали к этой сако-массагетской группе племен.

Хорезмийцы, перешедшие уже давно к прочной оседлости, продолжали развивать и орошаемое земледелие

и скотоводство. В архаический период, как показали археологические находки, они занимались преимущественно разведением крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов. Такой состав стада позволил предположить, что хорезмийцы, наряду с земледелием, сохраняли еще древний, восходящий к бронзовому веку тип скотоводства. Позднее в стаде начинает преобладать мелкий рогатый скот.

Двухсотлетний период владычества персов в Средней Азии богат различными, порой бурными событиями. Ахеменидским царям приходилось неоднократно устраивать военные походы для подавления непокорных и завоевания новых народов. Военные отряды хорезмийцев, как и других народов Средней Азии, принимали участие в этих походах и часто составляли гарнизоны завоеванных областей и городов. Так, например, папирусы V в. до н. э., найденные в развалинах ахеменидской военной колонии на нильском острове Элефантина, на границе Египта и Нубии (район города Асуана), сообщают, что в составе гарнизона этой колонии были и хорезмийцы.

Как ни велики были владения ахеменидских царей, как ни сильны были их военные силы, ахеменидское государство все же не было прочным. Десятки государств и народов, находящихся часто на разных уровнях общественного развития, удерживались в этом искусственно созданном объединении лишь силой оружия. Поэтому поражения, нанесенные Ахеменидам армиями греческих городов-государств, не только подорвали военную мощь ахеменидской державы, но и привели к ее упадку.

Еще до окончательного распада государства Ахеменидов, многие из народов Средней Азии выходят из-под персидского подчинения. В IV в. до н. э. Хорезм снова выступает как независимое и могущественное государство. Оно сохраняет независимость, даже когда большая часть Средней Азии вновь была завоевана, на этот раз Александром Македонским. Источники рассказывают, что правитель Хорезма заключил с могущественным македонцем военный союз, а позднее даже поддерживал антигреческое движение в других районах Средней Азии.

Период с IV в. до н. э. по I в. н. э., получивший название кангюйского, был временем дальнейшего развития Хорезмского государства, расцветом архитек-

туры, строительного искусства, ремесел, совершенствования хозяйства. Именно поэтому его иногда называют классическим периодом хорезмийской античности. А почему кангюйский? Дело в том, что очень ценные и интересные сведения о Хорезме этого времени получены из китайских летописей, в которых он известен под именем Кангюй.

В Хорезме от этого периода сохранилось много построек: это и отдельные развалины и слои кангюйского времени в многослойных памятниках. Но самой замечательной из них является пока Кой-Крылган-кала.

В 1950 г. в районе Кой-Крылган-калы был высажен небольшой археологический авиадесант. Два дня провели здесь археологи, собрали керамику, заложили небольшой разведочный шурф на одной из башен. Среди находок были обломки большой пустотелой скульптуры из обожженной глины, оттиски печатей на глине. В этом году развалины были окончательно выбраны центральным объектом раскопок. «...На ближайшие два-три года», — было написано в одном из отчетов С. П. Толстова. Однако трех лет было недостаточно: памятник оказался значительно более сложным, чем это можно было предположить.

Раскопки начались одновременно и в центральном здании, и на внешнем кольце. Однако в первую очередь раскапывалось центральное здание. Оно казалось более интересным, к тому же земля из раскопов помешала бы широким фронтом исследовать кольцо. Уже скоро стало ясно, что центральное здание было двухэтажным. Верхний этаж оказался целиком разрушенным и размытым. Здесь не удалось проследить ни характера планировки, ни способа перекрытия. От этого уровня местами сохранились лишь остатки стен стрелковой галереи, опоясывавшей центральное здание по уровню второго этажа. Наружная стена ее была прорезана высокими стреловидными бойницами. Нижнее основание бойниц круто уходило вниз, давая возможность обстрела пространства у наружной стены крепости.

Нижний этаж сохранился почти полностью. На четырехметровую глубину уходили мощные, сложенные из квадратных сырцовых кирпичей стены помещений. Помещения были забиты плотной, похожей на толстый слоеный пирог, глинистой массой. Слои залегали не горизон-

тально, а покато, порой круто падая вниз, то расширялись, то делались совсем тонкими и даже исчезали, не доходя до стен. Огромные бесформенные куски кирпичной кладки перемежались с тонкими глинистыми натеками и прослойками песка; в этих наслоениях была «записана» история жизни и гибели центрального здания Кой-Крылган-калы. Чтобы прочесть ее, археологи должны были проследить каждый слой, каждую прослойку, определить их состав, выбрать оттуда находки, высказать предположения, почему и каким образом они образовались. И все это зафиксировать «документально» в дневниках, на планах, разрезах, фотографиях. Пока же перед археологами внутри едва окомтуренных стен комнат лежала однородная, на первый взгляд серая масса земли.

Выяснение планировки, расположения комнат было задачей значительно менее сложной, но не менее интересной. Как они вписаны в круг центрального здания? Есть ли в их расположении какая-либо система?

В 1952 г. выяснилось, что примерно по линии восток-запад центральное здание рассечено по диаметру широ-

В одном из центральных помещений археологи дошли до пола. На торцовой стене видны остатки обрушившегося свода.

ким сводчатым помещением. Тогда же были расчищены две двухмаршевые лестницы в восточной части этого помещения, выводящие из него в стрелковую галерею второго этажа. Потом центральное помещение было раскопано полностью. В середине по оси север-юг оно было разделено поперечной стеной. В стене была дверь, соединяющая обе половины; впоследствии было обнаружено, что она прорублена значительно позже. Таким образом, первоначально западная и восточная половины были наглухо отделены друг от друга. В западном конце помещения симметрично восточным были сделаны еще две такие же лестницы. Расчистка их заставила раскопщиков призадуматься. Глинобитные ступени были совершенно новенькими, совсем нехоженными. Более того, обе лестницы были заложены кирпичами, а верхние марши их, сознательно укороченные, выводили лестницы как раз на то место, где должна была пройти внутренняя стена стрелковой галереи. Поэтому входы в западную половину оказались не только заложеными, но и замаскированными стеной, а вся западная половина сооружения отрезанной от мира. Почему это было сделано? Но мы немного забежали вперед.

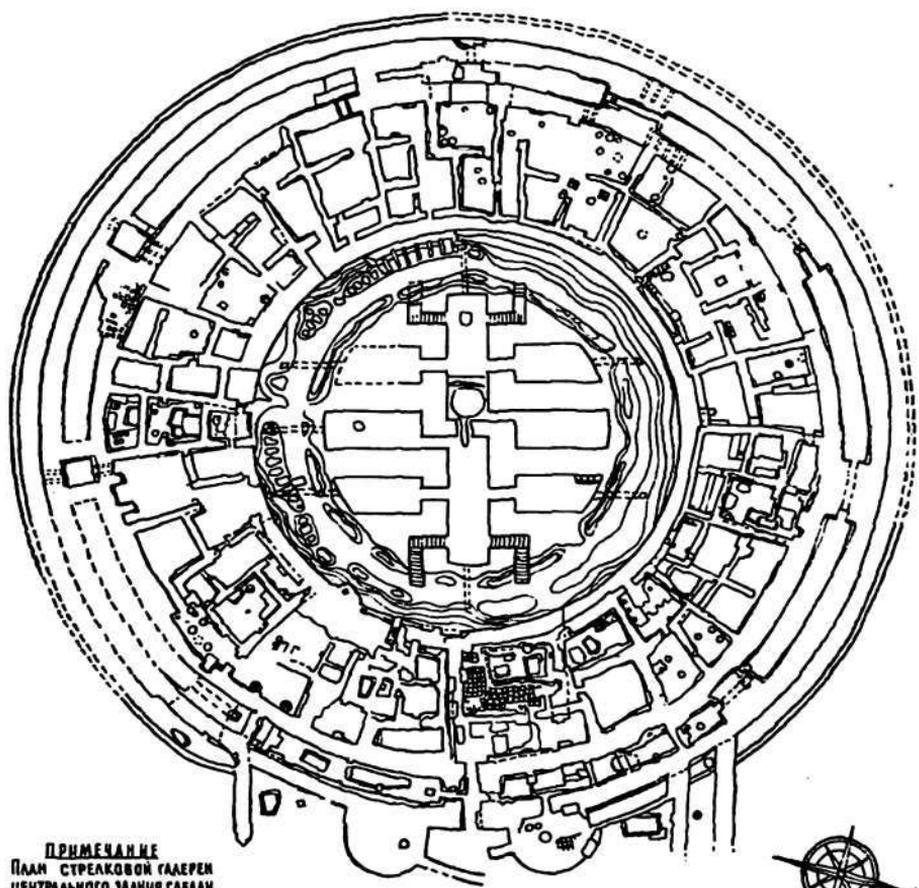
Из главного помещения сводчатые проходы вели в боковые комнаты: в восточной половине одна на север, две на юг; в западной — наоборот. Две лежащие против друг друга комнаты каждой половины имели форму, близкую к прямоугольной; противоположные проходам стены остальных были скошены — вписаны в круг. Наружные стены семи помещений были прорезаны окнами, в каждом по одному. Прямоугольные (40×50 см), с наклоном в сторону помещений, они прорезали семиметровую толщу наружной стены и открывались наружу чуть ниже бойниц стрелковой галереи. Лишь в одном из помещений — крайнем восточном западной половины — окна не было.

Ни о какой случайности, даже небрежности планировки, говорить не приходилось. Она свидетельствовала лишь о необычайной стройности и большой строгости при выполнении первоначального замысла. Все было подчинено какой-то главной идее. Какой? Археологи об этом еще не знали.

Планировка западного и восточного комплексов была одинаковой. Но помимо того, что один из них был

КОЙ-КРЫЛГАН-КАЛА

ПЛАН

ПРИМЕЧАНИЕ
ПЛАН СТРЕЛКОВОЙ ГАЛЕРЕИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗДАНИЯ СДЕЛАН
ПО ОСНОВАНИЮ БОЙНИЦ

0 2343 10 15 20 25 м

На плане особенно хорошо видна необычайная стройность планировки центрального здания.

наглухо закрыт, они отличались друг от друга еще кое-какими деталями. В западной части центрального помещения западной половины между лестницами был вырыт колодец. Он был небольшим и неглубоким, несколько более двух метров. Может быть, он доходил до глубины залегания водоносного слоя того времени; не исключено, однако, и его чисто символическое значение. Восточ-

ная треть этого же помещения была отгорожена невысокой глинобитной стенкой, а за ней почти во всю ширину отгороженного участка был расчищен большой котлован — диаметром 3,5 м и глубиной более двух метров. Стенка и котлован отрезали вход в крайнюю комнату западной половины, ту, что без окна.

Мы уже говорили, что о жизни и гибели центрального здания должны были рассказать мощные глинистые завалы, доверху заполнившие все помещения и предметы, содержащиеся в них.

Когда разборка слоистого заполнения помещений была окончена, археологи оказались на самых нижних полах. Полы — различной толщины глиняные обмазки — лежали на выравнивающем слое песка. Ни обычной для жилых помещений «глиняной мебели», ни каких-либо других сооружений в комнатах не было. Лишь небольшие очажные пятна да нетолстый культурный слой¹ с немногочисленными обломками керамики, накопившийся на полах за время жизни помещений, — вот, пожалуй, и все, что нашли здесь археологи.

Прямо на полу лежал мощный глиняный завал, состоящий из плотно спрессованных обломков кирпичей и даже целых кусков кирпичной кладки. Выше были прослойки глинистых натеков, песка. Снова слои кирпичной массы.

Археологов больше всего заинтересовал ярко выраженный слой пожара — масса углей, зольных прослоек, опаленных в огне обломков посуды и кирпичей. Конечно, в чередовании слоев заполнения в каждой из комнат наблюдались различия: ведь в рамках истории центрального здания каждая из них жила своей жизнью. Так, слой пожара в одних комнатах залегал выше, в других ниже; в одних он занимал все пространство, в других только часть его. Однако археологи выявили следующую закономерность: нигде слой пожара не лежал непосредственно на полу помещений, ни в одном из них не было замечено никаких следов огня на полу и нижней части стен. Все это говорило о том, что следы пожара в помещениях нижнего этажа — случайный гость. Иссле-

---

¹ Культурным слоем археологи называют слой с бытовым, хозяйственным или строительным мусором, накопившийся на полу, внутри жилищ или вокруг них за время жизни памятника.

довавшие центральное здание археологи должны были ответить по крайней мере на два вопроса: где и когда бушевал огонь? Об этом рассказали выше- и нижележащие слои завала и сделанные в них и в горелом слое находки.

По характеру нижнего кирпичного слоя завала было установлено, что разрушение началось с перекрытий. Остатки их сохранились в ряде помещений, они дали возможность изучить их конструкцию. Это были эллиптической формы своды, сложенные из сырцовых кирпичей. Чтобы выдержать нагрузку второго этажа, их сделали двойными. Промежутки между двумя смежными сводами были заложены обломками кирпичей, кирпичная кладка окончательно выровняла центральную площадку — основание второго этажа.

Обрушившиеся своды дали большую часть заполнения комнат. В некоторых помещениях разрушение их начиналось с небольшого отверстия, в воронку которого попадал песок, перемешанная с глиной дождевая вода. Песчаные и глинистые прослойки снова перекрывались сверху кирпичным завалом рушащихся сводов.

Слой пожара во всех помещениях лежал поверх завала обрушившихся сводов. Это, во-первых, еще раз подтверждало, что в помещениях нижнего этажа пожара не было, и, во-вторых, указывало его точный адрес: второй этаж.

Когда это происходило?

В заполнении помещений археологи нашли керамику двух хронологических групп. Ранняя относилась к IV—III вв. до н. э., поздняя — к рубежу и первым векам н. э. В культурном слое на полах помещений была найдена только ранняя керамика. Это сразу же позволяло установить, что центральное здание использовалось в своем первоначальном виде сравнительно недолго. Уже в конце раннего периода началось его разрушение. Правда, ранняя керамика попадалась очень часто и в слоях разрушения, но это совершенно логично объяснялось существованием в раннем периоде второго этажа, откуда она и попала в завалы нижних помещений. Археологи отметили даже, что большая часть различной глиняной посуды хранилась именно там. Во всяком случае, на поверхности центральной площадки обломки ранней керамики встречались в изобилии.

Вся опаленная огнем керамика, сопутствовавшая слою пожара, относилась к ранней хронологической группе. Это позволило ответить и на второй вопрос: пожар на втором этаже центрального здания произошел в первый период, когда все сооружение еще существовало в своем первоначальном виде.

Керамика второй хронологической группы, более поздняя, в небольшом количестве встречалась и в нижних слоях завала. Туда она попала, вероятно, случайно: перекрытия помещений были довольно прочными и некоторые из них долго еще сохранялись (может быть, не полностью), когда центральное здание было уже покинуто людьми.

В верхних слоях поздней керамики было больше. И, наконец, в некоторых помещениях, уже в значительной степени заполненных слоями разрушения и запустения, были найдены скопления этой керамики. Они оказались на небольших площадках, где под защитой сохранившихся еще частей сводов, очевидно, могли жить люди, пользовавшиеся обнаруженной керамикой.

Это был второй этап жизни Кой-Крылган-калы. Более подробно о нем археологи узнали из раскопок нижнего кольца.

Прежде чем рассказывать о результатах раскопок кольца, то есть о застройке между центральным зданием и внешней оборонительной стеной, расскажем об этой последней. Судя по ее конфигурации, можно было предполагать, что она, как и центральное здание, является воплощением первоначального архитектурного замысла. Сюрпризы ожидали раскопщиков и здесь. Внешний оборонительный пояс в том виде, каким он предстал после раскопок, можно было реконструировать в виде двух концентрических стен со стрелковым коридором между ними и системой башен. Как обычно, коридор открывался наружу многочисленными бойницами, дававшими возможность простреливать из луков все окружающее стены пространство. Однако как были озадачены археологи, когда увидели бойницы и на внутренней стене — настоящие бойницы прямоугольной формы, характерной для фортификации архаического периода. При наличии второй, наружной стены, образовавшей вместе с внутренней упоминавшийся уже стрелковый коридор, они могли быть направлены либо в этот коридор, либо

внутри укрепления. И то и другое предположение было нелепо. Требовалось объяснить это. И объяснение — единственно правильное — было найдено: первоначально центральное здание было окружено только одной стеной с бойницами. Вторая стена и расположенные между ними башни построены позже. Археологические находки на полу в стрелковой галерее показали, что все это происходило в ранний период жизни Қой-Крылганкалы, когда центральное здание еще сохранялось в своем первоначальном виде.

С большими трудностями столкнулись исследователи и при раскопках остатков некогда хорошо укрепленного входа во внешнее кольцо. Здесь нужно было разобратся среди разрушенных почти до основания конструкций и восстановить ранний, первоначальный план сооружения.

По обе стороны узкого, прорезающего оборонительные стены входа выступали две большие полукруглые башни. Участок между ними замыкался снаружи двумя отходящими от башен и заходящими друг за друга так называемыми отсечными стенками. Однако это была только часть укреплений входа. Севернее и южнее фланкированного башнями входа от внешней кольцевой стены отходили еще две мощные параллельные друг другу стены. Обе они были сильно разрушены, и проследить их удалось только на небольшом участке. Объяснить назначение этих стен не представляло затруднений: на память пришли предвратные оборонительные сооружения, хорошо сохранившиеся на многих других древних памятниках Хорезма.

Сложные предвратные сооружения — одна из интереснейших особенностей хорезмской фортификации. Наиболее сложным было такое сооружение на крепости Джанбас-кала, построенной тоже в кангюйское время. Здесь оно было устроено в виде огромного (20×52 м) прямоугольного выступа, попадая внутрь которого, противник, прежде чем добежать до ворот, пять раз должен был переменить направление движения, находясь все время под обстрелом защитников крепости. Эти пять колен, своего рода «предвратный лабиринт», образовывали столь эффективную систему обороны ворот, что противник предпочитал не штурмовать их. На той же Джанбас-кале неприятель ворвался в крепость не через

ворота, а через пролом в стене недалеко от них. Пролом этот со следами действия стенобитного тарана виден до сих пор.

Вернемся к Кой-Крылган-кале. Все сооружение было окружено широким рвом, некогда заполненным водой. И внешний вид развалин, и материал раскопок — все свидетельствовало о том, что Кой-Крылган-кала имела мощную оборону. Все оборонительные сооружения были сделаны в традициях хорезмийской фортификации.

Пожалуй, нигде в Хорезме археологам не пришлось встретиться с такими трудностями, как при раскопках застройки внешнего кольца Кой-Крылган-калы. Первые постройки были поставлены здесь, как показали обломки посуды и другие находки, в IV—III вв. до н.э. Последние сохранились до III—IV вв. н.э. Тут не было мощных долговременных сооружений, способных выстоять так же долго, как центральное здание. Поэтому почти 800-летний период жизни кольца был заполнен перепланировками, перестройками, разрушениями. Естественно, так же как и перед началом раскопок центрального здания, ни руководитель раскопок С. П. Толстов, ни начальники раскопов, ни археологи-

Один из участков внешнего кольца. Раскопки его были особенно трудными.

раскопщики не могли, начиная работу, знать датировку и периоды перестроек и разрушений.

Раскопки велись тщательно. Необходимость фиксировать все малейшие изменения в глиняных конструкциях задерживала работу. Оконтурив стены какого-либо из помещений, археолог, разбирая его заполнение, на каком-то уровне доходил до пола — обмазанной глиной и утопанной поверхности. Но полов было много, встречались они на разных уровнях, без какой-либо на первый взгляд закономерности. Каждый из полов мог иметь несколько слоев обмазок, отделявшихся друг от друга бытовым мусором. Часто стены комнат (одна или несколько) вдруг исчезали, «повисали в воздухе», а пол, который по всем правилам должен быть ограничен четырьмя стенами, уходил куда-то далеко под эти «повисшие» стены. Это означало, что археологи вступали в новый строительный период, когда менялась планировка, иными становились размеры и контуры комнат. Чтобы разобраться в этом хаосе перестроек, нужно было выйти за пределы одной комнаты, сопоставить материал смежных помещений и сравнить все комплексы между собой.

Находки из каждого строительного периода, с каждого пола, с каждой его обмазки собирались и анализировались отдельно. Но уровней, где археологам попадался несмешанный материал, было мало: почти в каждом из полов были вырыты большие хозяйственные ямы. Обычно они прорезали несколько нижележащих «мертвых» полов, доходя до чистого материкового грунта. Разновременные ямы прорезали одна другую. Естественно, когда рыли ямы, материал нижних и верхних слоев перемешивался. Очень трудно, а иной раз и невозможно было разобраться в этой мешанине слоев.

Работа стала более целенаправленной, когда в нескольких помещениях раскопщики достигли основания постройки, нетронутого глинистого грунта — материка. К этому времени на материалах десятков раскопанных комнат удалось установить некоторую закономерность слоев и периодов. Правда, и здесь, внизу, археологов ожидали сюрпризы: под самым нижним полом, часто хорошо сохранившимся, не перекопанным, они расчистили множество ям, вырытых в материковом грунте. Ямы были разных размеров. Часть их, несомненно, имела отношение к строительству первых поме-

1957 год. Раскопки Кой-Крылган-калы закончены. (Аэрофотосъемка.)

щений кольца или центрального здания: отсюда брали глину. Другие оказались заполненными мусором из жилых помещений (культурным слоем) и содержали множество интересных находок: не только обломки обычной посуды, но и глиняные статуэтки, фрагменты художественно оформленных сосудов, миниатюрные сосудики. Но интересным и важным было и другое — в условиях сильной перемешанности слоев и находок эти ямы давали очень важные, «чистые» археологические комплексы, к тому же самые ранние.

К концу раскопок археологи имели не один, как это полагалось бы, а целых три плана помещений нижнего кольца. Были выделены три строительных горизонта: красный (нижний), синий и зеленый — так называли их по цвету, которым линии стен сооружений каждого из горизонтов раскрашивались для удобства на плане. Чертежи эти, положенные один на другой, составили бы схему постепенной перестройки кольца.

Нижний горизонт, судя по преобладанию в нем ранней красноангобированной посуды, был одновременен

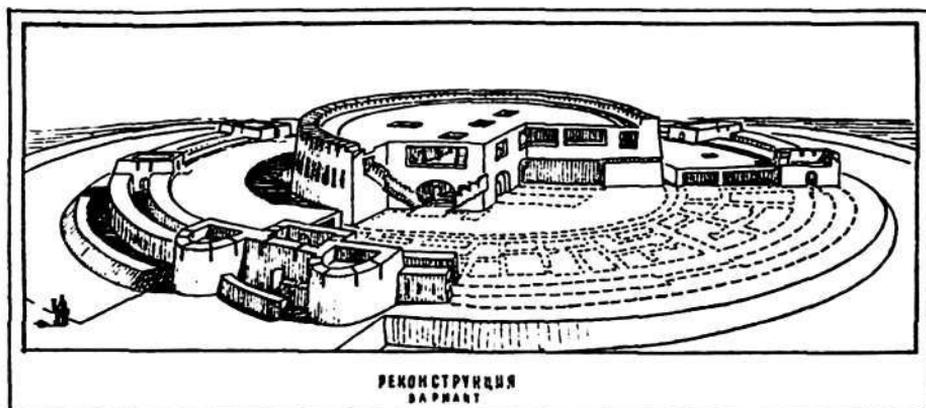
раннему периоду центрального здания. В это время на территории кольца еще не было сплошной застройки. Несколько больших групп построек располагалось в разных концах ее. Это были в основном складские и хозяйственные помещения.

Затем наступил период, когда жизнь здесь почти полностью прекратилась. В это время заустели и были разрушены и помещения центрального здания. Примерно через сто—сто пятьдесят лет жизнь кольца возобновилась. На этот раз оно оказалось сплошь застроенным; свободным оставался лишь небольшой обводной коридор вокруг центрального здания. Постройки, вероятно, были возведены не все сразу, а постепенно. Различной величины дома с плоскими перекрытиями и открытые дворики — жилые, хозяйственные и ремесленные сооружения, тесно примыкая друг к другу, располагались по радиусам кольца. Раскопками прослежен момент, когда здесь произошла перепланировка и начался новый, третий период. Однако значительного перерыва между ним и предшествующим периодом не было.

Ранний период был отделен от двух последующих не только значительным разрывом во времени. Во втором периоде в большом количестве появляется грубая глиняная посуда совершенно нового типа, не имеющая корней в местной хорезмской керамике предшествующего этапа. Керамики этой так много в среднем и верхнем горизонте кольца и приспособленных под жилье поздних помещениях центрального здания и она настолько отлична от хорезмийской, что ее появление нельзя было объяснить ни влиянием соседей, ни результатом дальнейшего развития местной, хорезмийской культуры.

Откуда появилась эта керамика или, вернее, какой народ принес ее в Хорезм — этот вопрос до конца еще не выяснен. С. П. Толстов предполагает, что «хозяевами» ее были степные скотоводческие племена, жившие на востоке, на границах с Хорезмом, в нижнем или среднем течении Сыр-Дарьи.

При раскопках кольца была неожиданно разрешена проблема входа в центральное здание. Раскопки здания уже заканчивались, однако оно, так же, как и его западная половина, казалось отрезанным от мира. Снаружи никаких следов входа не было заметно, внешние стены

Реконструкция Кой-Крылган-калы, сделанная архитектором М. С. Лапировым-Скобло,— один из итогов раскопок древнего памятника.

комнат нижнего этажа не имели, за исключением узких окон, никаких проемов.

В восточной части кольца прямо против ворот были расчищены остатки примыкающей к центральному зданию массивной кирпичной выкладки шириной более 4 м. Характер и расположение ее позволили высказать гипотезу о том, что это остатки мощного укрепленного пандуса¹, выходящего снизу, от входа в кольцо, на верхнюю площадку центрального здания. По остаткам его архитектору экспедиции М. С. Лапирову-Скобло удалось создать реконструкцию этого интересного сооружения. Оборона входа в центральное здание была не менее эффективной, чем оборона внешнего входа. На кирпичном цоколе располагалась высокая прямоугольная башня с внутренней камерой и прорезающими стены бойницами. Четырехмаршевый пандус, опоясывающий башню, отвечал основному требованию древней фортификации — двигавшиеся по нему воины были все время обращены к бойницам башни незащищенным правым боком. Последний марш пандуса обрывался вровень с внешней поверхностью, обращенной к центральному зданию стены башни; сюда со стены центрального здания был перекинут подъемный мост.

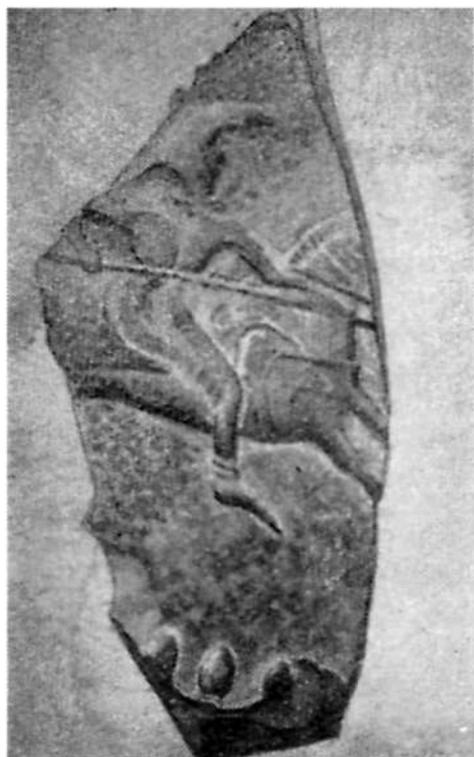
Многочисленные находки на Кой-Крылган-кале по-новому освещают культуру классической хорезмской

¹ Пологий бесступенчатый подъем

античности. Мы уже говорили о великолепной красноангобириванной керамике кангюйского времени. Среди керамических изделий большая группа предметов, которые можно рассматривать как произведения искусства. Это рельефные изображения на стенках сосудов, маленькие скульптуры из обожженной глины и оссуарии — керамические погребальные сосуды с крупными скульптурными изображениями на них.

Большие выючные фляги с одним уплощенным боком — одна из характерных форм кангюйской посуды. Часто они художественно отделаны. Очень красив орнамент на одном из этих сосудов. Но всего интереснее фляги с изображениями. На одной рельефом изображена женщина с ребенком, на другой — всадник с копьём наперевес в скифском головном уборе — островерхом колпаке, на третьей — голова человека в высоком шлеме в виде птичьей головы. А на одном рельефе изображен бородатый человек с виноградной гроздью в руке и флягой описываемого типа на лямке за спиной.

Обломки выючных фляг, украшенных рельефными изображениями.

Еще интересней терракотовые статуэтки — их найдено здесь много десятков. Некоторые из них однотипны, например изображение женщины в длинной одежде, с левой рукой, опущенной вниз, и правой, прижатой к груди. Такие статуэтки находили в Хорезме и раньше. Новым типом статуэток, неизвестным до раскопок Кой-Крылган-калы, было изображение женщины с чашей для вина в одной руке и амфорой — в другой. Мужских фигурок мало, зато очень много коней. Особенно заинтериговала археологов маленькая статуэтка обезьяны с детенышем. Сделанная с очень хорошим знанием натуры, она отличалась от других статуэток глиняным тестом, из которого была изготовлена. Ясно было, что это вещь не хорезмийская, привозная, а так как по некоторым особенностям стиля она была очень близка к произведениям искусства древней Индии, то определилась и родина ее.

В одном из помещений кольца, в верхнем горизонте, были найдены остатки

1

2

Терракотовые фигурки, найденные на Кой-Крылган-кале:

1 — «Хорезмийская мадонна» — кормящая мать; 2 — божество дioniсийского культа с виноградной кистью в руке.

многокрасочной стеной росписи. Сюжет ее остался неизвестным; на сохранившихся обломках можно рассмотреть лишь два человеческих изображения. Один из изображенных, несомненно, воин, лучник. В кисти вытянутой вперед левой руки зажат подготовленный к стрельбе лук. Это древнейший образец хорезмийской монументальной живописи.

Обнаруженные на Кой-Крылган-кале надписи тоже являются пока самыми ранними памятниками древне-хорезмийской письменности. При раскопках не найдено архива, но во множестве обнаружены обломки сосудов с процарапанными до или после обжига знаками — буквами древнего арамейского письма. В ряде случаев из сочетаний их составлены слова. Пока удалось прочитать только некоторые из них. На большом сосуде для хранения зерна или вина вырезано слово, читающееся АСПАБАРАК, что значит «едуший на коне», «сидящий на коне», «всадник». С. П. Толстов, прочитавший его, считает, что это имя собственное.

Были найдены и другие интересные предметы — бытовые и хозяйственные, украшения из различных металлов, камня и кости.

Еще в процессе работ, когда было раскопано центральное здание, стало ясно, что Кой-Крылган-кала — это не дворец и не крепость. Если помещения нижнего кольца и можно было принять за обычную, городского типа застройку, то центральное здание на дворец правителей не было похоже. Оно было не очень удобным для жилья, к тому же половина его была с самого начала наглухо закрыта. Возникло предположение, что Кой-Крылган-кала — постройка культового, религиозного назначения. Это придавало раскопкам особый интерес — памятника подобного рода и таких размеров раскапывать в Хорезме еще не приходилось. Постепенно накапливались новые данные в пользу этого предположения. В отчете о раскопках 1955—1956 гг. С. П. Толстов впервые написал о Кой-Крылган-кале: «...в развалинах, известных под именем Кой-Крылган-калы, надо видеть, по всей вероятности, остатки какого-то памятника погребального культа, возможно, вместе с тем связанного с астральным культом и, может быть, являвшегося местом астрономических наблюдений. Видимо, центральная башня была большим погребальным зда-

нием, чем-то вроде погребального кургана, связанного с обрядом трупосожжения».

Прежде чем археологи пришли к такому выводу, пришлось не только изучить и обдумать все особенности архитектуры и планировки памятника, проанализировать многие сотни находок, но и сравнить эти материалы с тем, что было уже известно. Ведь это предположение, возникшее из каких-то особенностей сооружения, в свою очередь должно было объяснить многое до сих пор в нем непонятное. С. П. Толстову и сотруднику экспедиции археологу Ю. А. Рапопорту, занимающемуся изучением религиозных верований древних хорезмийцев, пришлось в своих исследованиях выйти не только за пределы Хорезма, но и Средней Азии. Данные древних письменных документов, материалы раскопок во многих других районах, наконец, исследования по вопросам древней религии были привлечены, чтобы понять Кой-Крылган-калу.

Давно было известно, что религиозные представления древних оседлых земледельцев и скотоводов Средней Азии этого времени связаны в основном с *зороастризмом*. Об этой религии мы знаем, главным образом, по священной книге зороастрийцев — *Авесте*, дошедшей до нас, правда, только в рукописях, относящихся уже к XIII—XIV вв. По мнению большинства современных ученых, *Авеста* в своем первоначальном виде сложилась в VII—VI вв. до н. э., однако некоторые ее части относятся к значительно более раннему времени. Процесс возникновения зороастрийской религии был очень длительным и сложным и сейчас еще не прослежен во всех деталях. До времени, когда, согласно преданию, легендарный пророк Заратуштра (по-гречески Зороастр, отсюда *зороастризм*) начал проповедывать свое религиозное учение, у народов Средней Азии существовало множество племенных культов, связанных с почитанием сил и стихий природы, различных священных животных. На их месте зороастрийская религия попыталась установить культ единого верховного божества — олицетворения добра, света и созидания, творца мира Ахурамазды (Ормузда). Согласно учению Заратуштры, в мире происходит вечная борьба двух сил, двух начал: доброго, Ахурамазды, и злого, Ангроманью (Аримана).

Однако старые религиозные традиции оказались очень живучими, и многие из божеств древних мифов и верований постепенно были включены в систему зороастрийской религии. Одним из таких древних культов был культ поклонения огню. Зороастрийцев часто называют огнепоклонниками; божеству огня приносились жертвы, в честь его возводились храмы. В Хорезме, при раскопках крепости Джанбас-кала, обнаружено одно из древнейших сооружений подобного рода — так называемый «дом огня» — общинное святилище огня. В центре раскопанного здесь помещения, на овальном возвышении, по-видимому, на каком-то металлическом жертвеннике горел неугасимый священный огонь. Когда в помещении накапливалось много золы — а выбрасывать ее не разрешалось — ее разравнивали на полу, а сверху намазывали новый пол. Рядом имелось помещение для общественных собраний и коллективных трапез.

Не меньшее место занимала в Авесте и другая священная стихия — водная. Это, несомненно, объяснялось особенностями земледельческого хозяйства, невозможного в условиях Средней Азии без искусственного орошения. Особо почиталась богиня земли, воды и плодородия Ардвисура Анахита. Культ Анахиты зародился еще в эпоху родового строя; впоследствии эта богиня вошла в авестийский пантеон. Образ Анахиты — один из самых распространенных в древнем искусстве народов Средней Азии. Среди глиняных статуэток, найденных на Кой-Крылган-кале, на других хорезмских памятниках и в других областях Средней Азии, наибольшую группу составляют как раз изображения этой богини. Анахита — это женщина в пышном платье, с левой опущенной рукой и правой, лежащей на груди¹.

В ранних частях Авесты много говорится о труде земледельцев. Оседлое земледельческое и скотоводческое хозяйство рассматривается как признак благочестия. *«Тот, кто сеет хлеб, сеет святость»*, — говорится в Авесте; занятие это считается угодным Ахурамазде.

Долгое время считалось, что зороастризм впервые возник у народов, живших в древности на территории Ирана. Однако, по мнению большинства ученых, родина зороастризма — Средняя Азия. Вот как описывает

---

¹ Статуэтку, изображающую Анахиту, см. на обложке книги.

Авеста страну, где начал религиозную деятельность пророк Заратуштра: «...страна, где управляют и предводительствуют многочисленными войсками мужественные вожди, где высокие горы, изобилующие пастбищами и водами, производят все необходимое для скотоводства, где глубокие озера с обширными водами, где судоходные реки с широкими руслами стремят свои бурные волны по странам Иската (Скифия), Поурута (область долины реки Кабул), Моуруру (Мерв), Харева (Ариана), Гава (область в Согде), Сузд (Согд), Хауризема (Хорезм)». В этом описании названы многие из среднеазиатских областей, а «судоходные реки с широкими руслами» — несомненно Аму-Дарья и Сыр-Дарья. Страной, где Ахурамазда впервые явился пророку Заратуштре и где впервые был зажжен священный огонь зороастризма, обетованной страной Айрьянем вэджо, многие исследователи считают Хорезм. Во всяком случае описание этой страны в Авесте во многом соответствует природным условиям Хорезма.

Естественно, что в разных областях зороастрийская религия имела свои особенности, изменялась она и со временем. В Персии, где зороастризм стал государственной религией, помогавшей сохранению и укреплению рабовладельческого государства, Ахурамазда — «небесный царь» — сделался покровителем и защитником «божественной» власти земных царей.

Для позднего зороастризма была характерна необычайная сложность религиозных обрядов. Эта обрядность проникала и в повседневную жизнь. В Авесте подробно оговорено, что должен и чего не должен был делать человек, чтобы угодить Ахурамазде.

Очень сложным был и обряд погребения, отражавший представления зороастрийцев о загробной жизни. Нельзя было осквернять трупами умерших четыре священные стихии — огонь, воду, землю и воздух; их нельзя было сжигать, зарывать в землю, бросать в воду. Поэтому очищенные кости умерших собирали и помещали в выдолбленные в скалах нишки или, как это было в Средней Азии, в специальные небольшие керамические или каменные гробики-оссуарии. Было несколько способов очищения костей. Наиболее распространенным было выставление тел на специально построенные башни («башни молчания», дахмы), где их

расклеивали хищные птицы. Оссуарные могильники археологи нашли во многих районах Средней Азии, но особенно многочисленны и интересны оссуарии из Хорезма.

Оссуарии, найденные на Кой-Крылган-кале, по-видимому, не связаны с ранним этапом жизни этого памятника, так как относятся примерно к I в. до н. э.— II в. н. э. Наиболее интересное в них — это не прямоугольные керамические ящики для костей, а венчающие их крупные (до натуральной величины) пустотелые скульптурные человеческие изображения.

Большеголовая женщина в длинном с оборками платье восседает на ящике-троне. Волосы заплетены в длинную косу, в ушах проколы для серег. На лице легкая, спокойная улыбка. В противоположность ей мужчина с другого оссуария довольно мрачен и серьезен. По восточному обычаю он сидит с поджатыми ногами. Волосы подстрижены в кружок, на верхней губе усики, а борода, подбритая по хорезмийскому образцу, окаймляет нижний край подбородка.

От предположения, что это портреты умерших, скоро пришлось отказаться, так как находки в других местах показали, что, несмотря на высокую реалистичность, скульптуры эти в общем-то однотипны и лишены сколько-нибудь существенных индивидуальных черт. Правда, осталась в силе вторая часть предположения — изображали все-таки умерших, но не портретно, а в образе божеств-покровителей. Это вполне подтверждалось аналогичными примерами из других, порой весьма отдаленных от Средней Азии районов. В торжественно сидящей женской фигуре угадывалась Анахита, в мужской, и особенно в изображениях всадников, — другое популярное хорезмийское божество — Сиявуш. О нем мы расскажем ниже.

Формы оссуариев с течением времени менялись. Позднее, в эпоху Топрак-калы (о ней рассказано в следующей главе), оссуарии со статуями встречаются реже. Их заменяют глиняные или каменные костехранилища в виде ящика, саркофага. А еще позднее они уже совершенно однотипны — прямоугольные ящики на ножках с четырехскатной крышкой.

Однако у исследователей, в том числе и археологов, появились и постепенно умножались данные о том, что по крайней мере на ранних этапах сложения зороаст-

рийского религиозного учения, в некоторых районах существовал и другой погребальный обряд. Археологи находили иногда вместе с погребальными сосудами угольки и обломки обожженных человеческих костей, а то и погребения, показывавшие совершенно ясно на обряд трупосожжения. Обратились снова к Авесте, на некоторые труднообъяснимые места которой ученые указали уже давно. Во-первых, термин «дахма» (башня для выставления трупов), часто встречающийся в Авесте, оказывается, обозначал первоначально «место сожжения». Во-вторых, в священной книге рассказывалось о некоей стране Чахра, в которой производится трупосожжение. Вызывало удивление то, что, резко осуждая этот обряд, Авеста все же относила страну Чахра к числу областей истинного, праведного зороастризма.

В 1957 г.— последнем году раскопок Кой-Крылганкалы — Хорезмская экспедиция начала широкие работы на восточных окраинах Хорезма, в районах расселения уже упоминавшихся нами сако-массагетских племен. И здесь неожиданно для всех был найден еще один ключ к Кой-Крылган-кале. Хорезмийцы (я имею в виду археологов) открыли на древних протоках Сыр-Дарьи десятки новых интереснейших археологических памятников. Важное место среди них занимали погребальные постройки. Это были и рядовые курганы различных типов и грандиозные мавзолеи племенных вождей с замечательными находками: великолепной керамикой, оружием, деталями конской сбруи и украшениями, художественно выполненными из бронзы и золота. Именно среди погребальных сооружений и были найдены очень близкие Кой-Крылган-кале по принципу планировки.

Крест, вписанный в круг или квадрат, крест, образованный либо пересечением помещений, либо пересечением стен,— этот планировочный принцип лежит в основе многих сыр-дарьинских погребальных построек. Если всмотреться в план центрального здания, то и здесь ясно виден крест, образованный пересечением двух осевых помещений, крест не простой, как во многих сыр-дарьинских гробницах, а усложненный введением в планировку дополнительных помещений.

Крестообразное построение погребальных сооружений не было вызвано какой-либо практической необходимостью. Дело заключалось в символе креста и круга

(или колеса), олицетворявших у многих народов солнце. Солнечное же божество было главным у сако-массагетских племен, к числу которых, как уже упоминалось, принадлежали и древние хорезмийцы. Так предположение о погребальном назначении центрального здания получило новое подтверждение.

У сыр-дарьинских сако-массагетских племен существовало несколько разных обрядов захоронения, сводившихся к двум основным: сожжению умерших и их погребению в земле. Для каждого из племен был характерен особый обряд. Менялись обряды и со временем. Ритуал сжигания умерших прослежен здесь еще с бронзового века; существовал он в разных вариантах очень долго. Для погребения знатных людей сооружались мавзолеи, по своим размерам немного уступавшие центральному зданию Кой-Крылган-калы. Об огне, бушевавшем внутри этих построек в момент сожжения умершего, говорят открываемые археологами мощные слои пожарищ, куски шлака и ошлакованных сырцовых кирпичей, рухнувшие во время пожара перекрытия.

Если мы вернемся сейчас к Кой-Крылган-кале и еще раз посмотрим на следы большого пожарища на центральной площадке, то, конечно, на память придут мавзолеи Сыр-Дарьи. Был ли этот пожар случайным (возможно связанным с осадой и взятием Кой-Крылган-калы) или, если так можно сказать, преднамеренно «запланированным»?

В пользу последнего предположения, кроме всего уже сказанного, свидетельствовали и некоторые находки на самой Кой-Крылган-кале. Здесь и в ее окрестностях были найдены обломки крупных пустотелых глиняных человеческих скульптур, очень близких по многим признакам к оссуариям. Но это были еще не оссуарии. Их форма, а главное, сопровождавшие находки угли и обожженные обломки человеческих костей позволяли предполагать, что это вместилища для праха сожженных — урны. Здесь же были найдены обломки масок в виде человеческого лица, которые либо подвешивались к сосуду-урне, либо были деталями больших погребальных статуй — тех же урн.

Таким образом в довольно стройную систему были собраны разрозненные, случайные на первый взгляд, иногда труднообъяснимые факты из прежних и новых

Погребальная маска.

раскопок, исследований текстов Авесты и других письменных источников. На основании всех этих материалов Ю. А. Рапопортом была предложена следующая схема истории раннего периода Кой-Крылган-калы.

Центральное здание и оборонительную стену вокруг него начали строить после смерти (или в течение тяжелой, смертельной болезни) какого-то знатного лица, вероятно царя или царицы. Поэтому одна половина погребального здания (западная) строилась с расчетом на немедленную закладку всех входов, более того, закладку бесследную, хорошо замаскированную. Естественно, что постройка такого сооружения требовала много времени, поэтому в погребальные локои могли положить лишь урну с прахом умершего, сожженного уже очень давно и где-то в другом месте. Восточная половина сооружения, совершенно такая же, как и западная, и явно предназначенная для второго погребения, в течение какого-то времени оставалась открытой. После смерти человека, для которого она была предназначена, его

тело сожгли на центральной площадке, а урну с пеплом поместили в одной из комнат восточной половины.

Когда было произведено сожжение, следы которого найдены в заполнении помещений нижнего этажа, и вторая, восточная половина здания также была закрыта, установить не удалось. Известно лишь, что в конце III в. до н. э. (а построено было здание в начале IV в. до н. э.) закончился первый период жизни памятника и началось разрушение верхнего этажа и перекрытий нижнего. С этого времени центральное здание уже не использовалось по своему назначению, хотя все сооружение еще долго продолжало жить.

Прежде чем закончить повествование о центральном здании, нужно рассказать еще об одном очень вероятном предположении. Мы уже говорили, что разделение его на два одинаковых комплекса было осуществлением заранее продуманного строгого плана. Исследователи должны были объяснить, почему обычная для погребальных памятников крестообразная планировка была осложнена здесь делением здания именно на два совершенно изолированных комплекса.

Обычно всякий храм, в том числе и храм погребального культа, связан с одним или несколькими божествами — покровителями. Какому божеству был посвящен этот древнехорезмийский храм? Изучение находок и сама планировка показали, что в храме в одинаковой мере могли почитаться культы двух важнейших божеств — солнца и водной стихии. Мы уже говорили, что среди найденных на Кой-Крылган-кале статуэток преобладают женские изображения, а среди последних — изображения Анахиты — богини водной стихии, с которой было связано благосостояние, благополучие хорезмийцев. Изображения мужчин встречались редко, однако Анахитам, пожалуй, не уступали количественно фигурки коней. В связи с этими фигурками необходимо рассказать еще об одном божестве, культ которого необычайно широко был распространен и почитаем в Хорезме.

Этого бога звали Сиявуш или Сиявахш. В более позднем среднеазиатском эпосе Шах-наме он выступает в образе юного и прекрасного всадника в золотом шлеме и на черном коне. По преданию, Сиявуш — сын царя Кей-Кавуса и прекрасной девушки, найденной дружинниками царя в лесу и умершей при рождении

сына. Сиявуша преследует мачеха, и он, после ряда военных приключений, попадает в страну, управляемую царем Афрасиабом, где женится на его дочери. Однако и здесь ему сопутствуют неудачи: он погибает в результате предательства. Спасшийся сын его, Кей-Хосров, став взрослым, возвращается, чтобы отомстить за отца.

Сиявуш, так же как и Анахита, пришел к хорезмийцам античного времени из далекого прошлого, претерпев при этом много изменений. Однако даже в средневековом эпосе (смерть матери при рождении Сиявуша, возвращение Кей-Хосрова после смерти отца) отчетливо виден первоначальный смысл этого культа. Сиявуш — бог умирающей и воскресающей природы. Двойники его — древнеегипетский Озирис и древнегреческий Адонис.

Образ Сиявуша — солнечного бога-всадника — нередко встречается в произведениях древнехорезмийского искусства. А если учесть, что в народных верованиях образ Сиявуша представлялся не только в виде всадника, но и в виде своего постоянного спутника — коня, станет ясным, кого изображают многочисленные фигурки коней из Кой-Крылган-калы. Так обосновывалось предположение о погребальном храме двух божеств — богини плодородия и водной стихии и бога солнца, умирающей и воскресающей природы, Анахиты и Сиявуша.

Были сделаны интересные попытки «географического размещения» этих божеств в пределах центрального здания: исследователи захотели узнать, какой из двух комплексов помещений был посвящен Анахите и какой Сиявушу. Хотя в большинстве случаев точное первоначальное положение терракотовых статуэток и не было известно, все же Ю. А. Рапопорту как будто удалось проследить, что большая часть женских изображений относилась к западной части памятника. К тому же в одном из помещений этого комплекса был вырыт ритуальный колодец (Анахита — богиня водной стихии).

С другой стороны, восточная половина погребального здания, окна помещений которой смотрели на восток и на юг, как будто бы больше соответствовала культу солнечного божества. Так возникла гипотеза о посвящении западного комплекса Анахите, а восточного — Сиявушу.

Если верно предположение о том, что центральное здание — царский мавзолей (а это очень вероятно, су-

дя по масштабам всего сооружения), то есть основания предположить и другое: началу строительства предшествовала смерть царицы; ее прах был поставлен в западной половине. Царь после смерти был сожжен на центральной площадке, а останки его захоронены в восточном комплексе.

Строго говоря, все эти предположения (за исключением того, что Кой-Крылган-кала — храм погребального культа) не могут считаться бесспорными; не исключено, что все, о чем здесь рассказано, происходило несколько иначе. Однако сейчас, на основании всех известных исследователям материалов, эти предположения кажутся наиболее вероятными.

Погребальная постройка была центральной и важнейшей частью храма, своего рода фокусом всего сооружения. В целом же погребальный храм имел значительно более сложную структуру, включая большое число сооружений различного назначения. Древневосточный храм — это обычно не только религиозный, но и крупный политический, научный и хозяйственный центр. А если учесть сложную и мощную систему обороны, то можно добавить, что Кой-Крылган-кала еще и сильная хорезмийская крепость.

Почему место погребения, даже царского, требовало такой колоссальной постройки, а особа царя даже после смерти — божеских почестей? Объясняется это тем, что в большинстве древневосточных государств, в том числе и в Хорезме, личность царя считалась священной и рассматривалась как воплощение божества. Обычно цари, кроме светской и политической власти, осуществляли и верховную религиозную власть.

Интересно, что «божественность» хорезмийских царей непосредственно связана с Сиявушем. По преданию, Сиявуш либо божественный предок, либо основатель династии царей древнего Кангюя. Царь Хорезма являлся одновременно и верховным жрецом.

Погребения царей и знатных лиц сопровождалось множеством необходимых для загробной жизни вещей, сделанных из ценных пород дерева и камня и драгоценных металлов. Стоимость их достигала порой фантастических цифр. Однако ни постоянная вооруженная охрана, ни всевозможные ухищрения и «секреты» при маскировке погребений не спасали их от грабителей.

Религия требовала совершения в честь погребенных и их божественных покровителей, в данном случае Анахиты и Сиявуша, постоянных и необычайно сложных ритуальных церемоний. Для этого при храме состоял специальный штат жрецов — служителей заупокойного культа. Жрецы — «посредники» между богом и людьми — пользовались в государстве огромным влиянием.

Все затрагивающие жизнь и благосостояние людей явления природы, такие, например, как бурные разливы рек, землетрясения, затмения, дождь и засуха, объяснялись вмешательством богов. Поэтому накопленные тысячелетиями объективные наблюдения явлений природы были тесно переплетены с религиозными представлениями. Но практические потребности вызвали дальнейшее совершенствование и развитие накопленных знаний. Особенно это относилось к математике и астрономии. Вначале их развитие было вызвано чисто хозяйственными нуждами: необходимо было спланировать обрабатываемый участок и определить его размеры, определить характер уклона местности, чтобы провести канал, подсчитать и записать в документах количество продуктов, знать время разлива рек и поливки полей, уметь ориентироваться в океане окружающих земледельческий оазис песков и т. п. Все накопленные таким образом наблюдения сосредоточивались в руках жрецов, в храмовых архивах. Здесь же были сделаны и первые попытки систематизации накопленных объективных знаний. Так возникли науки.

Многие из храмов были центрами астрономических наблюдений за движением планет и звезд. Создание систем календаря было одним из наиболее важных результатов регулярных наблюдений за небесными телами. Календарь был связан с циклом сельскохозяйственных работ. Предположение С. П. Толстова о том, что на Кой-Крылган-кале велись астрономические наблюдения, подтвердилось недавно новыми материалами. Сотрудники Хорезмской экспедиции М. М. Рожанская и М. Г. Воробьева и астроном профессор И. Н. Веселовский, исследовавшие данные раскопок с астрономической точки зрения, установили, что планировка и архитектурные особенности центрального здания давали возможность проводить частичные наблюдения за определенными светилами (в первую очередь за Солнцем) на отдельных

участках неба. Астрономических инструментов на Кой-Крылган-кале найдено не было, однако среди находок внимание исследователей привлекли обломки керамических колец и соответствующих им по диаметру дисков с отверстием в центре и небрежно нанесенными делениями по окружности. Было высказано предположение, что это либо детали устройств, имитирующих астрономические инструменты, либо самих инструментов типа простейшей астролябии.

Были проведены вычисления для каждого из прорезающих шестиметровую толщину стены и направленных вверх окон. Особенно интересными оказались результаты, полученные для среднего окна южной стороны здания: в IV—III вв. до н. э. через него можно было вести наблюдения за Фомальгаутом — звездой первой величины, очень почитаемой на Востоке в древности. Это в свою очередь помогло объяснить кажущуюся произвольность ориентировки здания. Ориентировка осей здания по линиям С-Ю и В-З условна, на самом деле оси отклонены от этих направлений на 21° . Ученые установили, что закладка здания происходила в период гелиакического восхода звезды Фомальгаут¹, причем главной осью оно было ориентировано на место восхода солнца (меняющееся в течение года), а перпендикулярной ей осью — на Фомальгаут. Расчеты показали, что такое взаиморасположение этих светил приходится на время около 400 г. до н. э.; в это же время были и наилучшие условия для наблюдения за Фомальгаутом из среднего окна южной стороны здания. Таким образом было подтверждено установленное ранее по археологическим материалам и даже уточнено время сооружения храма.

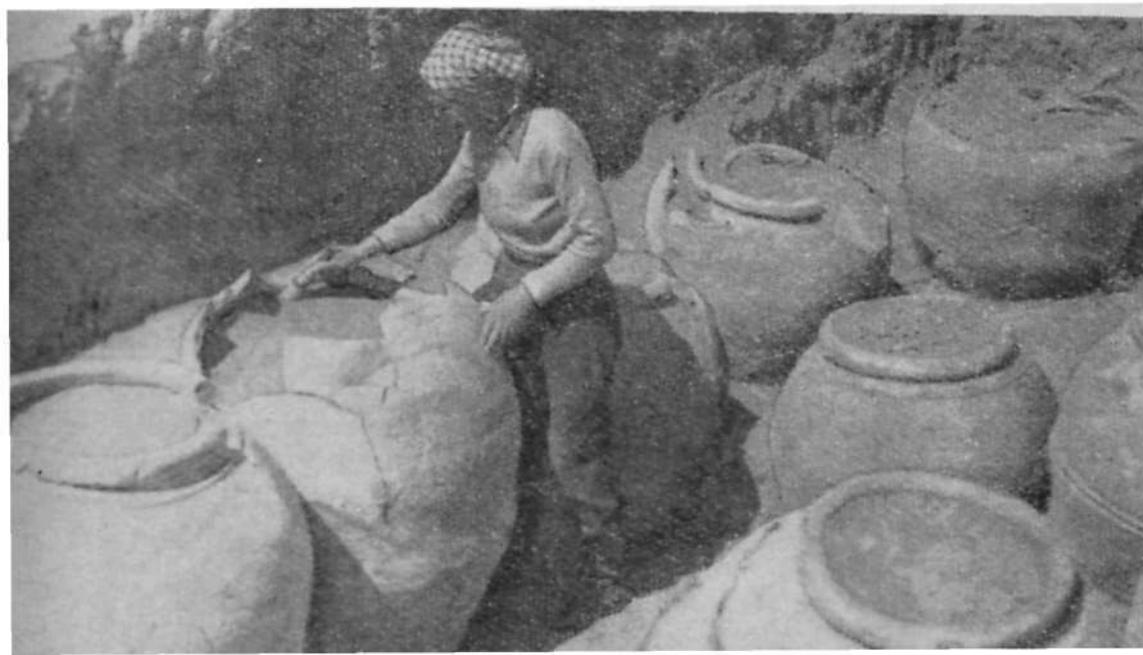
Древние боги не были бескорыстными. Лишь обильные жертвоприношения и богатые дары могли обеспечить людям их расположение. Поэтому в древневосточных храмах обычно накапливались огромные богатства. Некоторым из них, особенно тем, в которых отправлялся культ главных или по каким-то причинам особо

---

¹ Гелиакический восход — момент появления звезды на восточной стороне неба на фоне утренней зари впервые в текущем году. Этот момент находится в зависимости от географической широты места. До гелиакического восхода в продолжение нескольких месяцев звезда бывает невидимой, находясь на дневном небе.

почитаемых богов, принадлежали обширные участки плодороднейших земель и тысячи возделывавших эти земли рабов. Множество рабов было занято и в храмовых мастерских. Хозяйственные документы, обнаруженные при раскопках некоторых храмов, сообщают об обильных запасах сельскохозяйственных и ремесленных продуктов, различной драгоценной утвари и рабах, поступавших ежегодно и от обширного храмового хозяйства, и от богатых жертвователей — царей, военачальников, знатных вельмож. На Кой-Крылган-кале не обнаружено хозяйственного архива, однако материалы раскопок многое рассказали о хозяйстве храма. Уже в раннем периоде жизни памятника появились первые комплексы помещений кольца. Судя по находкам в них, они не имели прямого отношения к погребальному культу. Это были, как уже говорилось, хозяйственные помещения. Здесь хранились многочисленные храмовые запасы, возможно жили обслуживавший персонал храма и рабы. В закромах и зерновых ямах лежало зерно, в огромных, врытых в землю сосудах — хумах хранилось вино и масло. Эти продукты поступали с окружавших Кой-Крылган-калу обширных храмовых земель. Построенный в кангюйское время мощный магистральный канал (шириной около 40 м) своими ответвлениями

В этой храмовой кладовой хранились запасы масла, вина и зерна.

орошал поля и виноградники. Следы их сохранились здесь до сих пор; археологи обнаружили их с самолета и зафиксировали на аэрофотоснимках. Известно, какие основные сельскохозяйственные культуры возделывались в окрестностях Кой-Крылган-калы. При раскопках найдены зерна пшеницы и проса, косточки абрикосов, персиков, винограда, остатки кунжутных зерен.

* * *

Самые древние надписи на хорезмийском языке.

Самые ранние в Средней Азии росписи.

Самые ранние в Средней Азии оссуарии.

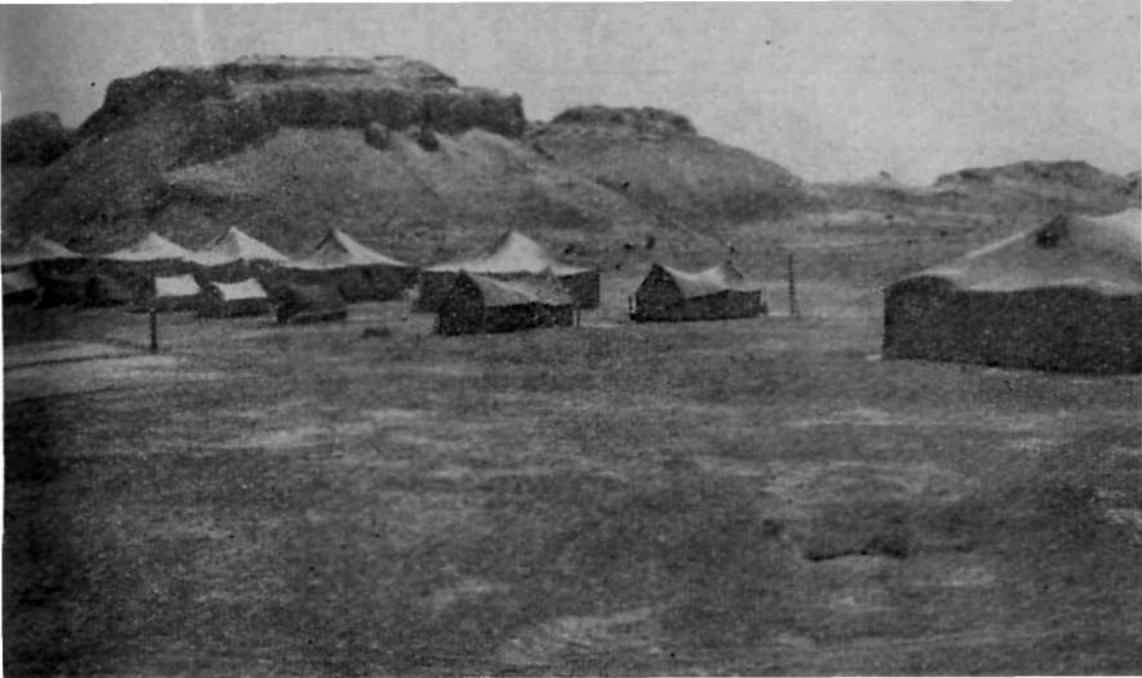
И обо всем этом рассказали одни развалины — Кой-Крылган-кала, «крепость погибших баранов». Не слишком ли много для одного памятника, даже такого монументального? И да и нет. Ведь каждый археологический памятник по сути дела уникален. В каждом археологи находят что-нибудь «самое»: самое раннее, самое большое или самое загадочное, в общем, что-нибудь самое интересное. В одном археологи находят что-то неожиданное, другой не дает того, что, по их расчетам, там должно быть. И это, последнее, порой не менее важно и интересно.

Чтобы понять до конца Кой-Крылган-калу, археологи не будут ждать, когда им встретится точно такое же сооружение. Да его и не будет. Но будущие раскопки на территории Хорезма, Средней Азии и всего древневосточного мира несомненно дадут новый материал для понимания этого замечательного памятника.

Глава третья

ТРЕХБАШЕННЫЙ ДВОРЕЦ ОТКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ

Одна из глав широко известной книги С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации» называется «Сокровища трехбашенного замка». Она полностью посвящена Топрак-кале, замечательной древнехорезмийской крепости, первое, еще довоенное знакомство с которой закончилось многолетними ее рас-

На двадцатипятиметровую высоту поднялась над пустыней громада трехбашенного замка Топрак-кала.

копками. Годы работы на Топрак-кале, пожалуй, одни из самых интересных в жизни Хорезмской экспедиции. Большинство теперешних сотрудников экспедиции, археологов и этнографов, здесь впервые под руководством С. П. Толстова познакомились с полевой археологией. Тогда они были студентами младших курсов исторического факультета МГУ.

«В ясный октябрьский вечер 1938 г., когда наша маленькая разведочная группа поднялась на стены кушанской крепости Аяз-кала 1, с шестидесятиметровой высоты перед нами открылась широкая панорама пройденного и предстоящего пути. И наряду со знакомыми силуэтами развалин на юге и на востоке, далеко на западе — за гладкой равниной бесплодных такыров, песков и солончаков, на горизонте возник коңтур огромных развалин, увенчанных на северном крае могучими очертаниями трехбашенной цитадели.

— Что это за крепость? — спросил я нашего проводника.

— Это Топрак-кала. Там нет ничего интересного, — был лаконичный ответ.

На следующий день наш караван подходил к «неинтересной крепости».

Так описывает С. П. Толстов свое первое знакомство с Топрак-калой. Караван подошел к крепости, и перед археологами на двадцатипятиметровую высоту поднялась громада трехбашенного замка. Наверху, на центральной площадке, они увидели полуразрушенные арки сводчатых помещений башен, сделанных из огромных квадратных сырцовых кирпичей. К замку примыкало большое городище, укрепленное высокими оборонительными стенами. Здесь, на развалинах жилых построек, археологи нашли десятки медных монет: «гигантский нумизматический кабинет», — писал впоследствии С. П. Толстов. А у южных ворот городища находилась большая россыпь обломков оссуариев — погребальных, керамических ящиков — костехранилищ, куда, согласно господствовавшему тогда в Хорезме зороастрийскому погребальному обряду, складывались очищенные птицами и ветром кости умерших.

«Можно было быть довольными разведкой. Уже первого ознакомления было достаточно, чтобы убедиться, что перед нами первоклассный памятник античной культуры Хорезма, сулящий исследователям поистине неисчерпаемые перспективы. И это впечатление не обмануло».

Начавшиеся в 1940 г. исследования Топрак-калы были прерваны Великой Отечественной войной. Многие археологи, в том числе и начальник экспедиции С. П. Толстов, ушли на фронт. Летом 1945 г. раскопки возобновились, а с 1946 по 1950 г. крепость стала основным объектом работ экспедиции.

О Топрак-кале написаны десятки статей — научных и популярных, в академических изданиях, журналах и газетах. Но результаты раскопок крепости настолько разнообразны и интересны, что в этих статьях отражены лишь основные их итоги. В полный отчет о раскопках, а он в ближайшие годы будет подготовлен, войдут разделы, написанные не только археологами и историками, но и архитекторами, искусствоведами, реставраторами, химиками, биологами.

Необычайно интересна архитектура памятника, являющегося замечательным образцом градостроительного и фортификационного искусства античного Хорез-

ма. Мощный цоколь (представляющий собой систему перекрещивающихся глинобитных стен, пространство между которыми заполнено кирпичной кладкой не на растворе, а на чистом сухом песке) поднял на двенадцатиметровую высоту центральную площадку замка. Здесь в два этажа располагались жилые, хозяйственные и парадные помещения дворца, перекрытые мощными, так называемыми «коробовыми» сводами. Световые люки в перекрытиях и открытые дворики, куда выходили двери сразу нескольких таких помещений, давали свет. Был, по-видимому, и третий этаж, более легкий, с решетчатыми стенами из сырцового кирпича.

Три грандиозные башни с жилыми помещениями внутри, вздымавшиеся по крайней мере на тридцатиметровую высоту (и теперь, спустя полторы с лишним тысячи лет после постройки, их высота около 25 м), господствовали над цитаделью, городом и окружающей равниной.

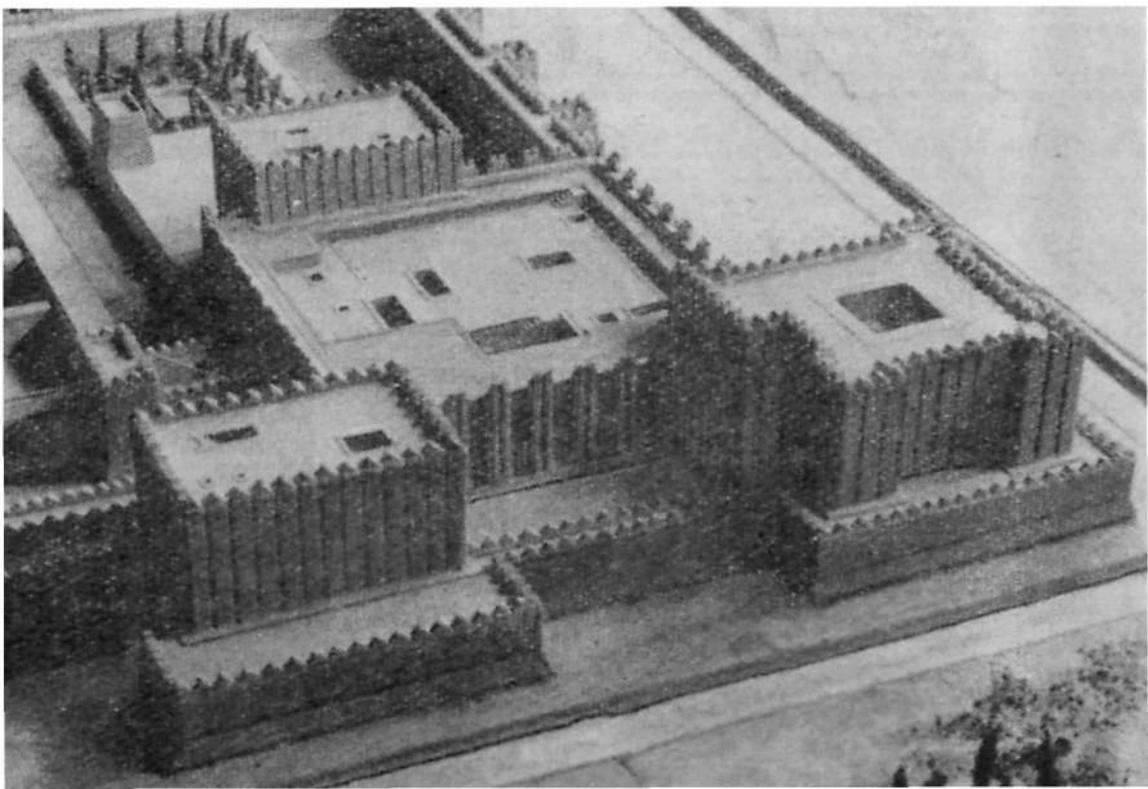
Построенная в III в. крепость до 305 года была резиденцией правителей страны хорезмшахов. Покинутый хорезмшахским двором замок (город жил до V века) начал разрушаться. Обрушивались своды, падали размытые дождями и иссеченные песчаными бурями

Десятки парадных, жилых и хозяйственных помещений были раскопаны на центральной площадке дворца.

стены. Когда в замок пришли археологи, он казался огромным глиняным монолитом. Метр за метром — обломки кирпичей, рухнувшие своды, глиняные натеки, образовавшиеся после дождей, — препарировали глину археологи, разгадывая тайны дворца. И им открывались такие подробности его истории, которые, казалось, должны были быть навеки погребены под многометровым слоем разрушений. Вот один из примеров подобного рода открытий. Накапливавшиеся из года в год наблюдения над особенностями строительных приемов и архитектуры дворца позволили С. П. Толстову установить, что он строился в рекордно короткий срок. Более того, стало ясным, что план дворца в ходе строительства изменился — первоначально предполагалось построить лишь большое квадратное дворцовое здание. Оно было уже сооружено, украшено снаружи вертикальными выступами-пилястрами и оштукатурено, когда возникла идея возведения трех величественных башен. И еще одна деталь: срок между постройкой дворца и возведением башен был очень коротким. Штукатурка

Построенный в III в., дворец до 305 г. был резиденцией хорезмшахов. *Один из вариантов реконструкции дворца.*

стены, к которой была пристроена южная башня, не пережила в открытом виде ни одной зимы.

Можно было бы рассказать полную историю поисков входа во дворец. Только в конце раскопок, в 1950 г., когда применение ленточных транспортеров позволило начать расчистку засыпанных толстым (до 14 м) слоем песка внутренних дворов, было установлено, что входили во дворец через большой пандус, подводивший к восточной стене цитадели.

Почему же так спешили с постройкой дворца? Наиболее вероятное объяснение этому давала политическая обстановка того времени в Средней Азии и Хорезме.

Начало постройки Кой-Крылган-калы отделено от времени Топрак-калы периодом почти в семь веков. Лишь помещения кольца величественного погребального храма дожили до времени сооружения трехбашенного замка. Этот период в истории Средней Азии заполнен бурными событиями: завоевательными войнами и борьбой против захватчиков, часто иноземных, созданием мощных рабовладельческих государств, объединявших силой оружия племена и народы и распадавшихся под напором более сильных завоевателей.

Мы уже говорили, что во время греко-македонского завоевания Средней Азии Хорезм сохранил свою независимость. После смерти Александра Македонского (323 г. до н. э.) его огромная империя распалась. С середины III до конца II в. до н. э. значительная часть Средней Азии входила в состав греко-бактрийского царства. Однако это крупное рабовладельческое государство также не затронуло политической независимости Хорезма. Власть греко-бактрийских царей оказалась недолговечной; их государство погибло под ударами пришедших с северо-востока степных сакских племен. Все владения греко-бактрийских царей оказались скоро под властью саков. Возникла огромная и могущественная Кушанская держава. Территория ее выходила далеко за пределы Средней Азии.

Каким образом и когда подчинился Хорезм власти кушанских царей, письменные источники ничего не говорят. Но о том, что он потерял политическую независимость, рассказали монеты: в I—II в. н. э. монеты кушанских царей вытеснили полностью в Хорезме моне-

ты местной чеканки. II и III вв. н. э.— кушанский период в истории Хорезма.

Это время дальнейшего развития рабовладельческих отношений и усиления противоречий между богатой аристократией и свободными еще общинниками. Постройки знатных и богатых резко выделяются своими размерами и сильными укреплениями из общей массы домов общинников. Вместо сильно укрепленных городов и поселений появляются неукрепленные деревни с отдельно стоящими большими домами. Их защиту берет на себя уже не община, а государство: строится система сильно укрепленных пограничных крепостей с военными гарнизонами в них.

В кушанский период происходит оживление торговых связей Средней Азии с многими отдаленными странами: Китаем и Индией, Сирией и Римом. Через Хорезм проходят торговые пути в Восточную Европу.

Вхождение Средней Азии в состав государств с очень широкими границами и постоянные торговые и культурные связи с различными странами усилили влияние иноземных культур, часто более высокоразвитых, на культуру и искусство народов Средней Азии. Слияние и переплетение местных, среднеазиатских, греческих, иранских и индийских форм культуры породило новые, очень своеобразные формы культуры и искусства.

Большое многообразие в связи с этим наблюдалось и в религиозных верованиях. Вместе с зороастрийскими и другими древними местными божествами и героями в Средней Азии уживались культы некоторых эллинских богов. Широко распространился буддизм.

Кушанское государство, политический центр которого с конца I в. находился в северо-западной Индии, просуществовало до конца IV в. и погибло под ударами варварских кочевых племен так называемых «белых гуннов». Хорезм, судя опять-таки по монетам, отделился раньше, очевидно еще в III в. В начале III в. снова появляются монеты хорезмийского чекана — с портретом царя и традиционным «хорезмийским всадником» на обороте. Хорезмшах по имени Вазамар, правивший в первой половине III в. и чеканивший монеты с изображением длиннородого царя в высоком шлеме в виде орла, по-видимому, уже окончательно порывает с зависимостью от кушанов. Тогда-то и потребовался гранди-

Хозяйственные докумен-
ты на дереве и на коже
из архива Топрак-калы.

озный и роскошный дворец — резиденция правителей независимого и могущественного государства Хорезм, величию которого должно было соответствовать величие дворца.

Долго можно было бы рассказывать о находках, сделанных археологами во время раскопок дворца. Тысячи обломков (а часто и целые сосуды) великолепной тонко-выделанной керамики, обрывки тканей — шерстяных, шелковых и бумажных, части кожаной обуви, косточки

плодовых растений и зерна злаков, кости домашних и диких животных — все это и многое другое рассказало ученым об образе жизни, хозяйстве и ремеслах не только обитателей дворца и города, но и большой земледельческой округи... Среди находок имеются и золотые украшения, и ожерелье из 300 бус из стекла, пасты, янтаря, кораллов, раковин, и железный серп. Находка железной «чешуи» от панциря и, главное, открытие комплекса помещений — мастерской по производству знаменитых хорезмийских луков — подтверждают сведения о высоком уровне военного дела в Хорезме.

Есть находки, о которых хочется сказать особо.

Найти архив древних письменных документов мечтают многие из археологов. Сбываются эти мечты чрезвычайно редко. Археологам-хорезмийцам посчастливилось: одна из важнейших находок из Топрак-калы — это дворцовый хозяйственный архив. Документы, написанные на древнехорезмийском языке, найдены в четырех помещениях юго-восточной части дворца. Все они попали сюда из располагавшегося на втором этаже архива. Всего было найдено около сотни документов, написанных черной тушью на деревянных дощечках и на кожаных свитках. Документы на дереве, а их всего восемнадцать, очень хорошо сохранились. Восемь крупных обрывков сохранили написанные тушью строки непосредственно на коже; остальные уцелели лишь в виде отпечатков на глине. Хотя документы полностью еще не прочитаны, характер их уже определен. Это хозяйственные документы дворцового архива: списки лиц, подлежащих налоговому обложению, и сводные документы, подводящие итоги поступлениям в хорезмшахскую казну за определенный период.

Три из найденных документов имели точную дату — 207, 231 и 232 гг., но... неизвестной эры. Кропотливая исследовательская работа, проведенная С. П. Толстовым, показала, что начало этой, применявшейся хорезмийцами эры, может быть отнесено к периоду между 69 и 78 гг. н. э. А из известных нам летосчислений на этот период приходится начало только одной эры — индийской «эры Шака». Употребление хорезмийцами индийского летосчисления не вызвало удивления: ведь Хорезм в течение целого века входил в состав индийско-среднеазиатского Кушанского государства и, естествен-

но, оказался под очень сильным воздействием индийской культуры. Датированные документы имели ценность не только для истории Хорезма. Они вместе с найденными на Топрак-кале монетами дали начало цепочке хронологических выкладок, важных для решения некоторых вопросов истории Кушанского государства в целом.

Но не даром Топрак-калу называют музеем изобразительных искусств античного Хорезма. Главные находки во дворце хорезмшахов — это скульптура и живопись.

* * *

— По-о-дъем!

В большом палаточном лагере, раскинувшемся на такыре у развалин огромной крепости, тишина. Лишь от кухни, заметной по легкому голубому дымку, доносится осторожное позвякивание кружек и кастрюлек. Трудно дежурному. Сейчас половина шестого утра, самый сладкий сон. Особенно, если учитывать, что вчера в первом часу ночи с южной башни еще слышались звуки аккордеона, песни и смех. Ничего не поделаешь: добрая половина экспедиции — студенты.

— По-о-дъем! — надрывается дежурный. В шесть — выход на работу; за полчаса надо помыться и позавтракать. Но главное сейчас — встать. Вылезти из теплого спального мешка прямо в осеннее, довольно прохладное утро не так-то просто.

Дежурный меняет тактику. Теперь он заходит в палатки и, кутаясь в ватную, стеганую телогрейку, наигранно бодрым голосом рассказывает о прелестном утре, о вкуснейшем завтраке. Мешки начинают шевелиться, а из одного даже идет папиросный дым; так, рискуя заживо сгореть (из застегнутого на все пуговицы спального мешка не так-то легко быстро выбраться), начинает новый день один из заядлых курильщиков.

Следующий этап лагерного подъема еще более энергичный: алюминиевая раскладушка приподнимается за один край и невидимая в мешке фигура скатывается прямо на землю. Попробуй, не встань!

Сергей Павлович уже позавтракал и сейчас, пуская через усы дым папиросы и ехидно улыбаясь, смотрит, как двое опоздавших стараются за считанные секунды

Глаза тигра пристально смотрят с обломка штукатурки.

до выхода на работу проглотить по кружке обжигающе горячего кофе.

На крутых тропинках, ведущих по обе стороны северо-западной башни на центральную площадку, видны две цепочки людей: слева — сотрудники экспедиции, справа — рабочие,двигающиеся потихоньку от своего расположенного чуть поодаль лагеря. Начинается новый рабочий день.

Ожили бесчисленные комнаты и переходы, за замком потянулся длинный шлейф пыли — заработали транспортеры в восточном дворике. Часам к десяти утренняя прохлада остается лишь приятным воспоминанием. Кызылкумское солнце припекает не на шутку. Стараешься найти работу в тени стен. Но стены невысоки, а солнце прямо над головой. Наиболее предусмотрительные из раскопщиков весь свой день планируют по солнцу, вернее по тени, передвигаясь вслед за ней по комнате.

Лежа на боку — иначе устает спина — на нагретой солнцем земле разбираешь ножом начинку комнаты. Из-под лезвия отлетают куски обмазки и глиняных натеков, постепенно обнажаются лежащие в беспорядке кирпичи. Вот вместе с серой глиной отскакивают, рассы-

паясь мелкой крошкой, кусочки белой алебастровой обмазки. Но не все они белые. Вот коричневый обломок, а тут ярко-красный... Внимание, роспись!

...Округлившись глаза тигра пристально смотрят с обломка штукатурки. Видна лишь голова животного, но по раздувшимся от напряжения ноздрям, можно предположить, что он находится в напряженной, готовой к прыжку позе...

...Женщина склонилась к арфе. На лице легкая улыбка. Изящным движением пальцев полной руки с браслетом она перебирает струны. Характер изображения совсем иной. Здесь нет ярких и пестрых красок. Выразительность достигнута тонкими линиями и игрой полутонов.

Сборщица фруктов, гирлянды плодов, освещенные солнечными лучами, склонившаяся в раздумье мужская фигура, цветы лилии, ириса, лепестки роз...

Росписей много. Десятки больших кусков и сотни мелких. Цветные их репродукции опубликованы в книгах и статьях С. П. Толстова, а часть подлинников можно видеть в ленинградском Музее антропологии и этнографии, и в Эрмитаже.

«Червонная дама». Фрагмент росписи.

Трудно рассказать, какие тяжелые недели выпадали на долю тех раскопщиков Топрак-калы, которые находили росписи. А редко кто их не находил, ведь художники расписали почти все помещения дворца. Хорошо бы росписи были на стенах. Пускай не полностью, кусками. Судить о композиции, о сюжетах росписей можно было бы с большей уверенностью, да и с расчисткой было бы легче.

На Топрак-кале все это было не так.

В заброшенных помещениях обычно первым обрушивался свод. Десятки тяжелых сырцовых кирпичей падали вниз, пробивая и коробя глиняную обмазку пола. Затем начиналось разрушение стен. Кусками отходила и рассыпалась, падая, саманная штукатурка с росписью. Иногда, подмытый водой и растрескавшийся на солнце, отрывался от стены большой кусок с частью кирпичной кладки. Хорошо, если, проделав замысловатую траекторию на засыпанном кирпичами свода полу, он ложился вверх оштукатуренной и расписанной стороной. Разбирая завал, археолог легко найдет ее. Расчистить роспись от глины не так сложно, хотя и необычайно трудоемко. Но что делать, если кусок стены с росписью лег лицевой стороной вниз? Конечно, и такой обломок росписи не пропадет, будет извлечен и открыт, но как усложняется работа археолога!

Роспись была нанесена по тонкому слою алебастровой подгрунтовки, покрывающему глиняную штукатурку. Алебастр уничтожал неровности, делал стену гладкой и служил одновременно фоном для росписей.

Поверх лежащей на полу росписи — толстый слой глины: мелкая кирпичная крошка, иногда крупные обломки кирпича, а между ними — глина, глина, глина... Растворенная в воде, она протекала тонкими струйками, заполняя все полости и поры.

Под рукой, кроме раскопчного ножа, два скальпеля и несколько кистей. Один из скальпелей очень маленький (у хирургов он называется глазным), другой побольше. Основной слой глины над росписью убирается ножом. Удаляются кирпичи и все вокруг обнаруженного куска, что могло бы помешать работе. Когда до красочного слоя остается сантиметра два-три, нож приходится отложить: можно испортить роспись, проткнув неосторожно тонкий слой натекнов. Да ножом тут, пожалуй, ничего

и не сделаешь — обычно он очень тупой. На помощь приходит скальпель, тот, что побольше. Снимается еще один слой, обычно не у всего куска, а у части, которую за день предполагается расчистить. Остается тонкая, в несколько миллиметров, прослойка. Теперь только она скрывает роспись. Последняя видна уже местами, просвечивая краской или блестяще-белым алебастром фона. Что скрывает новый обломок?

Легкий нажим сверху острым краем маленького скальпеля — и отскакивает маленький кусочек глины, а такой же кусочек росписи, маленький, всего в несколько квадратных миллиметров, вновь после перерыва в полтора тысячелетия видит свет. Еще один легкий нажим, и еще, и так целый день, и второй, и третий. Зацепить кусочек побольше нельзя, так как глина отскочит вместе с росписью и алебастровой подгрунтовкой. Поставить ее потом на место необычайно трудно, а порой, в условиях экспедиции, и невозможно. Алебастр крошится, краска росписи отслаивается.

Расчищенный участок росписи пропитывается особым клеевым составом и укрывается от яркого солнечного света. На свету краски быстро тускнеют. Поэтому тут же на месте делается копия росписи, которая по цвету значительно ближе к первоначальному оригиналу, чем выставленные сейчас в музеях подлинники.

Мы рассказали о самом простом и удобном для расчистки варианте: роспись лежит «вверх лицом». Когда кусок с росписью перевернулся или когда две или несколько росписей, разделенные иногда тонкими прослойками, составляют начинку большого глиняного «пирога», расчистка становится во много раз более трудоемкой.

Хотя однообразна и утомительна эта работа, но все-таки необычайно интересна. Мысль о том, что бесформенный и грубый кусок земли превратится в яркую, многокрасочную картину, новую и, может быть, еще более интересную, чем найденные до сих пор, все время держит в напряжении, торопит, не дает скучать. Хорошо, конечно, если роспись окажется именно такой. Но бывают и огорчения. Как узнать, интересна ли роспись, если по краям серой глыбы заметен лишь тонкий слой белой алебастровой подгрунтовки. Просидишь над таким куском дня три — и в результате девственно-белая

поверхность алебастра и где-то сбоку две красные полосы. Зачем они здесь? Ведь это часть какой-то композиции. Для фантазии, самой буйной, здесь непечатый край. Утешаешь себя: конечно, и эти открытые тобой линии тоже нужны; ведь расчищать надо все, даже на первый взгляд неинтересное и сразу непонятное. Возможно, этот кусок, вместе с другими, найденными в этой же комнате, позволит реконструировать хотя бы характер росписи.

Расчистить кусок упавшей стены с росписью — это еще не полдела. Его еще нужно вынуть, оторвав от плотно слежавшейся глиняной массы, отнести в лагерь, доставить на ближайший аэропорт или железнодорожную станцию (в пустыне это не так-то просто), наконец, отвезти в Москву или Ленинград, где искусство реставраторов еще на многие десятилетия продлит жизнь росписи. Самое ответственное — вынуть роспись.

Сидит археолог в раздумье перед накрытым бумагой большим куском глины. Под бумагой — «писец». Так называют эту роспись потому, что на ней изображена фигура юноши с подносом в руках, на котором лежат какие-то белые, перевязанные на концах цилиндры. По-видимому, это те самые рукописи на коже, которые нашлись в помещениях юго-восточной части дворца. На шапке юноши *тамга* (знак) правящей в Хорезме династии Сиявушидов, очевидно, это дворцовый писец.

Вчера была закончена расчистка росписи, ночь «писец» одиноко пролежал во дворце, заботливо укутанный бумагой и брезентом. Сегодня его нужно вынуть и перетащить вниз, в лагерь.

Кусок тяжелый, работа будет не легкой. Глина под алебастром хотя и пропитана обильно клеем, но при малейшем движении может все же разломиться на несколько частей и испортить роспись. Чтобы избежать всяких случайностей, кусок росписи заключается в прочный гипсовый обруч с марлевой прослойкой. Когда этот «марлебетон» просохнет, можно будет начинать.

Володя Лоховиц, откопавший и расчистивший «писца», прикидывает сейчас, как лучше это сделать. Комната узкая, да и роспись лежит близко от стены. К противоположному ее краю вряд ли подберешься.

...К четырем часам, когда после обеда и отдыха мы снова поднялись на раскопчную площадку, гипс просох. Длинными и острыми ножами (тоже из хирургии-

ческого набора) подкапываем со всех сторон глиняную глыбу. Нож проникает далеко, но все же длина его недостаточна. На помощь приходит пила. Обыкновенная ножовка с деревянной или металлической ручкой. В сделанную ножами выемку просовываем пилу и сантиметр за сантиметром отделяем роспись от груды завала. Пила идет плохо, часто попадаются плотные куски кирпича. Больше часа уходит на подкапывание глыбы со стороны стены: работать дьявольски неудобно.

Наконец настает момент, когда лишь небольшой столбик земли связывает роспись с остальной массой глины. Под подкопанными частями, чтобы глыба не разломилась, плотно уложены кирпичи. Наступает самый ответственный момент. Володя, стоя на коленях, осторожно берется за гипсовые края глыбы. Несколько легких движений в ту и другую сторону. Глыба слегка поддается, затем, поддерживаемая слегка, мягко ложится на подстилку из кирпичей. Кажется никаких трещин, все в порядке — и вздох облегчения.

Все остальное не так сложно и опасно. Осторожно ставим роспись на ребро, очищаем и выравниваем низ, который так же, как и бока, заливаем гипсом. Большой кусок глины с росписью оказывается в довольно прочном гипсовом ящике. Спуск его в лагерь — торжественный момент. Конечно, можно было бы доверить это рабочим. Они сделали бы это не менее осторожно и аккуратно. Но мы несем «писца» сами — такова традиция. Из глубокого раскопа доносится завистливый комментарий:

— Поволокли, счастливички...

* * *

Пятьдесят лет назад археологом В. Л. Вяткиным при раскопках Афрасиаба — домонгольского Самарканда — был найден обломок штукатурки с росписью. Это было первое вещественное доказательство (до этого имелись лишь сведения из письменных источников — китайской летописи) о существовании живописи в древней Средней Азии. Найденная в 1913 г. В. Л. Вяткиным роспись погибла: находка была неожиданной и застала археологов врасплох. Оставленный на длительное время незакрепленным красочный слой ее растрескался,

отошел от грунта и свернулся. К счастью, художнику удалось сделать копию. На росписи были видны изображения трех фигур, прорисованные черными линиями. В живописи преобладали желтые, пурпурно-красные и различные оттенки синих тонов.

К моменту, когда были открыты росписи Топрак-калы, стала известна живопись и из других районов Средней Азии, в частности замечательные росписи из Пянджикента VII—VIII вв.

Живопись Топрак-калы занимает особое место среди памятников искусства древней Средней Азии. Время, когда создавались росписи Топрак-калы,— период расцвета античной культуры Средней Азии. Это обусловило реалистический характер живописи (это же относится и к топрак-калинской скульптуре, о которой мы еще будем рассказывать) в отличие от более поздней живописи Пянджикента, в какой-то степени условной, стилизованной.

Мы уже говорили, что во дворце хорезмшахов были расписаны (или по крайней мере окрашены) стены почти всех многочисленных помещений. Хорезмийские художники писали минеральными красками, закрепленными каким-то клеящим веществом. Комочки этих красок и черепки с краской, своего рода палитры, применявшиеся для пробы густоты красочного слоя, находили во многих помещениях. Поражает большое богатство цветов и оттенков: красного, малинового, алого, розового, оранжевого, желтого, зеленого, синего, голубого, голубовато-серого, коричневого, фиолетового, белого. И при этом преобладают теплые, радующие глаз тона.

О чем же рассказывали хорезмские живописцы? Восстановить сюжеты росписей чрезвычайно сложно. Навсегда останутся загадкой сюжеты росписей многих комнат, представленные мелкими обломками. Работу исследователя затрудняет и то обстоятельство, что в завале одного помещения могут оказаться обломки росписей сразу двух помещений: верхнего этажа и нижнего. Попробуй разберись!

Но одна находка следовала за другой, и тщательное исследование и сопоставление многих обломков позволяло иногда расшифровывать тайну росписей. Вот так называемая «красная комната». В ней и в нескольких соседних помещениях были найдены и расчищены мно-

гочисленные фрагменты большой, связанной несомненно единым сюжетом живописной композиции. Поднятая лапа тигра или льва на одном куске, нога лошади, согнутая на скаку в колене, — на другом; еще одна лапа, опирающаяся на черную линию, ограничивавшую нижнюю часть росписи; лицо черноволосого мужчины, изображенное в профиль. И еще множество более мелких кусков.

Как разобраться в этих загадочных обрывках? Может быть, по принципу известной детской игры — складывающихся из кубиков картинок? Ворочать тяжелые куски при этом не придется: все изображения скопированы в красках на бумаге. Скажем заранее — ничего из этого не получится. Уж если сравнивать наши находки с детской игрой, то они будут напоминать набор, в котором из десяти кубиков не хватает семи или даже восьми.

Но ведь в наборе, кроме кубиков, есть еще и напечатанные на бумаге целые картинки. И археолог В. Д. Берестов, написавший еще в студенческие годы работу по живописи Топрак-калы, нашел такую картинку для «красной комнаты». Правда, она была не на бумаге, а на серебряной чаше, найденной очень давно, еще до революции, в Прикамье, но, как установил С. П. Толстов, происходившей из Хорезма. Развернув в прямой плоскостной пояс выбитое на чаше изображение и сравнив с ним найденные в «красной комнате» разрозненные «кубики», он пришел к выводу, что роспись «красной комнаты» по сюжету аналогична изображению на чаше. А на серебряной чаше — сцены охоты. Всадник поражает копьём напавшего на него тигра. Другой всадник из лука стреляет в льва. Лев нападает на третьего всадника, обороняющегося также при помощи лука. Очень любопытно, что геометрический орнамент на чаше тождествен по построению некоторым орнаментальным мотивам росписей Топрак-калы.

В разных помещениях дворца была найдена довольно большая группа портретных изображений. Это не изображенные с известной долей условности придворные хорезмшаха — придворный писец, придворные красавицы, молодые люди неизвестной профессии в черных кафтанах, а настоящие портреты, очень выразительные, написанные в разнообразии поз и движений, с

применением более тонких линий и цветовых оттенков, оживляющих мазков и штрихов.

...Склонился в раздумье человек, опершись на согнутые пальцы украшенной браслетом руки... Тщательным контуром прорисовано лицо рыжеволосой женщины с тонкими бровями и длинными ресницами. Еще одно женское лицо: на голубом фоне, с устремленным вдаль взором, прядями падающих на плечо черных волос...

Несомненно, это фрагменты каких-то многофигурных композиций. В одном из помещений (на стене!) сохранились остатки росписи с изображением одной из таких сцен: женщина в белой одежде что-то передает или показывает мужчине в темном. В другом месте расчищено изображение сидящих рядом мужчины в черной и женщины в светлой одежде. Трудно сейчас сказать, о чем повествуют эти сцены, однако можно предполагать, что если не все они, то по крайней мере часть их связана единым сюжетом. Возможно, это иллюстрации какого-то неизвестного нам, но волновавшего в свое время хорезмийцев эпоса.

И еще об одном изображении хочется рассказать. В 1949 г. в небольшом помещении, соединявшем три центральных зала дворца, был расчищен обломок росписи с великолепным изображением орла. Перед орлом — навершие жезла в виде трилистника, стоящего на четырех шарах. Археологи-хорезмийцы уже так много знали о Хорезме, о Топрак-кале и ее жителях, что смысл и этого, загадочного на первый взгляд обломка, был разгадан. С. П. Толстов высказал мнение, что перед нами не что иное, как часть изображения царя в короне в виде орла.

Можно спросить: а на чем основано такое предположение? Ведь на росписи нет даже никаких намеков на царя. Может быть, только жезл? А С. П. Толстов пошел в своих выводах еще дальше. Он назвал, какому из хорезмшахов могла принадлежать корона — Вазамару. О том, что это может быть короной хорезмшаха, было ясно по найденному ранее в «зале царей» царскому головному убору. Изображения на хорезмийских монетах рассказали, что такую корону носил хорезмшах Вазамар. Ну а жезл? И ему нашелся двойник — на серебряном хорезмийском блюде с изображением царя, окруженного музыкантами и слугами.

Как все это, оказывается, просто, скажете вы. Нет, не так просто, или, вернее, просто только в нашем рассказе. На самом деле, это итог многолетней предшествующей работы в Хорезме, больших, накопленных за это время знаний, долгих раздумий, сопоставлений.

О живописи Топрак-калы можно было бы еще многое рассказать. Например, о замечательном хорезмийском орнаменте. Ведь он лучше, чем что-либо другое, рассказывает нам о народных истоках топрак-калинской живописи и больше всего ассоциируется с миром образов народного орнамента современных жителей Средней Азии — узбеков, таджиков, каракалпаков, казахов. Ведь орнаментальные мотивы пришли на стены дворца хорезмшахов с тканей и ковров, с кожаных изделий и произведений ювелиров. Одни из них ведут свое происхождение из среды кочевников, другие возникли в кругу ремесленников земледельческих оазисов, третьи всегда были присущи городскому архитектурному декору.

Основной вывод, к которому пришел С. П. Толстов, когда еще не все росписи Топрак-калы были извлечены из завалов и раскопки продолжались, это вывод о существовании самостоятельного хорезмского художественного центра, отличного от других художественных центров позднеантичной Азии. Знакомство с искусством других народов, в частности Индии и Ирана, с творчеством кочевых и полуоседлых племен Приаралья, Причерноморья, Сибири не привело к созданию механически составленного из разнородных элементов, эклектического искусства. Искусство позднеантичного Хорезма и Топрак-калы — цельное искусство, впитавшее в себя и творчески переработавшее на основе своих принципов и законов многое из лучших художественных достижений других народов.

Но в огромной по объему живописи дворца не чувствуется однообразия. Жесткие сроки постройки торопили не только строителей, но и художников и скульпторов. Во дворце работало сразу множество художников. И в технике, и в характере, и в стиле росписи чувствуется рука нескольких талантливых мастеров живописи. Нельзя спутать художника, писавшего «арфистку», с автором «сборщицы фруктов», а последнего с создателем портрета рыжеволосой женщины. Как и всюду,

наряду с замечательными мастерами живописи работали и малоталантливые художники, и даже ремесленники, знакомые лишь с техникой живописи. При таком огромном масштабе работ без них нельзя было обойтись. Безусловно, нельзя спутать художника, расписавшего парадный коридор, ведущий от входа во дворец во внутренние покои, и ремесленника, наносившего на стены служебных комнат простые повторяющиеся орнаменты.

О замечательной живописи Топрак-калы можно было бы рассказать еще очень многое. Однако в художественном оформлении дворца не она играет решающую роль. Как ни великолепны, как ни красочны росписи, пальму первенства надо все же отдать скульптуре.

Скульптура Топрак-калы не из мрамора и не из бронзы. Величественный, законченный по архитектуре дворец сделан целиком из глины, из нее же сделана и скульптура. Глиняная скульптура! Да еще пролежавшая в земле более пятнадцати веков! Что же от нее осталось? Оказывается, простая глина, даже не обожженная, не такой уж непрочный материал. Скульптурные находки Хорезмской экспедиции можно видеть не только в ее фондах, но и в лучших музеях страны: Музее восточных культур в Москве, в Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии АН СССР.

Чтобы хоть немного познакомиться со скульптурой, совершим небольшую экскурсию по центральным залам дворца.

«Зал царей». Так называли огромный зал, перекрытый мощным сводом из сырцового кирпича. Раскопки его начались в 1947, а закончились лишь в 1950 г. Его расчищали так долго совсем не потому, что он очень большой. Соседний «алебастровый зал», больший по размерам, был раскопан всего за два сезона. Дело в том, что мощные завалы перекрытия и стен в этом зале были буквально начинены обломками скульптуры. И вынуть ее, не повредив из этого веками слежавшегося месива глиняных конструкций, было во много раз труднее, чем найти и расчистить росписи.

Как и росписи, вся скульптура также была найдена в обломках. Расчищены и вынуты из завалов десятки фрагментов скульптурных человеческих торсов, рук, ног, множество оснований сидящих статуй, почти целые

Фрагмент статуи из «зала царей».

«Супруга Вазамара».

статуи, но без голов и головы отдельно, головные уборы, детали одежды. Все скульптурные изображения, а большая часть их выполнена в натуральную величину, были раскрашены — лица в телесный цвет, одежды, орнаменты и вышивки — многоцветно.

...Вдоль стен зала, на возвышении, разделенном ажурными глиняными решетками, находились скульптурные изображения хорезмийских царей династии Сиявушидов. Вокруг них — статуи их жен и детей, приближенных и жрецов, хорезмийских богинь и стражей. В середине южной стены огромная ниша. В этой особо почетной части зала статуи наиболее значительных правителей Хорезма, и среди них статуя хорезмшаха Вазамара в короне в виде белого орла. Позади всего этого многокрасочная орнаментальная роспись: белые

и красные лилии на кубово-синем фоне. Так представляется сейчас художественное оформление одного из самых парадных помещений дворца, названного С. П. Толстовым «залом царей».

Через проход в северо-западном углу зала выходим в северные внешние помещения, а оттуда, через «аллебастровый зал» и еще два помещения, попадаем в «зал побед».

«Зал побед». Он был назван так потому, что его стены украшены изображениями сидящих царей и богини победы Ники.

Через небольшую комнату попадаем в расположенный западнее «зал темнокожих воинов». Это одно из самых интересных помещений дворца. По стенам зала были устроены ниши, в них находились статуи, вероятно, также царей, но на этот раз в полный рост. (От них сохранились лишь нижние части.) Между статуями царей, на своеобразных постаментах в виде огромных двойных волют со спиралью на концах, находились статуи воинов. Эти небольшие, примерно в половину человеческого роста, фигуры были изображены в чешуйчатых панцирях с плетеными камышовыми щитами. Совершенно неожиданностью оказалось то, что воины эти были темнокожими. Антропологи определили, что темнокожие воины близки по своему физическому типу к одной из групп населения южной Индии, так называемым *дравидам*. Очевидно, индийские отряды участвовали в это время в воинских формированиях Хорезма, и в частности им доверялась охрана хорезмшаха.

«Зал оленей». Он западнее «зала темнокожих воинов». По сравнению с огромным «залом царей» и «залом побед» это сравнительно небольшое (8,8×5,1 м) помещение, к тому же отличающееся по оформлению от больших парадных залов. Стены этого помещения были украшены рельефными изображениями деревьев, обвитых виноградными лозами. По нижней части стены шел пояс с изображениями в натуральную величину пасущихся оленей. Они располагались на синем фоне, были раскрашены и выполнены настолько реалистично, что у специалистов не было никаких сомнений в их определении: скульптор изобразил одну из разновидностей лани. Внимание привлекла одна деталь: при всей реалистичности изображений животных они все же не

избежали некоторого отпечатка традиционной художественной условности — отростки рогов изображены у них в виде небольших правильных шариков. Эта, казалось бы, незначительная деталь позволила установить непосредственное родство искусства Топрак-калы с богатым и своеобразным искусством жителей степей — скифов и сарматов. Можно было предположить, что скульптурные украшения III в. восходят своими корнями к древним традициям массагетского искусства, искусства ближайших степных соседей Хорезма I тысячелетия до н. э.

Закончим свою экскурсию в «зале танцующих масок», он рядом, через стенку. Его оформление также очень необычно. Когда расчистили на небольшую высоту сохранившиеся стены, то увидели... ноги. И не просто ноги, а танцующие ноги. Идущие один за другим по периметру стен барельефы изображали танцующие пары: мужчину в шароварах и мягких сапожках и женщину в длинных, спадающих красивыми складками одеждах, из-под которых выглядывает кончик башмачка. И снова, как и в «зале темнокожих воинов», удивление вызвали головы, в данном случае головы танцоров. Я смотрю сейчас на одну из них, опубликованную на цветной таблице в статье С. П. Толстова. Голова как голова. Раскрашена как обычно. Узколицый человек, с тонким носом, большими глазами и длинной черной бородой. Обликом своим он несколько напоминает древнюю ассирийскую скульптуру, как сказал про него С. П. Толстов. А уши у чернородого... козлиные! На обломке другой головы сохранилось переносье и глаз: кожа лица черная, а глаз совершенно круглый, вытарщенный. Между ухом и лбом у первой головы видна складка — оказывается танцоры были в масках! Находки были не совсем обычными и требовали объяснений.

Находки в «зале танцующих масок» вызвали в памяти описания и изображения «дионисий» — празднеств в честь греческого Диониса — бога виноградной лозы, виноделия и вина. Греческая мифология представляла Диониса во многих образах. Особенно распространенным было его изображение в образе козла. На дионисиях люди сами превращались в «козлов»: наряжались в козлиные шкуры, привязывали копыта и рога и в та-

ком виде, навеселе от выпитого молодого виноградного вина, плясали и пели на лоне природы.

Божества, подобные греческому Дионису (или римскому Вакху), были и у других народов, в том числе и на Востоке. Вполне вероятно, что художественное оформление «зала танцующих масок» было посвящено какому-то религиозному празднеству, связанному с культом дионисийского характера. Мы имеем прямые указания на существование такого культа в древнем Хорезме. Это и терракотовые статуэтки хорезмийского Диониса с кистью винограда в руке, и письменные свидетельства. «Ночь Мины» — так называет Бируни¹ один из хорезмийских праздников, дошедший до эпохи, когда жил ученый, лишь как далекий отголосок какого-то дионисийского культа.

«Некоторые хорезмийцы рассказывают,— пишет Бируни,— будто Мина была одной из цариц или знатных женщин и что однажды она вышла из своего дворца хмельная, в одежде из шелка, а время было весеннее. Она упала на землю, и одолел ее сон, и ударило холодом ноги, и она умерла». В память этой погибшей от пристрастия к вину царицы в Хорезме ежегодно праздновалась «Ночь Мины».

Помогли снова и изображения на серебряных сосудах. На одной из хранящихся в Эрмитаже хорезмийских серебряных чаш можно видеть фигуру божества с козлиной бородой. А на изображении на чеканном серебряном блюде, происходящем, как предполагают, из Северной Индии, мы видим целую сцену: четыре пляшущие пары, в руках у женщин чаши с плодами и сосуда, у мужчин — птицы, ветки. В центре — богиня, сидящая на звере с львиным хвостом и бородатой человеческой головой, козлиными рогами и звериным ухом. Поразительное сходство в деталях убеждает, что и на блюде, и в «зале танцующих масок» изображены какие-то очень близкие сюжеты.

В 1950 г. большая коллекция скульптур пополнилась новой необычной находкой. Широкое лицо с усами, в остроконечной скифской шапке с наушниками (при-

---

¹ Бируни — великий среднеазиатский ученый-энциклопедист, живший в конце X — первой половине XI в. Подробнее о нем см. в главе шестой.

Это первая и пока единственная монументальная алебастровая скульптура из раскопок Топрак-калы.

мерно в $1\frac{1}{2}$ натуральной величины). Неожиданными оказались два обстоятельства. Во-первых, голова была сделана не из глины, как обычно, а из алебастра. Это была первая монументальная алебастровая скульптура. Во-вторых, найдена она была в очень уж неподходящем месте. В 1948—1949 гг. в юго-западной части дворца был раскопан длинный, тридцатипятиметровый коридор, вытянувшийся с востока на запад. В этот коридор выходили двери небольших, просто оформленных комнат, в которых, вероятно, жила привилегированная часть дворцовой челяди. При их расчистке было найдено много костей животных, обломки глиняной посуды. И вот в одной из этих, очень скромно расписанных комнат, нашли замечательную скульптуру. Она лежала в середине комнаты довольно высоко над полом. Кроме головы, никаких других частей скульптуры не нашли. Было очевидно, что в такой бедной комнате не могла находиться такая ценная скульптура. Как же она туда попала?

И тогда, а это было уже в конце раскопок, возникла версия о совершенно ином, чем это предполагалось ранее, характере внешнего оформления дворца. Фасад

представился уже не в виде вертикальных, украшенных пилястрами плоскостей, а украшенный скульптурами. Ведь линия комнат, выходящих в коридор, самая крайняя с юга. Некоторые из них почти целиком смыты, и неровный излом расчищенного пола обрывается на большой высоте. Потому, по-видимому, и сделана скульптура не из глины, как все во дворце, а из алебастра; глиняная скульптура не сохранилась бы долго на открытом воздухе. Вспомнились и найденные во множестве при раскопках наружного северного двора обломки алебастра — то ли куски облицовки, то ли каких-то лепных украшений.

* * *

Стоит в пустыне древняя крепость Топрак-кала. Собственно, слово «пустыня» здесь не совсем подходит: колхозные поля уже вплотную подступили к грозным башням.

Мимо крепости идет хорошо накатанная дорога, по которой из Нукуса можно попасть на все археологические памятники правобережного Хорезма. И когда археологи направляются на раскопки в пустыню или возвращаются в Нукус, экспедиционные машины всегда останавливаются под башнями Топрак-калы. Крутой тропинкой мы поднимаемся на центральную площадку дворца. Кажется, что за прошедшие пятнадцать лет здесь ничего не изменилось. Замыты немножко стены, кое-где обвалился кирпич. А на стенах «зала танцующих масок» сохранились еще ножки танцовщиц. Прочна все-таки глиняная скульптура!

Заходишь в комнаты, снова тихие и пустынные, которые когда-то очищал от глиняных завалов. Показываешь студентам — начинающим археологам: вот это «зал царей», а это — «зал темнокожих воинов». Здесь помещался гарем хорезмшаха, а здесь нашли архив...

Топрак-кала уже стала историей Хорезмской экспедиции. Но скоро крепость снова оживет, вновь поднимутся высоко в небо клубы пыли, а у подножия башен раскинется палаточный город. Ведь раскопан только дворец, а предстоит раскопать и город. Кто знает, сколько интересных находок ожидают археологов под пухлой коркой покрывающего городище солончака.

КАРАВАНЫ ИДУТ В ХОРЕЗМ

Грозными башнями дворца Топрак-калы, большими укрепленными городами и цветущими сельскими поселениями, на страже которых стояла на границах система государственных крепостей, заканчивалась античная, рабовладельческая эпоха в истории Хорезма. Страной «десятков тысяч замков» называют Хорезм источники эпохи арабского завоевания. Археологи период VI—VIII вв. назвали афригидским — по имени основателя правящей династии Африга, жестокого царя, который, как и предшествовавшие ему хорезмские цари, вел свой род от божественного Сиявуша.

Исследования археологов полностью подтвердили сведения древних авторов — замки в это время, самых разных размеров, вырастают, как грибы. Лучше всего это время изучено по памятникам Беркут-калинского оазиса, в правобережной части Хорезм. Называть его оазисом сейчас можно только условно. Лишь совсем недавно у пустыни был отвоеван еще один участок этого большого, некогда цветущего района. Здесь, на протяжении семнадцати километров, на разветвлениях магистрального канала, археологи насчитали несколько десятков развалин. Они отличались друг от друга размерами, некоторыми деталями конструкций и архитектуры, но все имели одно объединяющее их свойство: это были сравнительно небольшие, однако очень сильно укрепленные постройки.

Замками их назвали недаром. Мощные стены, часто обведенные рвом, и донжон — укрепленная жилая башня на высоком цоколе — даже сейчас, в развалинах, наводят отнюдь не на мирные размышления. А самые крупные отличались не только мощной обороной, стенами и башнями, широкими рвами и подъемными мостами, но и великолепными архитектурными украшениями.

В 1940 г. С. П. Толстовым был обнаружен Якке-Парсан — одно из самых интересных сооружений VI—VIII вв. В 1959 г. Е. Е. Неразик, исследователь афригидских древностей, начала его раскопки; с перерывами они продолжают до сих пор.

В центре огражденного стеной прямоугольника на пятнадцатиметровую высоту взметнулась грозная башня-донжон, в которой в два этажа разместились жилые помещения. Ее гофрированные полуколоннами стены в условиях южного солнца создавали чередованием глубоких теней и ярко освещенных участков великолепный световой эффект. Оборона стен была усилена башнями, две вытянутые овальные башни фланкировали вход. И, наконец, все это было окружено рвом таких размеров (ширина его первоначально превышала 20 м), что создавалось впечатление, будто замок стоит на острове посередине квадратного искусственного озера.

Раскопки донжона и хозяйственных помещений внутри стен показали, что замок существовал от V до VIII вв. и дали очень интересный материал для изучения хозяйства и культуры населения времени «десятков тысяч замков». Кроме керамики и костей животных, здесь нашли множество бытовых поделок из дерева и кости, обрывки самых разнообразных тканей и ковров, остатки обуви. Самой ценной находкой был обрывок документа на коже, написанного на древнехорезмийском языке незадолго до того, как вслед за

Афригидские замки отличались друг от друга планировкой, размерами. Однако все они были сильно укреплены.

Якке-Парсан — одна из самых интересных построек афригидского времени. Вид сверху.

арабским завоеванием в Хорезме и других государствах Средней Азии распространилась арабская письменность.

Почти все, с чем пришлось столкнуться археологам, показывало совершенно иную по сравнению с античностью картину. Исчезла великолепная красноангобированная керамика, ее место заняла грубая, сделанная в большинстве случаев без гончарного круга посуда. Это указывало на упадок ремесла. Изменился стандарт кирпича, он стал меньше по размерам и не квадратным, а прямоугольным по форме. Да и тот употреблялся мало: постройки возводили в основном из пахсы — сплошной глинобитной массы. Особый интерес вызвало отчетливо прослеженное археологами для V—VI вв. резкое сокращение орошаемых площадей.

На упадок ремесла, на общее огрубление культуры оседлых земледельческих народов Средней Азии сильно повлияли происходившие в это время массовые передвижения степных племен, живших на окраинах земледельческого мира, — сначала северо-восточных соседей Хорезма эфталитов («белых гуннов»), затем тюрков. Завоевав высококультурные, земледельческие районы

Средней Азии, эти племена создавали обширные, но непрочные государственные объединения, которые распадались после первых же серьезных потрясений. Однако ни высокое искусство, ни тысячелетняя культура не умирают совсем; значительно сокращается лишь круг людей, занятых в сфере художественного ремесла и искусства, да и сами они становятся лишь достоянием аристократов.

Было бы неправильным объяснять упадок культуры и ремесел лишь завоеваниями варваров. Это даже не главная причина. Совсем недавно, в последней своей книге, посвященной исследованиям в Хорезме, С. П. Толстов, сравнивая культуру Хорезма античного и средневекового, писал: «Создается впечатление, что это памятники разных народов. Если бы мы следовали традиции, характерной для буржуазной археологии, объясняющей все сколько-нибудь значительные изменения в культуре переселениями народов или заимствованиями, нам бы пришлось сделать такое заключение. Однако более глубокое исследование приводит к совершенно иным выводам. Перед нами не культура двух народов, а культура двух общественно-экономических формаций, культура одного народа на двух этапах его исторического развития».

Раскопки Якке-Парсана.

Раннее средневековье, афригидский период в Хорезме — время зарождения новых феодальных отношений в обществе и отмирания старых рабовладельческих.

Борьба между старым и новым была очень острой и сопровождалась раздробленностью, междоусобными войнами, ослаблением государственной власти. Именно этим, а не только сменой населения и завоеваниями объясняются перемены во всех областях жизни.

Земледельца уже не защищают ни община — стенами укрепленного поселения, ни государство — системой пограничных крепостей. Сельская родовая община распадалась — богатым стало не по пути с бедными. Государство ослабло. Общинник защищал себя сам, он строил среди своих полей усадьбу — замок: бедный общинник — маленький, богатый — грозный и пышный, укрепленный по последнему слову фортификации. Но бедный общинник был еще свободным, хотя замок свой строил он не только для защиты от внешних врагов, но и от своего богатого соседа. Последний ссужал его в неурожайный год зерном для посева, а если тот не отдавал его в срок, мог оставить его поля без воды; ведь его великолепный, сильно укрепленный замок стоял в головной части канала, и в любой момент этот канал мог быть перекрыт.

Аналогичная картина наблюдалась и в других районах Средней Азии. Появились многочисленные, враждовавшие между собой карликовые государства, состоявшие часто лишь из одного города с округой. Попытки закрепощения свободных общинников, которые становятся все более и более зависимыми экономически от богатых, вызывали их вооруженные движения против обитателей больших замков. Одно из таких движений, известное историкам под названием «мятеж Хурзада», происходило в Хорезме незадолго до арабского завоевания. Мятежники во главе с братом царя захватили власть в стране. Тогда царь обратился к иноземным завоевателям — арабам за помощью.

VII и VIII вв. — эпоха грандиозных арабских завоеваний на Востоке. Покорив Сирию, Палестину, Ирак и Иран — на востоке, Египет и часть Северной Африки — на западе, арабские военные отряды в конце VII в. оказались у Аму-Дарьи. Во многих местах Средней

Азии военные отряды и население оказывали арабам серьезный отпор, однако силы защитников были раздроблены, и арабы один за другим занимали крупные города Среднеазиатского междуречья. Причина их побед объяснялась не столько силой арабских армий, сколько слабостью, раздробленностью завоеванных ими стран.

Первые два похода арабов на Хорезм преследовали лишь грабительские цели. В 712 г. арабский военачальник Кутейба ибн Муслим, за помощью к которому против восставшего народа обратился царь Хорезма, привел свои войска в Хорезм и с жестокостью подавил народное восстание. Предводитель восставших Хурзада был взят в плен и вместе с четырьмя тысячами своих единомышленников казнен. Хорезм стал вассально зависимым от Арабского государства.

Арабское завоевание повлекло за собой уничтожение древней хорезмийской культуры и письменного языка. Жестоко преследовались жрецы — носители религиозных традиций, учености и письменности, сжигались написанные на хорезмийском языке книги. Отныне и на долгие годы официальным языком стал арабский, арабская письменность сменила хорезмийскую, а религия арабов — и с л а м — стала государственной религией в Хорезме и Средней Азии. Повсюду строились мечети, для мусульманских богослужений приспособлялись хорезмийские храмы — зороастрийские и христианские. Принимавшие мусульманство поощрялись освобождением от налогов на определенный срок. В то же время производился насильственный захват плодородных земель и домов и расселение на этих землях арабов.

Хорезм сумел быстро оправиться от последствий кризиса, междуусобных войн и нашествий. В VII—VIII вв. археологи отметили расширение площадей искусственного орошения в Хорезме. Неоднократно прерываемый бурными политическими событиями, феодальными войнами и набегами кочевников, этот процесс продолжается до XII—XIII вв., когда Хорезм — государство Великих Хорезмшахов стал самой сильной державой мусульманского Востока.

Заночевав в дороге, мы подъехали к Белеули рано утром. Ворота караван-сарая были открыты. В проеме стрельчатой арки величественного портала голубел кусочек неба. Большое озеро, диковинное на Устюрте, этой каменистой, безжизненной пустыне, начиналось рядом с постройкой. На подернутой легкой рябью поверхности его, недалеко от берега, плескалась большая стая уток. Солнце только что взошло, и длинные тени небольших птиц образовали на воде причудливую картину. Тишина не нарушалась ни криком погонщиков, ни ревом верблюдов. Не вились голубые дымки очагов.

Пятьсот лет прошло с того дня, когда караван-сарай Белеули принял последний раз утомленный длинным переходом караван.

Но даже сейчас, полуразрушенный, он выглядит очень внушительно. Высокий портал с рельефными изображениями львов на фасаде сохранился довольно хорошо. Он сложен из обтесанных и плотно пригнанных друг к другу больших каменных блоков. Огромные карьеры-каменоломни в полукилометре от караван-сарая показывают, где этот камень был взят. Правда, помещения, некогда гостеприимно встречавшие купцов и путешественников, теперь в развалинах. Большим прямоугольным каре они примыкают с обеих сторон к portalу, где был главный вход в караван-сарай. Большой двор внутри каре засыпан обломками камня и кирпича и зарос колючей травой.

Караван-сарай построен на возвышенном пустынном плато Устюрт, в нескольких сотнях километров от окраин Хорезма. Но археологи, посетившие развалины в 1946 г., сразу заметили здесь — в характере архитектуры и внешнего художественного оформления, в строительных приемах — руку искусных хорезмийских мастеров.

Если ехать по хорошо накатанной сейчас дороге на северо-запад от Белеули, то встретятся развалины еще одной небольшой постройки — Чурук; дальше будут Кос-Кудук, Учукан, Таскичу... На юго-восток — развалины Кос-Булак, Булак, Уч-Кудук. У многих из этих развалин еще сохранились колодцы — один, два, три и больше, со слегка солоноватой, но годной для питья во-

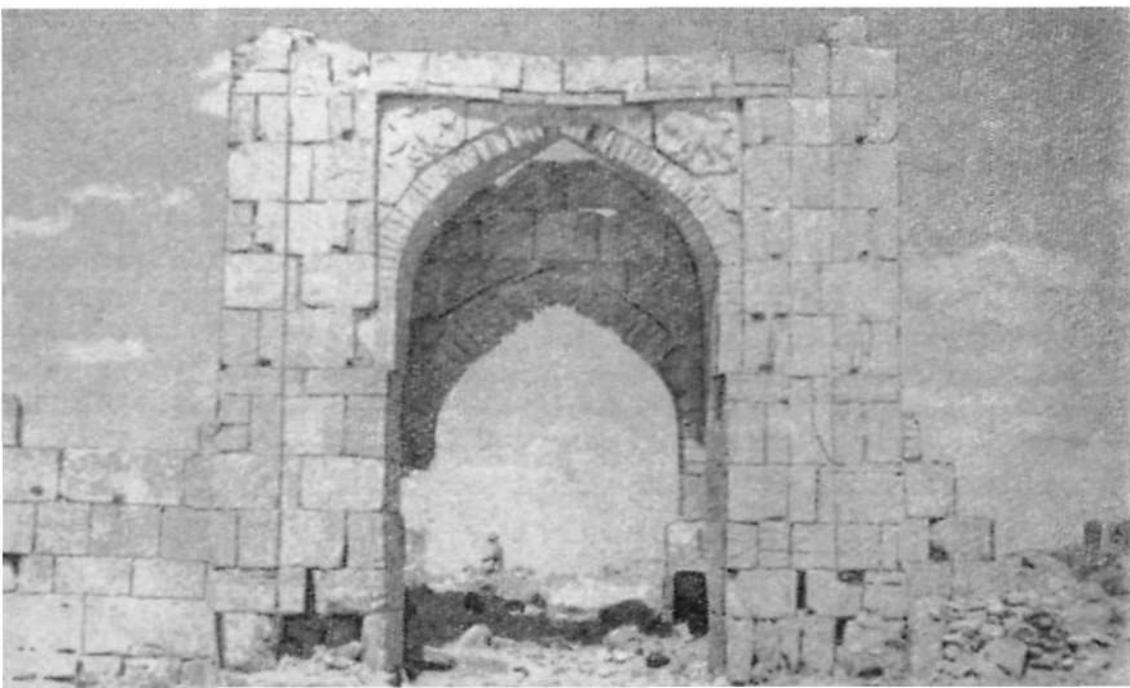
дой. Развалины эти не столь внушительны, как Белеули — обычно плоский глинистый холмик с мелкими обломками обожженного кирпича и керамики. Это тоже караван-сарай. Как показали разведочные раскопки, построены они в XI—XII вв.

Если двигаться на северо-запад вдоль цепочки караван-сараяев (а они расположены на расстоянии в 20—30 км друг от друга — дневной переход каравана), то можно попасть на Эмбу, Урал, затем в Нижнее Поволжье.

Если идти на юго-восток, то, спустившись с устюртского чинка-обрыва, отмеченного цепочкой хорезмийских сторожевых крепостей и сигнальных башен, дорога через много переходов приведет в Ургенч — столицу средневекового Хорезма.

Мрачное зрелище представляет сейчас это некогда великолепная столица хорезмшахов. На огромном пространстве затянута мягкой солончаковой коркой выступают разрушенные и сглаженные временем бугры построек и оборонительных сооружений. Все это покрыто россыпями обломков нарядной керамики: коричневатокрасной, белой, голубой, зеленой. Подчеркивая мрачную торжественность, высятся на мертвом городище несколь-

Пятьсот лет назад последний караван вошел в ворота Белеули.

Шестидесятиметровый минарет венчает картину городища.

ко монументальных построек — великолепные мавзолеи, шедевры средневековой архитектуры и декоративного искусства. Венчает картину огромный шестидесятиметровый минарет. Сравнительно недавно здесь стоял еще один минарет, но на рубеже XIX—XX вв. он рухнул или был разрушен преднамеренно, в связи с опасностью обвала. Сейчас ургенческий минарет имеет усеченноконическую форму, но некогда он был увенчан «фонарем» — небольшой башенкой с проемами — окнами.

Городище Ургенча в его теперешнем виде называется Куня-Ургенч — старый Ургенч. Рядом с ним находится небольшой городок Куня-Ургенч — районный центр Ташаузской области Туркменской ССР. Когда на месте городища впервые поселились люди — точно неизвест-

но. Историки считают, что первое упоминание об Ургенче имеется в китайских хрониках и относится к началу нашей эры. Более поздние источники, в том числе китайские и особенно арабские, уже довольно много говорят об Ургенче — политическом, культурном и, главным образом, торговом центре.

После арабского завоевания Хорезм входил в состав многих возникающих на обломках Арабского государства раннефеодальных государственных объединений. В X в. на территории Хорезма существовало два государства. Южной частью страны, столица которой находилась в городе Кят, правил хорезмшах. На севере, со столицей в Ургенче, власть осуществлял эмир, находившийся в номинальной зависимости от арабов. В 996 году произошло объединение Хорезма под властью ургенческого эмира, принявшего впоследствии титул хорезмшаха.

Очень пестрая и сложная политическая обстановка, вхождение Хорезма в состав различных государственных образований, военные походы, разрушенные города и селения мешали хозяйственному благополучию страны, но не могли на долгое время остановить ее развития. Письменные источники и особенно археологические памятники указывают на бурный рост городов в это время, на расцвет ремесел, архитектуры и строительного дела, науки и искусств. В XI в. в Ургенче при дворе хорезмшаха Мамуна существовала знаменитая «академия» — собрание выдающихся ученых Востока того времени во главе с Авиценной и Бируни.

Хорезм и, в частности, Ургенч сыграли выдающуюся роль в развитии караванной торговли, связавшей в средние века отдаленные друг от друга тысячами километров народы и страны.

Через районы Средней Азии проходили две главные торговые дороги. Одна из них шла с запада, из Передней Азии, на восток, в Монголию и Китай. Она проходила через Амуль (Чарджоу), Бухару и Самарканд. В Китай и Монголию торговые караваны отправлялись и прямо из Ургенча — через Кызылкумы, на Сыр-Дарью и далее на восток. Другой торговый путь связывал Иран и Среднюю Азию с Восточной Европой. Северным форпостом и одновременно крупным рынком и ремесленным центром этого пути как раз и являлся Ургенч.

Отсюда караваны уходили в далекие, пролежавшие по пустынным и безводным районам пути: на Сыр-Дарью, к Каспийскому морю и, главное, на северо-запад в страны булгар и хазар. Шедшие оттуда товары Хорезм, к немалой выгоде его купцов, получал первым.

Чем торговал Хорезм? Известно, что уже в IX и особенно в X в. среднеазиатская караванная торговля перестала специализироваться преимущественно на предметах роскоши. В списках товаров, получаемых с севера из Ургенча, уже встречаются и предметы первой необходимости, в том числе и продукты питания, и различное сырье для ремесленников. Вот какой перечень товаров, получаемых из Хорезма южными районами Средней Азии, дает арабский историк X в.: «...меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, зайцев и коз, свечи, стрелы, кора белого тополя, высокие шапки, рыбий клей, рыбы зубы, касторовое масло, амбра, выделанные лошадиные кожи, мед, лущенные орехи, соколы, панцири, березовая кора, славянские рабы, бараны и коровы». Автор списка указывает, что все эти товары хорезмийцы получают с севера от булгар, но что, кроме них, в Хорезме можно было купить и другие товары, например сушеные фрукты, сласти, полосатое сукно, ковры, парчу для подношений, покрывала из ткани, мульхам, замки, ткань арандж, луки, натянуть тетиву которых могут только сильные люди, рабхин (род сыра), сыворотку, рыбу, лодки. Очевидно, что во втором списке продукты местного, хорезмийского производства.

Обслуживание караванной торговли на такие дальние расстояния было делом непростым. Караванный путь на северо-запад через Устюрт мог считаться по тем временам весьма благоустроенным: через каждые 25—30 км караванщики и сопровождавшая их часто стража для защиты от кочевников могли найти воду и корм для верблюдов, и место для ночлега.

Другим, не менее хорошо оборудованным путем был путь на запад, к Каспийскому морю, откуда можно было попасть в районы юго-западной Туркмении и в Иран. Караванная тропа шла вдоль русла Узбоя, уже сухого в то время.

В начале XI, а может быть, и в X в. здесь также была организована система караван-сараев. Они были

однотипны по планировке — круглые в плане. В 1952 г. археологи под руководством сотрудника Хорезмской экспедиции О. А. Вишневской частично раскопали один из них — Талайхан-ату. Внешние стены караван-сарая, образующие правильный круг диаметром в 60 м, были сложены из огромных плит ракушечника. К квадратному внутреннему двору примыкали крытые террасы — айваны и жилые помещения.

Очень любопытной оказалась система водоснабжения. Дождевая вода собиралась на пониженной части окрестных такыров, а оттуда по водопроводному желобу подводилась в здание, где посередине внутреннего двора была построена из обожженного кирпича круглая, заглубленная в землю цистерна, вмещавшая 140 куб. м воды.

Интересно, что раскопщики нашли здесь и своего рода «регистрационную книгу» посетителей. На каменной стене входа в караван-сарай было множество

Дождевая вода с окрестных такыров по водопроводному желобу попадала в огромную цистерну, расположенную в центре караван-сарая Талайхан-ата.

надписей, относящихся к разным периодам его жизни. Самая ранняя из них гласит: «*Саид сын Юсуфа сына Мухаммеда, год четырехста семьдесят второй*». Четыреста семьдесят второй год Хиджры, мусульманского летоисчисления, соответствует 1079 г. н. э.

XII — начало XIII в. — этот период средневековой истории Хорезма можно без преувеличения назвать блестящим. Хорезмшахам вновь, правда опять на короткий срок, удалось не только получить независимость, но и создать завоевательными походами огромное государство, включавшее в себя не только многие из районов Средней Азии, но и часть Ирана.

Дальнейшая история Хорезма и Ургенча связана с двумя величайшими военными катастрофами. В начале XIII в. вся Средняя Азия была завоевана монголами Чингиз-хана. В 1221 г. монголы осадили Ургенч. Хорезмшах бежал из страны, войск в Ургенче оставалось мало, да и предводитель их в решающий момент предал осажденных. Сражалось с монголами все население города. Монголы ворвались в город, но жители его продолжали защищать каждый квартал. Осада длилась семь месяцев, и, только когда к монголам подошли свежие подкрепления, город был взят. «Когда вспомогательные войска прибыли к городу, — пишет средневековый историк, — то монголы начали делать непрерывные подступы и овладели одной стороной его. Тогда собрались жители города и сразились с ними по направлению того места, которым они овладели, но не могли вытеснить их оттуда. Они не переставали биться с ними, а монголы отнимали у них одно место за другим; всякий раз, когда последние завладевали новым местом, мусульмане бились в прилежащем к нему месте. Бились мужчины, женщины и дети, и не переставали биться, пока монголы не завладели всем городом, перебив всех находившихся в нем и ограбив все, что в нем было... Потом они открыли плотину, которой удерживалась вода Джейхуна¹... и место его строений заняла вода».

В 1952 г. большой отряд Хорезмской экспедиции начал раскопки на городище Куня-Ургенч. Они проводились в нескольких пунктах в той части городища, ко-

---

¹ Д ж е й х у н — арабское название Аму-Дарьи.

торая ныне называется Таш-кала — «каменный город». В одном из раскопов археологи расчистили нижнюю часть огромного десятиметрового в диаметре минарета. Наблюдения археологов показали, что минарет дважды отстраивался и дважды разрушался. Построен он был в 1011 г.; об этом гласит надпись на свинцовой дощечке, заложенной в кирпичную кладку. Дощечка эта была найдена на городище в 1890 году.

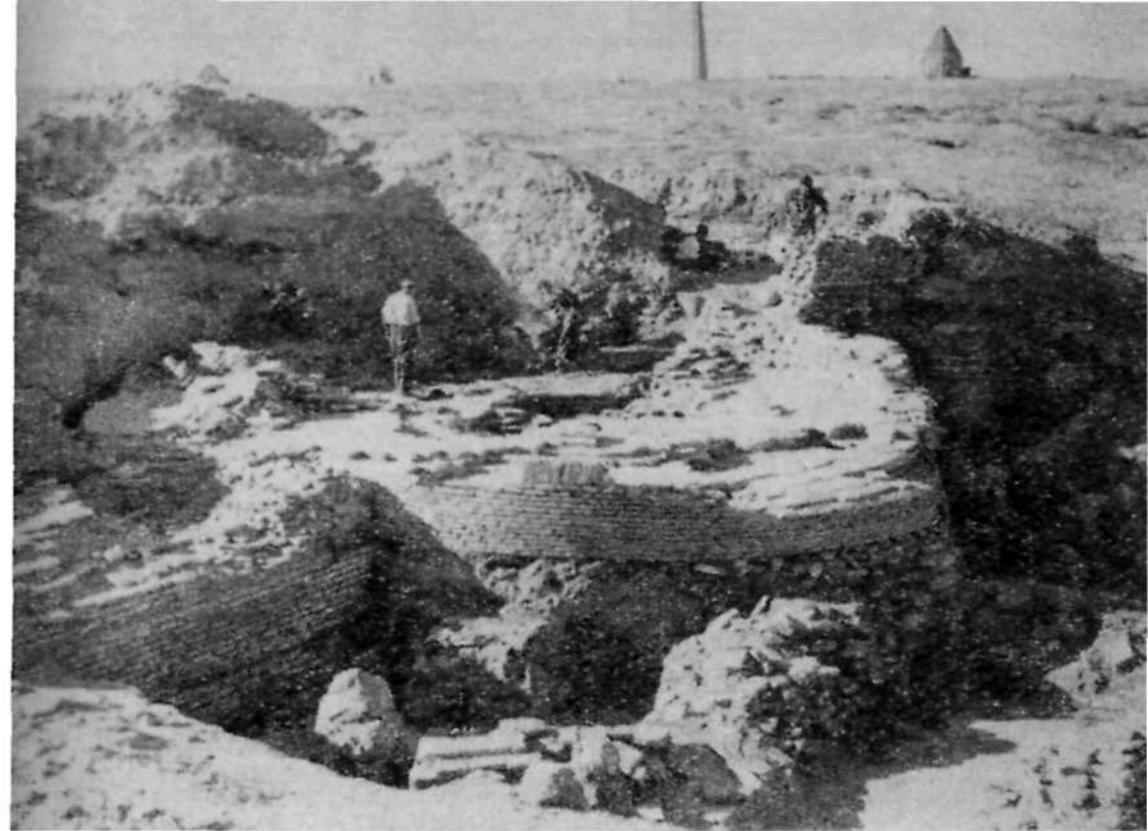
Минарет был разрушен при штурме города монголами в 1221 г. Интересно, что сведения арабских источников о кровопролитном штурме и мужестве защитников были дополнены археологическими свидетельствами. В районе минарета, в слоях XIII в., археологи нашли обломки сабель и человеческие кости и черепа. Несомненно, это следы одного из эпизодов мужественной обороны города.

Минарет был отстроен вторично лишь в XIV в. и просуществовал до конца XIX в., когда он пришел в ветхость и в целях безопасности был разрушен.

Историки считают, что рассказы о полном разрушении Ургенча преувеличены. Во всяком случае, вскоре после разгрома монголами город почти полностью был восстановлен. Хорезм, войдя в состав нового монгольского государства со столицей в Золотой Орде, потерял свое прежнее политическое значение, однако Ургенч по-прежнему оставался крупным торговым и ремесленным центром. Хорезмские мастера-строители, керамисты, оружейники, переселенные монголами из родных мест, работали в разных городах обширного монгольского государства.

Второй страшный разгром причинил Ургенчу Тимур, владетель Самарканда, образовавший в Средней Азии крупное и сильное государство. Он совершил пять походов на север, в Хорезм. В 1388 г. во время последнего похода был взят Ургенч. Современники сообщают, что воины Тимура в течение десяти дней грабили город, затем по приказанию Тимура он был до основания разрушен, а территория была распахана и засеяна ячменем. Жители Ургенча, в том числе великолепные ремесленники и художники, были переселены в Самарканд и другие города государства Тимура.

Правда, вскоре Тимур отдал приказ восстановить Ургенч, но застроена была лишь его небольшая часть,

На городище Куны-Ургенч археологи расчистили основание минарета, построенного в 1011 г.

как предполагают, именно та, которая сейчас называется Таш-калой. Застройку этого времени раскопали хорезмийцы-археологи на участке, который условно называли районом «ворот караван-сарая». Эти ворота — портал в виде двух мощных пилонов, увенчанных перекрывающей проезд между ними стрельчатой аркой, — единственное монументальное сооружение, сохранившееся на Таш-кале со времени разгрома города Тимуром. «Воротами караван-сарая» называли его местные жители. Этот замечательный памятник средневековой хорезмской архитектуры, сложенный из обожженного кирпича, наружные ряды которого образуют красивый геометрический узор с мозаикой из кирпичей с цветной поливой, на одну треть был погребен под слоем разрушений. Археологи расчистили и «ворота», и улицу, на которую это сооружение выходило фасадом. По находкам определили, что это был квартал ремесленников и торговцев. Были открыты дома пекарей, мастерская

кузнеца или литейщика, чайхана, баня. По обеим сторонам улицы были расположены навесы, под которыми работали ремесленники, здесь же сбывалась и готовая продукция.

Выяснить точно, частью какого сооружения были «ворота караван-сарая», археологам не удалось, однако они пришли к заключению, что местные жители, пожалуй, были правы. Во всяком случае, расположение «ворот» в торгово-ремесленном квартале и то, что фасадом они выходят прямо на улицу — базар, делает это предположение очень вероятным.

Монеты, найденные во многих раскопанных помещениях, показывают, что постройки квартала «караван-сарая» существовали до XVII в., то есть до того времени, когда, согласно письменным источникам, хивинский хан Абульгази переселил всех жителей Ургенча, небольшого захудалого городка, на новое место.

* * *

Многие считают, что археологи занимаются (и должны заниматься) только памятниками глубокой древности, такими периодами, для которых нет или недостаточно письменных источников. Эти люди будут, пожа-

Куня-Ургенч. Раскопки квартала ремесленников и торговцев в районе ворот «караван-сарая».

луй, удивлены, узнав, что археологи Хорезмской экспедиции вместе с этнографами работают на развалинах XIX в.

На левом берегу Аму-Дарьи, на обширных, пустынных теперь пространствах разбросаны многие десятки туркменских поселений, построенных и заброшенных в течение одного XIX в. Казалось бы, что здесь делать археологу; ведь сведения о них отчетливо сохранились в памяти стариков, отцы и деды которых строили дома и жили в этих поселениях.

Этнографы действительно собрали у стариков множество ценных сведений о быте туркмен, о местах и характере их расселения в прошлом. Но параллельно с ними на мертвых поселениях работали археологи и архитекторы. Планировка аулов, архитектура жилищ и культовых построек и в особенности ирригационная сеть и все связанные с ней сооружения — плотины, водохранилища — эти и многие другие вопросы интересовали археологов. И содружество их с этнографами — а в Хорезмской экспедиции оно всегда очень тесное, недаром она называется археолого-этнографической, — дало интересные и ценные результаты. Ученые смогли определить не только границы расселения туркмен в XIX в., но и места, где селились отдельные родо-племенные группы. Они выяснили историю заселения отдельных районов и причины их запустения и, главное, смогли рассказать о мужественной борьбе туркмен с хивинскими ханами за воду, означавшую в тех местах зелень полей, цветущие деревья, жизнь.

ПО РУСЛАМ ДРЕВНИХ РЕК И КАНАЛОВ

Глава пятая

КУДА ВПАДАЕТ АМУ-ДАРЬЯ

Далеко от равнин Хорезма, в горах Памира и Гиндукуша, на огромной высоте — 5 тыс. м — находятся истоки Аму-Дарьи. Собственно Аму-Дарьи там нет. Есть река Пяндж. И лишь после того как в реку Пяндж впадает река Вахш, Аму-Дарья получает свое имя. Там, в горах, река имеет много притоков, а выйдя на равнину — ни одного.

Аму-Дарья — самая крупная река Средней Азии и одна из самых буйных и непостоянных рек в мире. Есть у нее одна особенность, которая отличает реку (впрочем, так же как и другую великую среднеазиатскую реку — Сыр-Дарью) от большинства других рек.

На Аму-Дарье бывают два паводка. Один в апреле — мае, в период дождей и таяния низкогорных снегов, дру-

гой в июне — июле, когда реку питают мощные высокогорные ледники и снега.

Вода Аму-Дарьи шоколадного цвета. Река ежегодно выносит до 200 млн. т (0,2 куб км!) растворенного в ее воде ила. В аму-дарьинской воде содержится в два раза, а в начале летнего паводка даже в три раза больше ила, чем в водах Нила (отметим, кстати, что аму-дарьинский ил плодороднее нильского). Иногда за один только год река оставляет на окружающих равнинах слой осадков толщиной до 20 см. За сотни лет, как в русле и долине реки, так и вдоль нее накапливается такое количество осадков, что ложе реки проходит здесь не по самому низкому месту, как у «обычных» рек, а по гребню огромного, многокилометровой ширины вала. Получается, что вопреки всем законам река течет как бы по водоразделу. В этом-то и состоит особенность Аму-Дарьи. И если реку не удерживать постоянно в ее русле, то в один из паводков она может выскользнуть из него, скатиться в более низкое место и проложить там новое русло.

Веками боролось население, живущее на берегах Аму-Дарьи, с буйной рекой. Десятки тысяч людей, вооруженных одними лишь кетменями¹, возводили вдоль ее берегов многокилометровые валы. Десятки преданий и легенд связаны у жителей Хорезма с Аму-Дарьей. Интересно, что в торжественных массовых молениях, совершавшихся ранее в дни дворцовых празднеств в Хивинском ханстве, в молитвах неоднократно повторялись слова: *«Да будет Дарья многоводной, да течет она в собственном русле»*. И это не было простой традиционной фразой. Жители отлично знали, что после плохого паводка не будут нормально действовать каналы, пересохнет, растрескается земля. Недаром старинная пословица гласит: *«Не земля родит, а вода!»* Но не меньшими бедами грозило и изменение русла. Головные части каналов уже не касаются реки, вода не идет на поля. А там, куда ушло русло, — разрушенные арыки, смытые селения и сады.

Хорезмским узбекам хорошо знакомо слово «дегиш». Река, прижатая собственными осадками к одному из берегов, начинает быстро размывать его. Огромные куски берега, сложенного из рыхлых, отложенных той же рекой наносов, отрываются и обрушиваются в воду. Это и есть

---

¹ Кетмень — земледельческое орудие типа мотыги.

«дегиш». День за днем, месяц за месяцем продолжается разрушительная работа реки. Она не щадит ничего встретившегося на ее пути. На несколько километров в сторону уходит русло, а на прежнем его месте, на плодородной и сильно увлажненной земле буйно растут тугай, густые, похожие на джунгли кустарниковые заросли.

«Дегиш тушты» — дегиш начал действовать — эти слова раньше наводили на хорезмийцев ужас. В конце X в. Аму-Дарья полностью смыла столицу хорезмшахов город Кят. А в 1932 г. она вплотную подобралась к тогдашней столице Кара-Калпакской АССР городу Турткулю.

Турткуль — тогда он назывался Петро-Александровск — был основан в 1873 г. Уже через пятнадцать лет стало ясно, что место для города выбрано не совсем удачно, и власти были предупреждены об этом. Но царская администрация не обратила внимания на это предупреждение. Город продолжал расти. А река подступала все ближе. За одно десятилетие (1905—1915 гг.) в районе несколько ниже Турткуля она передвинула берега на шесть километров восточнее. А в начале тридцатых годов над Турткулем нависла непосредственная опасность. Работы по укреплению берегов могли бы быть успешными, если бы река не продолжала активное разрушение выше укрепленных участков. Возводить же дорогостоящие сооружения на очень большой линии было нерационально. Дешевле было построить новый город на новом месте.

Вот что рассказывает очевидец событий ташкентский археолог профессор Я. Г. Гулямов: «Бушующий поток воды подмыл крутой берег. В 3—4 м от берега образовалась трещина, которая расширялась с каждой минутой. Через несколько минут большой, охваченный трещиной участок берега с грохотом рушится в воду. Поверхность воды покрывается тучей пыли. В то же мгновение снова раздается грохот: в нескольких шагах в воду падает половина разрушенного дома. В бушующих волнах плывут бревна, камыш и другие остатки здания. В другом месте уходит под воду громадное дерево, затенявшее большую суфу¹ на берегу хауза, где обычно в знойный полдень

---

¹ Суфа — невысокая глинобитная вымостка, в большинстве случаев пристенная, застланная обычно ковром или войлоком. Служит для отдыха, чаепития и т. п.

В современной дельте Аму-Дарьи.

Аральское море.

отдыхали колхозники. Через час не остается ни хауза, ни суфы... Прошло 8 лет. Летом 1945 года автор настоящих строк стал свидетелем нового зрелища: пароходы и каюки¹ причаливали в середине базарной площади города; городского театра, почты и бывшего здания правительства теперь не существует. Южная половина Турткуля смыта, грохот над рекой продолжается. На береговой линии города день и ночь кипит работа по разбору строений».

Если сейчас приезжий высадится с парохода у пристани, то на автомашине он через полчаса попадает в город. По обеим сторонам прямых улиц густая тенистая зелень. Вокруг города большая хлопководческая округа. Это и есть новый Турткуль, районный центр Турткульского района Кара-Калпакской АССР.

Да и «дегиш» сейчас не так страшен. Капризный нрав реки за многие сотни лет хорошо изучен. И теперь десятки исследователей разных специальностей продолжают его изучение. Хорезмийцы вооружены в наше время не только кетменем; им на помощь пришла современная техника. Бульдозеры и скреперы, экскаваторы и самосвалы работают вдоль реки и на каналах. Реконструируются старые оросительные системы, строятся новые каналы и другие гидроиригационные сооружения. Конечно, и в наши дни случается, что коварный «дегиш» может причинить вред прибрежным колхозам — размыть поля и бахчи. Но относятся к «дегишу» уже спокойнее. И это старинное слово переделали на современный лад. «Река дегиширует», — говорят иногда сейчас.

А куда же все-таки впадает Аму-Дарья?

— В Аральское море, — ответите вы не задумываясь. Действительно, дельтовые протоки реки как будто щупальцами присосались к южной оконечности Аральского моря. Огромная дельта Аму-Дарьи, сильно увлажненная и заболоченная, с буйной тугайной и камышовой растительностью, гигантским треугольником врезана в желтую равнину пустыни.

Но вот известный греческий географ и историк Страбон пишет об Аму-Дарье, как о большой судоходной реке, по которой индийские товары возят до Гирканского моря (во времена Страбона так называлось Каспийское

---

¹ К а ю к — большая парусная лодка.

море). Так ведь это, скажете вы, было две тысячи лет назад. Да и можно ли полностью доверять греческому географу, который сам никогда Аму-Дарьи не видел? Это верно. Но ведь об этом писали и другие ученые. Хивинский хан-историк Абульгази, живший во второй половине XVII в., в своем известном историческом сочинении «Родословное древо тюрков» утверждал, что совсем недавно, в XVI в., Аму-Дарья впадала в Каспийское море, а по обоим берегам ее, до самого Каспия, «были пашни, виноградники и рощи». Только на изданной в 1720 году в Париже (всего около 250 лет назад!) карте Каспийского моря Аму-Дарья впервые не показана в числе впадающих в него рек. Даже буйная Аму-Дарья не смогла бы за такой короткий срок так резко изменить свое течение, сформировать новую обширнейшую дельту. Да и археологические памятники в современной дельте относятся к довольно раннему периоду: некоторые из них датируются IV—III вв. до н. э. А они, без сомнения, были связаны с живыми, полноводными протоками. В чем же дело? К вопросу о том, правы или не правы древние писатели, можно ли им полностью доверять, мы вернемся несколько ниже. А сейчас снова обратимся к пустыням и современной Аму-Дарье.

Если можно было бы одним взглядом охватить обширные пространства к западу и востоку от Аму-Дарьи в ее нижнем течении, то перед нами предстала бы чрезвычайно живописная картина «путешествий» (или, как говорят географы, миграций) реки. Мы увидели бы обрывки сухих русел, то широкие, то пробивающиеся узким каньоном через скалистые места, ветвящиеся пучки дельт. И все это за многие десятки и даже сотни километров от современного полноводного русла. Собственно говоря, вся огромная Каракумская пустыня (да и некоторая часть Кызылкумов) — это результат деятельности Аму-Дарьи. На огромных пространствах пустыни почти повсюду можно встретить следы древних течений: занесенные песком долины, береговые валы, котловины прирусловых озер. Как установили ученые, минералогический состав отложений, из которых состоят Каракумы, ничем не отличается от состава отложений современной Аму-Дарьи.

Геологи и географы, ученые многих других специальностей обследовали все староречья Аму-Дарьи. К востоку

Сарыкамышская котловина — некогда дно огромного озера.

от современной дельты двумя стоящими друг над другом веерами раскинулась Акча-Дарья. Эта ныне мертвая Аму-Дарьинская дельта начинается от города Турткуля и своими многочисленными протоками упирается на севере в небольшой горный хребет Султануиздаг. Наткнувшись на скалы, река не смогла пробить их. Но не отступила. Подходившие к Султан-Уиз-Дагу русла повернули к востоку и здесь, соединившись в один поток, пробили себе узкий путь на север. Семьдесят пять километров бежала вода по узкому руслу (этот отрезок дельты называется Акча-Дарьинским коридором), пока, вырвавшись на свободу, не разделилась снова на множество рукавов. Северо-восточные рукава смыкаются со староречьями Сыр-Дарьи, а северо-западные касаются современной дельты.

К западу от современной дельты реки находится огромная Сарыкамышинская впадина. Площадь ее около 12 тыс. кв. км, а максимальная глубина достигает 110 м. С востока к Сарыкамышу подходит густая сеть сухих протоков другой древней дельты Аму-Дарьи — Присарыкамышской.

Древний Узбой — мертвая река с солеными озерами в русле.

От южного залива Сарыкамышской впадины берет начало и через 550 км заканчивается у Каспийского моря, в районе Красноводска, сухое русло — Узбой. В большей части оно настолько хорошо сохранилось, настолько «свежо», что кажется, будто вчера по Узбою текла вода. Узбой — это уже вполне самостоятельная река, соединявшая два замкнутых водных бассейна — Сарыкамыш и Каспий. Известный советский географ Э. Мурзаев сравнивает его с Волховом и Свирью, реками-протоками между озерами. Русло Узбоя когда-то было сформировано водами Аму-Дарьи, заполнившими Сарыкамышскую котловину до такого уровня, что вода начала переливаться через низкий, южный ее край и устремилась сначала на юг, а затем на восток, к Каспийскому морю.

Уже очень давно заинтересовались ученые — географы, геологи, историки загадкой мертвых русел. Ни у кого из тех, кто их видел, не оставалось сомнений в том, что они когда-то были многоводными, если смогли, не затерявшись в песках, пересечь такие обширные пространства, пропилить скалы, заполнить большие водоемы. Но

мертвых русел много. Ясно было, что все они не могли существовать одновременно. Как ни многоводна Аму-Дарья (подсчитано, что в настоящее время она приносит в Аральское море ежегодно свыше 50 куб. км воды), но даже ее запасов не хватило бы на все известные русла. А сколько их, заполненных осадками и занесенных песками, скрыто Каракумами! Когда они были проложены, когда текли здесь реки и почему они исчезли навсегда, оставив на своем месте безводную песчаную пустыню?

Географы и геологи, давно и настойчиво изучающие историю древних русел, смогли ответить на многие из этих вопросов. Однако некоторые важные детали все еще оставались загадкой. Особенно это касалось заключительных этапов истории реки, когда на берегах ее многочисленных протоков поселился человек. Историки обратились к сочинениям древних авторов. Может быть, разъяснение можно найти в старинных географических описаниях, сообщениях о походах, заметках путешественников и купцов? Ведь Аму-Дарья часто упоминается на страницах сочинений подобного рода. Современное название реки сравнительно недавнего происхождения. В древних источниках Аму-Дарья выступает под несколькими названиями. Главные из них, это греческое — *Окс* и арабское — *Джейхун*.

Впервые об Аму-Дарье упоминает знаменитый греческий историк Геродот, живший в V в. до н. э. При описании походов персидского царя Кира он сообщает, что одним из своих рукавов Аму-Дарья впадает в Каспийское море. О впадении Аму-Дарьи в Каспий сообщают и другие писатели, в том числе и упоминавшийся уже нами Страбон. Однако многие из изучавших свидетельства древних авторов все время сталкивались с одним, странным на первый взгляд, обстоятельством. Чем дальше, тем больше накапливалось противоречий в сообщениях, утверждавших о впадении реки в Каспий и дававших уже некоторые конкретные сведения о ее нижнем течении. Страбон, например, указывал, что расстояние между устьями Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи равно 2400 стадиям, то есть примерно 420 км. А это соответствует расстоянию между современными устьями этих рек по восточному берегу Аральского моря. Несколько позднее, во II в. н. э., Птолемей приводит даже географические координаты этих устьев (опять-таки, по его

мнению, каспийских), и снова они по широте приблизительно совпадают с современными аральскими.

Сейчас причина таких противоречий ясна историкам. Дело в том, что во времена Геродота еще были живы и свежи в памяти сведения о впадающей в Каспий полноводной реке Узбое. Однако постепенно подкреплялось новыми данными и представление о действительном, аральском устье Аму-Дарьи. Борьба старых, традиционных представлений с новыми, более точными сведениями, полученными, по-видимому, от хорезмийских путешественников и мореплавателей, породила некоторые, довольно фантастические представления об Аму-Дарье, Аральском море и Каспии. Древние географы и сами понимали противоречивость известных им сведений. Надо было как-то объяснить их, согласовать между собой. И вот появилось представление о Каспийском море как об огромном, вытянутом не с севера на юг, как в действительности, а с востока на запад водном бассейне. Аральское море представлялось им большим восточным заливом Каспия.

Только в IV в. историк Аммиан Марцеллин четко пишет о впадении Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в Аральское море.

Однако старая традиция оказалась очень живучей. В средневековых источниках, в трудах географов и историков, написанных на арабском и персидском языках, вполне достоверные сведения о низовьях Аму-Дарьи, нередко с подробным описанием населенных пунктов вдоль нее и протоков, на которые она делилась, часто сочетаются с традиционными представлениями о ее каспийском устье.

Но свежая и точная информация побеждает. И только после монгольского завоевания Хорезма, когда были разрушены многие города и плотины и вода затопила часть страны, на страницах сочинений вновь появляются противоречивые, но упорные сведения о течении Аму-Дарьи на запад, к Каспию. Уже упоминавшийся нами хивинский хан Абульгази в своем сочинении утверждает, что только в 1573 г. Аму-Дарья полностью повернула в Аральское море.

В конце прошлого века известный русский историк-востоковед академик В. В. Бартольд собрал воедино все свидетельства древних авторов о низовьях Аму-Дарьи и проанализировал их. В 1902 г. в Ташкенте вышла его

книга «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века». Сравнив данные письменных источников, он пришел к выводу, что в период монгольского завоевания Аму-Дарья, как и теперь, текла в Аральское море. Но в период между XIII и XVI вв. произошел поворот вод реки в сторону Каспийского моря по руслу Узбоя. Однако другие исследователи на основании тех же самых данных пришли к несколько иным выводам, а некоторые, например голландский востоковед Де Гуге,— к прямо противоположным.

К этому времени наука располагала уже довольно обильными и интересными сведениями о низовьях Аму-Дарьи, поступивших от специально организованных экспедиций. Вопрос о древних руслах реки стал приобретать все больший практический интерес.

О первой из экспедиций, относящейся еще к началу XVIII в. и окончившейся трагически для ее участников, хочется рассказать несколько подробнее.

В 1713 г. в Петербург к царю Петру I был доставлен старшина одного из туркменских родов Ходжа Непес. Пробравшись с русскими купцами в Астрахань, Ходжа Непес заявил, что хочет сообщить важные сведения, но только самому русскому царю. Так туркменский старшина оказался в Петербурге. Здесь Ходжа Непес рассказал об Аму-Дарье, некогда впадавшей в Каспийское море, но потом якобы перегороженной хивинцами плотиной и отведенной в другую сторону. По словам туркмена, вдоль берегов Аму-Дарьи имелись богатейшие залежи золотосодержащего песка.

Петра I больше заинтересовало не золото, а возможность проложить водную торговую дорогу в Хиву и Бухару, а оттуда в Афганистан и Индию. Поэтому в 1715 г. в Петербурге была снаряжена экспедиция с заданием «до Индии водяной путь сыскать». Во главе экспедиции был поставлен Александр Бекович-Черкасский, кавказский князь, с детских лет воспитывавшийся в России, прошедший за границей «навигационные науки». В том же 1715 г. Бекович-Черкасский обследовал восточное побережье Каспийского моря. В докладе царю он утверждал, что ему удалось отыскать прежнее устье Аму-Дарьи в местности Актам, на берегу Красноводской бухты.

Первая экспедиция Бековича-Черкасского была важной в одном отношении — было впервые выяснено, что Аму-Дарья впадает не в Каспийское, а в Аральское море. В 1720 г. на основании съемок, проведенных по повелению Петра I рядом русских исследователей, в Петербурге была издана карта Каспийского моря. Петр, «во уважение географических сведений его о России», избранный членом Парижской Академии, доставил ей эту карту. А в 1723 г. на основании русской карты в Париже была издана уже упоминавшаяся нами карта, где впервые в истории западноевропейской науки Аму-Дарья не была показана в числе рек, впадающих в Каспий.

В 1716 году Бекович-Черкасский снова в Астрахани. Он активно готовится к новой экспедиции. В его бумагах инструкция Петра I: *«Ехать к хану Хивинскому послом, а путь иметь подле той реки и осмотреть прилежно течение оной реки, також и плотины, ежели возможно оную воду наки обратить в старый пас; к тому же, прочие устья запереть, которые идут в Аральское море и сколько к той работе потребно людей»*. Глубокой осенью 1716 г. после плавания вдоль восточного берега Каспия отряд Бековича-Черкасского достиг Красноводского залива и двинулся в глубь пустыни. Однако обследовать полностью Узбой ему по ряду причин не удалось. Оставив в Красноводской крепости большой гарнизон, он вернулся в Астрахань.

На следующее лето через Устюрт по направлению к Хиве двигался огромный, вышедший из Гурьева караван. Это было посольство Бековича-Черкасского к хивинскому хану. Посольство состояло из эскадрона драгун, двух рот пехоты, двух тысяч казаков, пятисот татар и нескольких пушек с прислугой и артиллерийскими офицерами. С посольством двигалось также двести астраханских купцов.

Путь был тяжелым. Люди страдали от жары и жажды. Воды не хватало. У каждого из встречающихся на пути редких колодцев приходилось каждый раз рыть еще несколько десятков колодцев, чтобы напоить людей, коней и верблюдов. От безводья и плохой воды верблюды и лошади падали. Однажды ночью исчезли все проводники-калмыки. Караван пришлось вести Ходже Непесу.

В середине августа отряд достиг приречных амударьинских озер. До Хивы было не более ста верст. Предупрежденный бежавшими калмыками, хивинский хан выслал против русского каравана двадцатичетырехтысячный конный отряд. Пришлось почти непрерывно отбивать ожесточенные атаки хивинцев. В Хиве при приближении русского отряда началась паника. Ждали осады города. Но у Бековича-Черкасского не было намерения завоевывать Хиву. Да и сил для этого было явно недостаточно. Тогда хан прислал к Бековичу парламентаров, которые заявили, что военные стычки произошли якобы оттого, что в Хиве не знали о мирных намерениях русских. Хан приглашал Бековича-Черкасского к себе, обещая принять его с почетом.

С охраной из пятисот человек Бекович вошел в Хиву. Туда же была заманена и остальная часть посольства, причем русские были расквартированы по городу отдельными небольшими группами. Ночью хивинцы напали на раздробленный русский отряд и перебили его. Недалеко от Хивы был настигнут и зарублен саблями и сам Бекович-Черкасский.

Случайно спасся Ходжа Непес и двое из казаков. Окончившиеся так трагически исследования Бековича-Черкасского представляли большой интерес. Для науки имели большое значение те первые достоверные сведения, которые он и его товарищи получили о восточном побережье Каспия, в частности о Красноводском заливе и Мангышлаке.

Особенно много для изучения старых русел Амударьи, в частности Узбоя, сделали русские географы и инженеры во второй половине XIX — начале XX в. Эти исследования в первую очередь были связаны с практическими интересами — расширением орошаемых земледельческих площадей, вопросами судоходства. Книга одного из основных исследователей Узбоя А. И. Глуховского так и называлась: «Пропуск вод реки Амударьи по старому ее руслу в Каспийское море и образование непрерывного водного пути от границ Афганистана по Амударье, Каспию, Волге и Мариинской системе до Петербурга и Балтийского моря».

Экспедиции приносили новый материал. Многие вопросы, ранее считавшиеся спорными, прояснялись окончательно. И вместе с тем возникали новые споры.

В многочисленных статьях горного инженера А. М. Коншина, много поработавшего в Каракумах, категорически отвергалось мнение о том, что Узбой когда-то был рекой. «Нет,— говорил Коншин,— это следы большого морского пролива, соединявшего некогда бассейн Арала и Сарыкамыша с Каспийским морем». К тому же мнению склонялся и виднейший русский геолог академик И. В. Мушкетов, который, правда, сам Узбоя не видел. Против взглядов Коншина решительно выступил тогда молодой еще исследователь, в будущем выдающийся геолог и географ В. А. Обручев. На третий год своей работы в Каракумах он попал на Узбой. Впоследствии он писал, что, судя по размерам русла, избыток амударьинской воды, вытекавшей из Сарыкамыша в Узбой, будучи «значительно меньше количества воды в Амударье, все же превосходил в несколько раз количество воды современного Мургаба».

Исследования, развернувшиеся в советское время, полностью подтвердили точку зрения В. А. Обручева. Особая роль принадлежит в этом неутомимому исследователю среднеазиатских пустынь и староречий Амударьи и Сыр-Дарьи географу Александре Семеновне Кесь.

Но одна из главных загадок Амударьи оставалась неразгаданной. Было неясно, когда же все-таки жили эти сухие ныне русла. Историки, изучавшие известия древних, как мы видели, не пришли к единому мнению: слишком противоречивы и запутаны были источники. Обращались к свидетельствам древних авторов ученые и других специальностей. Вот что пишет об этом с большим юмором известный советский географ, знаток Каракумов и Узбоя В. Н. Кунин: «Натуралисты, использовавшие те же самые исторические свидетельства, поступали всегда довольно определенно. Если эти свидетельства совпадали с их выводами, основанными на изучении показаний природы, они их принимали и ими усиливали свои доказательства. Если эти свидетельства шли вразрез с их толкованиями данных природы, они отвергали эти свидетельства как сомнительные и противоречивые».

Итак, исследователи Амударьи, изучив районы «путешествий» реки, остановились перед неразрешимой, казалось, проблемой. Данных географии и геологии явно не хватало для окончательного решения вопроса.

Изучение древних письменных источников в ряде случаев только запутывало дело. А как же можно было говорить об истории Аму-Дарьи, не зная хронологии всех ее «путешествий»?

Здесь мы откроем еще одну страницу в истории изучения реки, страницу, по мнению ученых, необычайно важную и интересную.

Глава шестая

ВЕЛИКИЙ ХОРЕЗМИЕЦ

Бируни перевернул страницу рукописи и задумался, глядя на чистый лист. К вечеру, когда слуга пригласит на скудный ужин — не очень-то жалуют в Газне непокорного звездочета, — и этот лист тоже покроется черными затейливыми значками арабского письма.

Вспоминается, что еще в Ургенче один из молодых учеников спросил, почему ученый пишет по-арабски, а не на родном хорезмийском языке. Они разговаривали тогда по-хорезмийски, а не по-персидски, как было принято при дворе хорезмшаха Мамуна. Он, Бируни, пытался объяснить юноше, почему арабский язык единственно пригоден для научных сочинений. Горько было говорить о родном языке, что он уже не способен выразить всю сложность научных понятий. Наука чувствует себя чужой на хорезмийском языке. А родной язык он помнит и любит. Принято говорить на нем с друзьями. Грустно, что за последние годы все реже и реже приходится говорить на нем. Здесь, в Газне, все должны говорить по-персидски. Так принято, так приказал Махмуд, султан, повелитель многих стран и народов. А персидский не мил Бируни. Персидский постепенно вытесняет хорезмийский и на родине. Это язык завоевателей. Да и для науки он не подходит. «Поношение по-арабски милее мне, чем похвала по-персидски», — подумал ученый. Интересно, правильно ли понял его тогда молодой человек. Да и остался ли он жив после нашествия Махмуда на Ургенч. Ведь султан увез в Газну только известных ученых.

Бируни очистил перо и продолжал писать: «Море перемещается на место суши, а суша на место моря.

Если это было до появления людей в мире, то об этом неизвестно людям, а если после, то не осталось в памяти, потому что события, происшедшие давно, стираются в памяти людей. Особенно изменения, происходящие постепенно; о них знают только избранные.

Такова Аравийская пустыня, которая когда-то была морем, а теперь засыпана так, что следы его обнаруживаются только при рытье колодцев и прудов...»

Ученый вспомнил о каменных плитках, полученных хорезмскими купцами от живущих в пустыне кочевников и привезенных в Ургенч. Многие дивились тогда диковинным изображениям, отпечатавшимся на камне. Не удалось узнать от купцов, в каком месте найдены были эти камни.

«Подобные этим камням, внутри которых плавники рыб, мы находим и в песчаной пустыне между Джурджаном и Хорезмом. Она была когда-то озером, потому что течение Джейхуна проходило через нее в Хазарское море, мимо города, называющегося Балхан. Об этом говорил Птолемей в книге «География...», а между нами и Птолемеем около 800 лет. Джейхун тогда пересекал эту местность, которая теперь является пустыней... орошал города и селения, бывшие там вплоть до Балхана...»

На улице послышался конский топот. Он нарушил тишину сада, спугнул рой теснившихся в голове мыслей. Всадники остановились у калитки. Бируни поднял голову от рукописи. Сквозь зелень деревьев было видно, как по дорожке, догнав и отстранив поспешившего было слугу, к беседке приближается высокий воин.

Слышно было, как на улице запирали двери домов, замолчали и скрылись игравшие в пыли ребяташки, голоса которых издали доносились обычно и сюда, в сад.

«Боятся. Даже здесь, на родине султана, народ не любит и боится Махмуда», — подумал ученый.

Воин остановился у беседки и поклонился Бируни. Это был не простой конник, а один из военачальников султанской гвардии. По одежде ученый сразу узнал в нем хорезмийца. «Раньше за мной присылали от везира кого-нибудь из придворных, скоро пришлют простого солдата». Но ему было приятно, что посланный оказался хорезмийцем.

Одежда война была запыленной. Не из дворца при- скакал. Наверное, из загородного военного лагеря. Султан любит проводить там свой досуг. Интересно, зачем он понадобился на этот раз Махмуду.

Воин, поклонившись еще раз, сказал по-персидски:

— Наш повелитель, да продлит аллах дни его, справляется о твоём здоровье, почтенный ходжа.

— Здоров ли султан?

— Слава аллаху, здоров. Повелитель хочет видеть тебя во дворце. Повелитель хочет знать, благоприветствует ли положение звезд его военным намерениям.

Бируни недовольно поморщился и опустил голову. Снова составлять гороскоп, в силу которого верят только невежды, воображающие себя учеными, да такие, как Махмуд. Но перед султанским посланцем, даже если он и хорезмиец, нельзя показывать раздражения. Не то опять угодишь в сырую и вонючую яму.

— Передай повелителю, что его верный слуга Абу-Райхан вечером будет во дворце и надеется осчастливить себя видом повелителя.

И неожиданно, по-хорезмийски, спросил:

— Твой отец откуда родом?

Гонец казался, не удивился вопросу. «Знает, наверное, меня», — подумал ученый.

— Из Даргана, достойный ходжа.

— Давно служишь в войсках повелителя?

— Шестой год.

Воин стоял спокойно, как будто и не собирался уходить. Тысячи таких служат сейчас Махмуду. Шесть лет назад, после разгрома хорезмшаха при Хазараспе, остатки хорезмского войска были включены в огромную разноплеменную армию султана Махмуда. Кого только не было в ней. Индусы, персы, таджики, тюрки, афганцы, представители других народностей Азии. И вот, хорезмийцы. И этот, рослый и мужественный, тоже был взят в плен при Хазараспе.

Бируни внимательно посмотрел на война. Одежда богатая, и оружие дорогое. Очевидно, доволен и не скупает по родине.

— Давно не получал вестей из Хорезма?

— Шесть лет.

По тому как воин произнес это — лицо его, строгое, даже, пожалуй, надменное, стало простым и добрым.

Бируни понял: и этот, так же как и он сам, тоскует по родным краям. Красивы горы в Газне, но милее хорезмийцу бескрайние просторы хорезмских степей.

— Повелитель собирается в поход?

Гонец замялся. Видимо, он знал о предстоящем походе, но официально войскам о нем объявлено еще не было.

— В войсках говорят о походе в Мультан, достойный ходжа. Слышал сегодня утром.

Снова в Индию. Как бы повелителю не пришло в голову опять тащить его с собой. Опять надолго оставить книги и инструменты, тащиться в султанском обозе, слышать рев слонов, видеть разграбленные селения и толпы плененных...

Бируни отпустил воина и снова склонился над рукописью. Топот лошадей всколыхнул тишину улицы и неожиданно стих за поворотом... Ученый писал и перед ним вставали картины Хорезма.

«Возникли препятствия,— писал Бируни,— из-за которых вода Джейхуна уклонилась к краям страны гузов. Ему встретилась гора, известная теперь под названием Фам-ал-Асад («Пасть льва»). Вода собралась и вышла из берегов, следы ударов волн сохранились высоко на скале. Наконец вода пробила эти расшатанные уже камни и прошла дальше, приблизительно на день пути. Затем она повернула направо... по руслу известному теперь под именем Ал-Фахми, и люди построили на берегах ее более 300 городов, развалины которых сохранились до сих пор...

И встретилось этому руслу то же, что встретилось первому: оно запрудилось и вода повернула налево, вплоть до земли печенегов, по руслу, известному теперь под названием реки Маздубаст в пустыне, которая между Хорезмом и Джурджаном. Она затопила много местностей на долгое время и разрушила их также: жители их переселились на побережье Хазарского моря... Потом вся вода потекла по направлению к Хорезму... и просочилась через разрывы скал ... в начале равнины Хорезма. Она пробила скалы, затопила местность и сделала ее озером. Из-за обилия воды и силы ее течения Джейхун был мутным от грязи, которую он нес. Разливаясь, он осаживал землю, которая была в нем; земля постепенно затвердевала... и делалась сухой, а озеро удалялось, пока не появился весь Хорезм. Озеро, удаляясь, дошло

до гор, вставших перед ним поперек; с ними оно не могло бороться и уклонилось по направлению к северу, до земли, в которой теперь живут туркмены. Между этим озером и тем, которое было у реки Маздубаст,— небольшое расстояние, а то озеро стало соленым и грязным и плыть по нему нельзя; называется оно по-тюркски Хыз-тенкизи, то есть «Девичье море».

Могуча река Джейхун. И особенно там, где по обоим берегам ее расположено государство Хорезм. Каждый год грозит она вырваться из своего и так уже просторного ложа. Повсюду в пустыне оставила река свои следы. О сухих реках писали древние по-гречески и по-арабски, рассказывали купцы и путешественники. Ему, Бируни, известны все эти сведения.

Боятся и почитают реку хорезмийцы. Ее водой орошают поля. А чуть не доглядишь — вырвется, смоем плотины, затопит поля, разрушит дома. Ученому живо представилась переправа через Джейхун, когда он бежал из Кята, взятого войсками ургенческого эмира. Тогда их было несколько беглецов: каждый по своим причинам не хотел встречи с войсками Мамуна. Были причины и у молодого Бируни. Слишком близко связал он свою судьбу с последним хорезмшахом афригидской династии. В последние годы жизни в Кяте он за свою высокую ученость получил доступ ко двору хорезмшаха и, главное, в богатую дворцовую библиотеку. Вместе со всем населением города он активно оборонял его. И был вынужден бежать в чужую страну, не закончив начатых в селе-нии Бушкафыр, южнее столицы, астрономических измерений.

Сначала Бируни скрывался. И переправляться пришлось далеко от Кята, на маленьких рыбацких каюках, рано утром. Сильный ветер поднял волну, вода перехлестывала через низкие борта лодок. К середине реки его одежда была уже насквозь мокрой. Сильный порыв ветра — и крутая волна налетела на лодки, когда они были уже недалеко от берега. Две лодки перевернулись. Бируни и лодочник сумели выбраться на берег, переправлявшиеся во второй лодке погибли.

Бируни потом жил в Джурджане и не был свидетелем того, как Джейхун подошел к Фиру, величественному замку последнего афригида, подмыл его, и толстые стены замка рухнули в воду.

Углубившись в воспоминания, Бируни не заметил, как начало темнеть. От домика донеслись запахи еды; слуга готовил пищу. Надо было одеваться в придворное платье и идти вместе с другими султанскими звездочетами обсуждать положение звезд.

* * *

«Поразительно, что выводы, которые были сделаны в результате естественнонаучных, а также проводившихся в последние годы археологических исследований аму-дарьинских русел, в основных чертах совпадают с утверждениями Ал-Бируни об изменениях русла Аму-Дарьи».

«Основные вехи истории Аму-Дарьи, воссозданной великим хорезмийским ученым 900 лет назад, совпадают в главных чертах с научными выводами современных исследователей — географов и геологов».

Первая из приведенных выше выдержек принадлежит С. П. Толстову; вторая — ему же и известному советскому географу А. С. Кесь. Это очень высокая оценка научного творчества Бируни, особенно если учитывать, что писал он 900 лет назад, а судят о нем с точки зрения современной науки.

Бируни — великий хорезмийский ученый — родился 4 сентября 973 г. в столице Хорезма городе Кят. Его полное мусульманское имя Абу-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. По мусульманскому обычаю оно состояло из собственного имени — в данном случае Абу-Райхан, отчества (ибн Ахмед — сын Ахмеда) и так называемой «куньи», прозвища по сыну (Мухаммед). Но обычно ученого называют короче — Абу-Райхан ал-Бируни или просто ал-Бируни, где ал-Бируни (так называемая «нисба») является прозвищем по месту рождения или жительства.

Так как о юных годах Бируни нам почти ничего не известно, то исследователи обратились к имени ученого. Дело в том, что по-персидски слово «беруни» или «бейруни» означает «пригород», «предместье» или, как их называли в средние века, «рабат». Таким образом, «нисба» является как бы литературным псевдонимом ученого и означает «человек из предместья». А рабаты в среднеазиатских городах были сосредоточением мел-

Бируни. *Скульптурный портрет работы Е. Ф. Мартыненко (1950 г.)*

кого ремесленного люда; богатые купцы и знатные люди жили в самом городе — шахристане. Да и сам Бируни в одном из стихотворений довольно прозрачно намекает на свое отнюдь не аристократическое происхождение:

«...Клянусь аллахом, не знаю я по правде своего родословия. Ведь я не знаю по-настоящему своего деда, да и как мне знать деда, раз я не знаю отца!»

Известно лишь, что по происхождению Бируни был хорезмиец и родным языком его был хорезмийский. Каким-то образом ему удалось получить хорошее образование. Кто были его учителя — неизвестно. Возможно, это были местные ученые, может быть, выходцы из других стран. И тех и других в Хорезме было в то время немало. Известно лишь, что в столице южного Хорезма жил в это время один ученый грек и Бируни часто приходил к нему, приносил разные цветы, плоды и семена и записывал их греческие названия.

Бируни жил в эпоху бурных политических событий. Судьба не была милостивой к ученому. Долгие годы ему

пришлось провести вдали от родины, в скитаниях и при дворе далекого от науки и ненавистного ученому правителя.

В 995 г. город Кят был осажден и взят войсками ургенчского эмира Мамуна ибн Мухаммеда, ранее владевшего лишь северной частью страны. Мамун объединил под своей властью весь Хорезм и принял титул хорезмшаха. Бируни вынужден был покинуть родину и нашел пристанище у владетеля Джурджана — области у юго-западного побережья Каспийского моря. Впоследствии он писал, что завоевание Хорезма и бегство помешали ему закончить важные геодезические вычисления. Эмир Джурджана покровительствовал Бируни, но последний ради научных занятий отказался от большого чина и богатства и вел скромную жизнь. В это время он был уже выдающимся ученым. Известно, что отсюда Бируни совершил короткое путешествие в Рей (в Иран).

На хорезмский престол вступил сын Мамуна — Мамун II. По приглашению хорезмшаха Бируни приехал в Ургенч, где был сделан политическим советником хорезмшаха и выполнял важные дипломатические поручения. Правление Мамуна II считается временем расцвета науки в Хорезме. При дворе хорезмшаха создается «академия», в которой помимо Бируни и других крупных ученых был и знаменитый бухарец, выдающийся естествоиспытатель, врач и философ Абу Али Хасан ибн Ахмед (Авиценна).

Но надвигалась новая гроза. Махмуд Газневи, некогда правитель маленького и небогатого города Газны (на территории современного Афганистана), стал повелителем огромного феодального государства. Он завоевал весь Афганистан, часть Ирана, а затем устремился на север и северо-запад.

В 1017 г. под ударами полчищ Махмуда Газневи пало хорезмское государство Мамуна. Бируни по повелению Махмуда был увезен в Газну. Снова началась жизнь, полная скитаний.

Махмуд Газневи не был похож ни на просвещенного, не чуждого науке правителя Джурджана, ни на покровителя ученых Мамуна II. Грубый и жестокий он, по примеру других правителей, хотел окружить себя учеными и поэтами. Но он терпел только тех, кто восхвалял его подвиги и оправдывал жестокость. Источники пере-

дают следующие, обращенные к Бируни слова Махмуда: «Если хочешь, чтобы при мне было счастье с тобой, то говори не по своей науке, а говори, что соответствует моему желанию». Но ученый не хотел говорить по желанию тирана, держал себя независимо и писал объективно. Поэтому Бируни находился под постоянным наблюдением и не имел свободы передвижения. По преданию, Махмуд даже приговорил ученого к смерти и несколько месяцев продержал в тюрьме. Бируни был вынужден сопровождать правителя в походах и иногда призывался к его двору в ненавистной ученому роли астролога. Но не только тяжелая жизнь и постоянные притеснения и издевательства со стороны Махмуда и придворных тяготили Бируни. Главное, не было условий для научной работы: не хватало инструментов, не было сколько-нибудь оборудованной лаборатории. Бируни в свою очередь глубоко ненавидел Махмуда, которого считал тираном. С особой глубиной эта ненависть проявилась в написанном им в Газне большом труде «Индия».

Умер Махмуд, и при сыне его Масуде Газневи положение Бируни улучшилось. Его научные труды были оценены, и он был приближен к султану. В 1034 г. он даже побывал на родине, но долго там не задержался. В родном Хорезме снова бушевали военные бури, и Бируни вынужден был вернуться в Газну. Здесь, на чужбине, он и умер 13 декабря 1048 г.¹

Современные ученые не без основания считают Бируни самым крупным ученым своего времени не только Востока, но и Запада. Более того, многие смелые научные идеи ученого не потеряли своего значения и сейчас, много веков спустя после его смерти.

Бируни был образованнейшим человеком. Полученное в юности образование он сумел расширить и дополнить в годы странствий. Ведь он побывал, кроме разных районов Хорезма, в Джурджане и Рее, в Газне и Индии. В Индии он прожил, по-видимому, несколько лет. Он глубоко изучил, если не все, то многие известные на Востоке и в древней Греции науки. В своих работах он ссылается на десятки книг на арабском и персидском языках, на санскритском языке Индии и на греческом. Он был хорошо знаком с сочинениями Фалеса и Пифаго-

---

¹ По другим данным Бируни умер в 1050 или 1051 г.

ра, Галена и Гиппократ, Евклида и Птолемея, Платона и Аристотеля. Мысли, высказанные им в каждой из наук (а занимался он геологией, минералогией, физикой, химией, ботаникой, историей, не говоря уже об астрономии и математике, в первую очередь интересовавших ученого), были настолько смелы и оригинальны, что в Индии, например, его считали волшебником. По тем временам это было, пожалуй, немалой похвалой. Долгое время его называли (да и сейчас еще называют на Западе) то «великим арабским ученым», то «выдающимся иранцем», ни слова не говоря о том, что он прежде всего хорезмиец, и не просто хорезмиец по рождению, а горячий патриот, что его научное творчество есть продолжение традиций древней хорезмской среднеазиатской науки.

Сам Бируни говорит о высоком уровне развития науки, в особенности астрономии, в доарабском Хорезме. Археологи и историки, работавшие в древнем Хорезме в последние десятилетия, пришли к выводу, что уровень ирригационных работ в античном Хорезме не был бы возможен без широкого развития математической науки. Строительство каналов требовало знания математики, геометрии, топографии. Без астрономии нельзя было установить календарь, цикл сельскохозяйственных работ. Высокое знание математики требовалось и при сооружении величественных храмов, дворцов и городов, а без знания химии и минералогии не было бы великолепных дворцовых росписей. Известно, что хорезмийцы, и в особенности хорезмийские купцы, имели особую склонность к дальним путешествиям. Отсюда развитие картографии, описательной географии и этнографии. А ведь путешествие по бескрайней пустыне подобно дальнему морскому плаванию: здесь без знания астрономии не обойтись. До арабского завоевания все эти знания в Хорезме были сосредоточены в руках жрецов, служителей храмов. Об одном из таких храмов мы уже рассказывали. Это знаменитая Кой-Крылганкала.

Захват Хорезма арабами в 712 г. сопровождался уничтожением хорезмийской науки и хорезмийских ученых. Источники говорят, что это уничтожение было преднамеренным, а историки уточняют, что оно объясняется политическими и религиозными мотивами.

Вот как пишет Бируни о событиях 712 г.: «И всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, что были среди них, так что покрылось все это мраком, и нет истинных знаний о том, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама». И далее: «После того, как Кутейба ибн Муслим ал-Бахили убил их ученых и священнослужителей и сжег их книги и письма, они забыли искусство письма и чтения и утратили много из знаний и наук, которые они сохраняли только на память».

Во времена Бируни хорезмийский язык уже перестал быть литературным языком. Официальным языком в государстве газневидов был персидский, а языком науки на всем Востоке — арабский. Поэтому почти все сочинения Бируни написаны на арабском языке, который он высоко ценил как единственно пригодный для науки.

За свою жизнь Бируни написал несколько десятков научных трудов, в том числе более 45 оригинальных работ, относящихся к астрономии. Многие из них до нас, по-видимому, не дошли, некоторые еще не разысканы. Ведь изучение творческого наследия Бируни по-настоящему только еще началось.

Первая сохранившаяся полностью работа Бируни называется «Памятники минувших поколений». Он закончил ее, находясь при дворе правителя Джурджана. В этой книге Бируни описывает летосчисления и все праздники греков, римлян, персов, согдийцев, хорезмийцев, арабов и других народов. Ученый провел исследование календарей и их исторических корней у многих народов Арабского халифата. Особая ценность этой работы Бируни еще и в том, что здесь дана широкая картина истории многих народов, их обычаев и нравов. Книга эта переведена недавно на русский язык. В Ленинграде, в Институте народов Азии АН СССР, оказалась рукопись «Памятников», значительно более древняя, чем все известные до сих пор рукописи (кроме одного списка, стамбульского, найденного позднее и современного нашему). Она относится к XIII в. и сохранила многие главы, отсутствующие в других рукописях. Недостающие места были взяты из других опубликованных рукописей.

Активная политическая деятельность Бируни при дворе ургенческого хорезмшаха Мамуна мешала, по-видимому, научной работе ученого. Однако исследователи предполагают, что в этот период им была написана другая, также недавно переведенная на русский язык работа «Книга собраний сведений для познания драгоценностей», или, как ее еще называют, «Минералогия».

Во время газнейского плена Бируни написал знаменитую «Индию» («Разъяснение принадлежащих индусам учений, приемлемых или отвергаемых») — большую работу, посвященную географии, этнографии и истории культуры Индии. В этот же период написаны и другие известные нам сочинения Бируни, в частности «Масуодовы таблицы по астрономии и звездам», «Большой ботанический трактат» и другие работы.

Книга, выдержку из которой мы приводили, была написана в 1025 г. в Газне. Полное ее название «Определение конечных границ мест для проверки расстояний населенных пунктов», но обычно это сочинение называют геодезическим трактатом Бируни. До нас дошел только один экземпляр рукописи, хранящийся сейчас в одной из стамбульских библиотек. Ученые считают, что это автограф, то есть экземпляр, написанный самим ученым. Как и все другие работы Бируни, он написан на арабском языке. Стамбульская рукопись геодезического трактата до сих пор полностью не опубликована и не переведена. На русском и западноевропейских языках имеются только отрывки из нее. Сейчас это произведение Бируни переводится полностью на русский язык.

Но вернемся к тому отрывку, который мы приводили в начале главы. Некоторые из географических названий, употреблявшихся во времена Бируни, вы уже знаете. Джейхун — это Аму-Дарья. Джурджания — область у юго-восточной оконечности Каспийского моря. Каспийское море у Бируни называется Хазарским; Балхан — горы в восточном Прикаспии, которые огибают русло Узбоя; Ал-Фахми — Акча-Дарья, старая восточная дельта Аму-Дарьи; Муздубаст — западная, Присарыкамышская дельта. Хыз-тенкизи («Девичье озеро») — это Сарыкамышская котловина, некогда глубоководное озеро. А что же такое Фам-ал-Асад («Пасть льва») и где она находится? На картах ее как будто нет. Но, нашлась и «Пасть льва». Исследователи установили, что она соответствует

теснине Дульдуй-Атлаган, через которую проходит сейчас река. Близ теснины и сейчас существуют развалины, которые называются Данишер. А по-персидски Дахан-и-шир — «Пасть льва».

Согласно теории Бируни, Аму-Дарья в древности текла сначала на запад и впадала в Каспийское море у Балханских гор. Затем река повернула на север, прошла через теснину «Пасть льва» и, отклонившись к востоку, потекла по руслу Ал-Фахми. Следующий поворот реки снова был на запад, в Сарыкамышскую впадину, которая скоро стала озером. И, наконец, на север, по современному руслу, в Аральское море. Интересно, что Бируни совсем не упоминает об Узбое. Очевидно, первоначальное, восточное течение реки он связывал не с сухим руслом Узбоя, а с более южными, каракумскими, плохо прослеживаемыми теперь руслами.

Такова история древних течений Аму-Дарьи в представлении хорезмийского ученого, жившего много веков назад. Кроме самой истории, важны и причины, которыми Бируни объясняет изменение течений реки. И здесь он вполне на уровне современных теорий. «Из-за обилия воды и силы его течения Джейхун был мутным от грязи, которую он нес,— пишет ученый.— Разливаясь, он осаживал землю, которая была в нем; земля постепенно затвердевала... и делалась сухой, а озеро удалялось, пока не появился весь Хорезм».

Оставалось выяснить еще одну, правда, очень существенную деталь: когда все это происходило. Академик В. В. Бартольд отнесся к возможности установить это очень пессимистически.

«Едва ли можно думать, что у древних хорезмийцев были какие-нибудь письменные памятники и что скудные известия греческих писателей когда-нибудь могут быть дополнены открытием местных надписей или других туземных источников». Это было написано в 1902 г.

Мы уже знаем, что письменность у хорезмийцев была, и очень богатая. К сожалению, в найденных уже документах никаких сведений об Аму-Дарье не содержится. Но заговорили развалины городов и поселений, древние стоянки, курганы и ирригационные сооружения, найденные во множестве вдоль древних русел. И здесь свое слово сказали археологи.

В СПОР ВСТУПАЮТ АРХЕОЛОГИ

Просматривая один из старых полевых дневников, я обнаружил на последней странице короткую запись, сделанную чужой рукой: «Можно ехать прямо до кака¹, он слева от дороги за красноватым пригорком; затем держитесь вдоль восточной и северной границ такыра до выходов красного песчаника, они выступают мысом и останутся от вас справа. Попадете на дорогу к горе Кугунек. Пересекаете Узбой два раза и далее — на Орта-кую».

Запись, сделанная, очевидно, кем-нибудь из геологов (в те годы на Узбое работало очень много экспедиций), знакомые названия вызвали в памяти интересные воспоминания.

...В конце апреля 1951 г. наш караван — пять машин: три грузовика и два ГАЗ-67 — был выгружен с парохода в Красноводском порту. Вскоре машины с большим отрядом Хорезмской экспедиции, киногруппой, запасами воды, продуктов, оборудованием ушли в пустыни.

Май в Каракумах мало похож на московский. Сперва было довольно прохладно или, во всяком случае, вполне терпимо. В Прибалханье нам часто встречались поляны и долины, усеянные яркими распустившимися цветами. Однако с каждым днем, с каждым десятком километров нашего движения на восток жара усиливалась. Однажды ртутный столбик термометра перевалил за сорок и пополз выше. Надолго еще останутся в памяти дни, когда в страшную жару, километр за километром наш караван штурмовал тяжелые песчаные гряды.

Каждому, кто ездил на автомобиле по среднеазиатским пескам, наверное, приходилось «шалманить». «Шалманы» — это толстые жерди примерно 3—4-метровой длины, которые подкладываются с обеих сторон под двойные скаты задних колес машины. Если скаты одинарные, как у грузовика ГАЗ-63, то «шалманами» служат толстые доски, способные, не сломавшись, выдержать вес машины.

---

¹ Как — искусственное углубление для сбора с такыров дождевых вод.

На глубоком песке помогают «шалманы».

Медленно, на первой скорости, ползет машина по глубокому песку. Все глубже зарываются колеса, натруженно ревет мотор, машина начинает буксовать и, наконец, останавливается. «Шалманщики» спрыгивают с подножек. Нужно руками разрыть вздыбившийся перед задними колесами песок и засунуть туда конец доски. Сделать это кое-как нельзя: при первых же движениях колеса неправильно поставленный «шалман» либо будет выброшен, либо ляжет косо и колесо снова зарыется в песок.

Набрав на досках небольшую скорость, машина по инерции идет еще несколько метров по песку и снова зарывается и тяжело оседает. «Шалманов» не видно, они глубоко вдавлены в горячий песок. И так десяток за десятком метров несколько километров в день. Над головой палящее солнце, снизу раскаленный песок, а тут еще подует ветер с юга, горячий, обжигающий кожу афганец. При такой погоде палатки ночью ни к чему, и вечером, усталые, мы ставим раскладушки прямо у машин. К утру ветер надувает у колес песчаные барханчики, песок толстым слоем покрывает спальные мешки. Конечно, такие тяжелые участки составляли лишь часть пути: машины шли по такырам и каменистой равнине, пробивали тонкую корочку солончака, добираясь до плотного грунта.

Задачей разведывательного отряда, работой которого руководил С. П. Толстов, было обследование сухого русла Узбой. Собственно этот маршрут не был первым. Еще в 1947 г. экспедиция обследовала древние ирригационные системы Присарыкамышской дельты и произвела авиаразведку с высадкой десантов в районе Узбоя. В 1950 г. археологи уже наземной разведкой прошли часть верхнего и среднего Узбоя. И вот, в 1951 г., транскаракумский маршрут от Каспийского моря до Аму-Дарьи.

Узбой, пожалуй, самое интересное из всех ныне сухих русел. Вы можете представить себе, например, Оку, Москва-реку или Клязьму. совсем без воды? Трудно, не правда ли? И если добавить к этому пустынные на сотни километров песчаные берега, уходящие вдаль высокими вздыбленными барханами, то можно получить приблизительное представление об Узбое. Не звенит вода, не шумят прибрежные камыши и кустарники. Даже шум машин не может нарушить тишины. Что-то сказочное, фантастическое чувствуется во всем этом. Кажется, что лишь по какому-то волшебству, на мгновение исчезла вода и вот-вот появится снова, и рассеется этот, вызванный жарой, навязчивый мираж. Ведь так свежи, так высоки берега реки, так просторно и глубоко русло. И водопад — вот он, трёхступенчатый, со свежими выбоинами в камне, куда, кажется, только что падала вода. А если и покажется вдали караван и пройдет, позванивая бубенчиками, мимо лагеря цепочка верблюдов — так ведь это тоже из восточной сказки, где полным-полно могущественных джинов, которым подвластна вся природа.

Слышатся знакомые голоса, но мираж не исчезает...

Около двух месяцев работал отряд на Узбое. Уменьшились запасы продуктов, но освободившихся ящиков едва хватало для пакетов с находками. Помнится, когда мы приехали на колодец Бала-Ишем, сотрудники гидрогеологической экспедиции передали нам коллекцию кремневых изделий.

— В основном из района Кугунека, — сказал Сергей Анатольевич Глаголев, начальник экспедиции, показывая на карте большие такыры, по окраинам которых были сделаны находки. Среди собранных экспедицией материалов уже были сотни подобных находок, но археологи

радовались каждой новой находке, подтверждавшей впечатления первых разведок.

Работы продолжались. Маленькие вездеходы, на которых передвигались разведывательные группы, тщательно «обнюхивали» каждый такыр.

Очередная остановка. На крыле машины расстилается карта, намечаются маршруты, и разведчики с брезентовыми мешками для находок, компасом, дневником и раскопчным ножом — на всякий случай — расходятся в разных направлениях.

Блестят такыры, отражая гладкой поверхностью солнечные лучи, в глазах рябит от мелкой разноцветной гальки. Но вот на кромке песка и такыра начинают встречаться небольшие правильно огранные кремневые пластинки, мелкие чешуйки отщепов. В некоторых местах их много, в других они встречаются реже, часто их совсем нет. Здесь же можно найти и отдельные обломки глиняных сосудов — сильно окатанные, с полустершимися поверхностями, а порой и бронзовый наконечник стрелы или каменную бусину.

От нескольких штук до многих сотен кремней, обработанных рукой человека и сгруппированных на ограниченной площади, находили археологи. Такие пункты вдоль Узбоя насчитывались многими десятками. Это были остатки стоянок первобытного, неолитического человека, таких же, как раскопанная на правом берегу Аму-Дарьи кельтеминарская стоянка Джанбас 4, только полностью разрушенных временем.

Берега Узбоя были так густо заселены в эпоху неолита, в IV и III тысячелетиях до н. э., что не оставалось никаких сомнений в том, что в это время Узбой был текущей рекой. Только вдоль полноводной реки могли жить постоянно многочисленные коллективы людей эпохи неолита — рыболовов и охотников. Русло Узбоя к этому времени было уже давно сформировано, и, более того, забегая несколько вперед, скажем — уровень Саракамышского озера, питавшего его водой, даже несколько понизился. Древнее население уже не боялось затоплений и селилось у самой воды, на самой низкой террасе.

В дальнейшем, как показали археологические находки, происходит постепенное «усыхание» Узбоя, до полного прекращения течения в начале I тысячелетия до н. э.

Почему так считают археологи? Находки последующего периода, эпохи бронзы, были обнаружены на Узбое. Это того же типа керамика, что и на известных уже нам стоянках тазабагъябской культуры правобережного Хорезма. Относится она к середине — второй половине II тысячелетия до н. э. Но по количеству эти находки не идут ни в какое сравнение с неолитическими: встречаются они значительно реже и их во много раз меньше.

К еще более позднему времени — первой половине I тысячелетия до н. э. относятся редкие, маленькие, бедные материалом стоянки кочевников. На них находят грубую лепную керамику, изредка бронзовые наконечники стрел, каменные зернотерки. Судя по всему, течения по Узбою уже не было, лишь кое-где, вероятно, сохранялись русловые озера и родники, на которых и базировалось редкое население.

Памятников античного времени, подобных тем, что мы знаем в Хорезме, на Узбое нет. Даже обломки хорошей, сделанной на круге керамики, встречаются очень редко. Караванного пути вдоль русла в это время еще не существовало. Правда, река, возможно, ожила на очень короткий срок на рубеже IV и V вв. Но о том, почему это произошло и каким образом было установлено, мы расскажем ниже. А сейчас перенесемся мысленно в более восточные районы.

Узбой, хотя и может претендовать на звание самостоятельной реки, в конечном итоге полностью зависит от аму-дарьинских вод. Посредником был Сарыкамыш. Итак, Сарыкамыш и Сарыкамышская дельта Аму-Дарьи.

Сарыкамышская впадина — одна из крупнейших в Средней Азии. Не каждое из современных, даже самых крупных озер может похвастаться такими размерами и глубиной.

С востока к Сарыкамышу подходит ветвистый букет многочисленных русел древней Присарыкамышской дельты. Сейчас на карте дельты можно найти не только древние городища, но и современные населенные пункты: поселки колхозов и даже довольно крупные города. Дело в том, что вся ее восточная часть занята сейчас орошаемыми Аму-Дарьей землями.

Географы начали изучение Присарыкамышской дельты еще в первой половине XIX в. В советское время детальными исследованиями была установлена история

формирования основных ее русел. В 1939 г. во главе с С. П. Толстовым здесь начали работу археологи.

На первый взгляд Присарыкамышская дельта кажется очень запутанной, но на самом деле она образована лишь двумя основными руслами: северным, под названием Дарьялык (или Куня-Дарья), и южным — Дауданом. Подходя к Сарыкамышу, они разветвляются на множество протоков и рукавов и на разных уровнях заканчиваются в котловине.

Присарыкамышская дельта, Сарыкамыш, Узбой — все три эти водных бассейна были связаны воедино. Существовал обводненный Узбой в неолитическое время, — значит, было переполнено водой Сарыкамышское озеро, значит Присарыкамышская дельта (по крайней мере ее часть) была полноводной. Действительно, по окраинам дельты, там, где каракумские пески вплотную подступали к «землям древнего орошения», археологи нашли неолитические кельтеминарские стоянки и среди них крупнейшую в левобережном Хорезме — Гяур I. Внутри дельты, по берегам дельтовых протоков неолитических материалов не найдено, однако это еще не означает, что люди в то время там не жили. Остатки стоянок эпохи неолита и бронзы могли быть погребены здесь под слоями позднейших речных отложений или уничтожены в результате интенсивных ирригационных работ античного и более позднего времени.

История Присарыкамышской дельты оказалась во много раз сложнее и запутаннее истории Узбоя. Когда в эпоху бронзы Узбой стал пересыхать, это еще не означало усыхания Сарыкамыша и прилегающей к нему дельты. Ведь Узбой — это избыточная, переливающаяся через край вода Сарыкамыша. Не стало этого избытка — Узбой прекратил течение и высох. Но в Сарыкамыше вода сохранялась очень долго. Менялся его уровень в зависимости от количества приносимой Аму-Дарьей воды.

На территории Присарыкамышской дельты, как и в правобережном Хорезме, известно множество разновременных памятников — больших крепостей с мощной обороной и открытых поселений, древних каналов и остатков полей. Они главным образом и рассказали ее историю. Археологи установили, что в архаический и кангюйский периоды вода для постепенно расширяющейся оросительной сети бралась из обводненных тогда протоков

Развалины крепости Игды-кала на Узбое.

Даудана, причем в кангюйское время — в период Кой-Крылган-калы — для нужд орошаемого земледелия в Присарыкамышской дельте требовалось такое количество воды, что во многих руслах она уже не доходит до Сарыкамыша.

В кушанский период — время Топрак-калы — большинство протоков Даудана уже были сухими, а оросительные магистральные каналы удлинились и своими истоками достигли основного русла Аму-Дарьи.

Последующие события снова приводят нас на Узбой. Уже ушла в далекое прошлое многоводная река времен неолитических рыболовов и охотников. Даже многочисленные пресные русловые озера, на берегах которых селились кочевники, в большинстве своем пересохли. Поэтому позднеантичная крепость, открытая в 1954 г. на берегу Узбоя, в районе колодцев Верхние Игды, по меньшей мере удивила археологов. Крепость — ее назвали Игды-кала — была в 1956 г. подвергнута рекогносцировочным раскопкам и датирована концом IV—V вв. н. э.

«Ключ» к этой загадочной крепости был найден С. П. Толстовым в социально-экономической и политической обстановке в Хорезме того времени.

Вспомните о глубоком кризисе, отразившемся почти на всех сторонах хозяйственной, культурной и политической жизни страны в конце античной эпохи. Причины, вызвавшие появление «десятков тысяч замков» и варварские завоевания эфталитов и тюрков, привели к разрушению многих из ирригационных систем античного времени. Резко сократился забор воды из Аму-Дарьи, были разрушены многие из плотин, дамб и других гидроиригационных сооружений. Воды Аму-Дарьи, уже не контролируемые человеком, хлынули по протокам Присарыкамышской дельты и подняли уровень Сарыкамышя. Возможно, в это время произошел новый сброс избыточных вод Сарыкамышского озера в русло Узбоя.

О дальнейших событиях рассказала сама крепость. Русло Узбоя в этом районе пререзает плотные коренные породы и образует каньон с высокими (до 30 м) обрывистыми берегами. Крепость, построенная на одном из мысов крутого берега, прекрасно контролировала русло. Это позволило предположить, что в описываемое время по Узбою существовал, правда, очень недолго, водный путь из Хорезма в Хорасан — районы Южной Туркмении. О полной реальности подобного предположения рассказывают и последующие события в Присарыкамышской дельте и на Сарыкамыше. Проведенные во главе с С. П. Толстовым археологические исследования показали, что каждый раз, когда в результате крупных политических и военных потрясений происходит разрушение гидроиригационных сооружений и сокращение орошаемых площадей, воды Аму-Дарьи, вырываясь из-под контроля, вновь затопляют старые, уже осушенные русла.

Начало XIII в. Монгольское нашествие, разрушение плотин и дамб. Вода в Аму-Дарье поднимается и, не сдерживаемая защитными дамбами, скатывается на запад по руслам Присарыкамышской дельты. В период после монгольского завоевания уровень Сарыкамышя заметно поднимается.

Конец XIV в. Опустошительные походы Тимура. Снова период разрушений, снова обводнение почти всей Присарыкамышской дельты, затопление Сарыкамышя и образование обширного озера.

Сарыкамышская котловина дает наиболее наглядную картину колебаний уровня воды в озере в различные пе-

риоды: на склонах ее, на разных уровнях, во многих местах хорошо сохранились следы древних береговых линий. Вопрос заключается в определении времени, к которому относится каждая из них. Долгое время решением этого вопроса занимались геологи и географы, в последнее время к ним присоединились археологи.

Было установлено, что в верхнечетвертичное время вода в озере поднялась до наивысшей отметки (58 м над уровнем океана) и, перелившись через край, потекла на юг, а потом на запад, формируя русло Узбоя. Геологи и географы утверждают, что это было уже второе по счету затопление Сарыкамыша; первое относилось к еще более отдаленному прошлому. Постоянное течение по Узбою продолжалось, как мы уже знаем, до конца неолитической эпохи. Это, а также история и хронология последующих обводнений Сарыкамышской котловины установлены в основном по результатам археологических исследований. Археологи, изучавшие Сарыкамыш и его берега, обнаружили здесь множество памятников древней культуры.

Как и на Узбое, по берегам Сарыкамышского озера жили люди эпохи неолита. Остатки их стоянок были найдены на южных его заливах. Очень редко, единично встречались находки бронзовой эпохи.

Мы не будем рассказывать подробно интересную и сложную историю «взлетов и падений» Сарыкамышского озера, отчасти уже известную по рассказам об Узбое и Присарыкамышской дельте. Остановимся лишь на одном эпизоде, особенно наглядно показывающем методику, при помощи которой проводятся комплексные археолого-географические исследования древних русел.

Крепость Зенги-Баба — самый ранний из средневековых памятников Сарыкамыша. Она расположена в юго-восточной части озера. Это довольно мощное сооружение, сложенное из обтесанных снаружи известняковых плит, прямоугольное в плане, размером 40×35 м. По особенностям строительной техники и по керамике время постройки Зенги-Баба можно отнести к XII — началу XIII в. С. П. Толстов предполагает, что сооружение это входило в большую систему пограничных оборонительных крепостей, построенных во времена хорезмшахов.

Развалины крепости были осмотрены археологами в 1952 г., а на следующий год здесь были проведены раз-

ведочные раскопки. Особенно интересными оказались результаты расчистки одного из внутренних помещений. Вот как выглядели пройденные археологами слои и прослойки, заполнявшие это помещение. Внизу — поверхность озерной террасы. Здесь было много окатанной, принесенной водой гальки. На этой поверхности строили крепость. Выше был глиняный пол раскопанного помещения, а над ним шли хорошо знакомые, часто встречающиеся археологам слои запустения — песок с прослойками растительных остатков, завал из упавшей со стен штукатурки. Крепость, разрушенная, как предполагает С. П. Толстов, в XIII в., во время монгольского нашествия, долгое время была в запустении. В заброшенных помещениях гулял ветер, принося песок и постепенно разрушая стены.

Однако на слое запустения оказался еще один новый пол, на этот раз уже с керамикой XIII—XIV вв. Очевидно, в это время крепость была восстановлена, и в ее помещениях вновь стали жить люди. Но жизнь, как красноречиво рассказывает вышележащий слой, продолжалась недолго. Прямо на полу, без какой-либо промежуточной прослойки, лежал слой крупной плоской гальки из местных пород известняка и мергеля, перемешанной с песком и створками пресноводных моллюсков. Выше — еще один слой гальки, на этот раз более мелкой, но с огромным количеством раковин. И, наконец, тонкий слой песка.

Как попала сюда галька и створки раковин?

У А. С. Кесь их происхождение не вызывало никаких сомнений: гальку и раковины принесла и положила в помещения крепости вода. Следовательно, крепость была затоплена. Когда? На этот вопрос не трудно было ответить археологам. Керамика, найденная на втором, верхнем полу, датировалась XIII—XIV вв. Никаких промежуточных слоев между полом и слоем затопления не было. Крепость Зенги-Баба была затоплена в это время, скорее всего, в конце XIV — начале XV в.

Отметка, на которой стоит крепость, на 51 м выше уровня океана. Следовательно, уровень воды в Сарыкамыше поднялся по крайней мере до этой отметки, а возможно и выше. Учитывая ряд других данных, исследователи пришли к выводу, что уровень озера в этот период поднимался до отметки 52—53 м. А этого было достаточ-

но для того, чтобы часть сарыкамышской воды вновь пошла по Узбою. На вопрос «почему?» можно было ответить, вспомнив события конца XIV в. Пять походов Тимура, и особенно последний из них, 1388 г., самый разрушительный — вот причина того, почему вновь наполнился Сарыкамыш.

Интересно и то обстоятельство, что, каким бы коротким ни был этот новый сброс воды по Узбою, люди его запомнили и долго хранили в памяти. Именно к этому событию восходят долго смущавшие историков сообщения средневековых авторов о Джейхуне, впадающем в Хазарское море, и о водном пути из Хорезма в Каспий. Снова возродилась уже совсем почти забытая античная легенда об Узбое.

Множество новых открытий и интересных наблюдений было сделано и при совместных комплексных археолого-географических исследованиях восточной, Акча-Дарьинской древней дельты, казалось бы, уже достаточно хорошо изученной. Здесь в 1937 г. начали и до сих пор продолжают работать археологи-хорезмийцы, здесь, в южной части дельты, расположены Джанбас 4 и Кой-Крылган-кала, Топрак-кала и замки мертвого Беркут-калинского оазиса.

Мы уже говорили, что Акча-Дарьинская дельта началась из района города Турткуля и многими рукавами упиралась в Султан-Уиз-даг. Воды Аму-Дарьи не могли преодолеть это препятствие; они обошли его с востока и, пропилив длинный и узкий коридор, снова образовали веер протоков. Первую часть обычно называют Южной Акча-Дарьинской дельтой, вторую — Северной. Северная дельта до последнего времени оставалась археологически мало изученной. В 1954—1956 гг. археологи совместно с географами провели здесь несколько авиа- и наземных разведывательных маршрутов. Археологические памятники, найденные во время этих разведок, позволили во многом уточнить и расширить представления о материальной культуре и хозяйстве племен эпохи неолита, бронзового века и более позднего времени. Именно здесь, в северной Акча-Дарьинской дельте, была открыта большая группа стоянок начала II тысячелетия до н. э. и выделен впервые ранний этап (археологи назвали его камышлинским) суярганской культуры бронзового века.

Исследования археологических памятников Акча-Дарьинской дельты, южной и северной частей: городов, крепостей и поселений, первобытных стоянок и памятников древней ирригации — позволили археологам уточнить многие детали ее истории, характер обводнений дельты в целом и отдельных частей в различные периоды.

Совсем недавно, в 1960 году в издательстве Академии наук вышла книга с довольно длинным названием: «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения». На титульном листе названия двух учреждений Академии наук СССР, подготовивших к печати эту книгу: Институт этнографии им. Миклухо-Маклая и Институт географии. В основе — десятки авиа- и наземных маршрутов, сотни образцов, десятки и сотни тысяч глиняных черепков, изделий из камня и металла — зашифрованных, склеенных, датированных. И, конечно, десятки и сотни книг и статей, написанных предшественниками, начиная от Геродота и Бируни и кончая участниками последних экспедиций.

Вот как представляется в свете многолетних исследований история блужданий Аму-Дарьи.

Сначала река, выходя из гор, текла на запад и впадала в Каспийское море. Это происходило задолго до появления на ее берегах поселений человека. Накопив на огромных пространствах мешавшую дальнейшему течению толщу осадков — современные Каракумы, — река прорвалась на север и образовала на месте Хорезмской впадины огромное озеро. После того как эта впадина также была в значительной степени заполнена осадками, воды Аму-Дарьи пошли на северо-восток. В это время и сформировалась Акча-Дарьинская дельта (русло Фахми у Бируни).

Через некоторое время большую часть русел Акча-Дарьинской дельты постигла та же участь: они были заполнены осадками и скопившаяся из-за этого вода, прорвав перемычку между Хорезмской впадиной и Сарыкамышской котловиной, затопила Сарыкамыш, а затем, наполнив его до отметки 58 м над уровнем моря, снова потекла к Каспию и образовала русло Узбой. В это время была сформирована Присарыкамышская дельта — русло Вади-Маздубаст у Бируни.

В неолитическое время, когда человек заселял ни-

зовья Аму-Дарьи, обе дельты, и Акча-Дарьинская и Присарыкамышская, еще были «живыми», существовало течение и по Узбою. Поэтому рыболовы и охотники эпохи неолита заселили и берега Узбоя, и окраины Присарыкамышской дельты, и Южную Акча-Дарьинскую дельту.

Позднее, в бронзовом веке, когда протоки Присарыкамышской дельты также были заполнены осадками, уровень Сарыкамыша понизился и течение по Узбою прекратилось, аму-дарьинские воды снова заполнили рукава Акча-Дарьинской дельты. Именно поэтому здесь так много стоянок бронзового века (вспомните, как густо заселяли дельту суярганцы и тазабагьябцы) и так мало их на Узбое и Сарыкамыше.

К рубежу II и I тысячелетий до н. э. относится начало формирования третьей дельты — Приаральской, современной. К этому времени обе старые дельты, благодаря скопившимся осадкам, оказались настолько приподнятыми, что вода прорвалась в пониженное пространство между ними и потекла на север, в Аральское море.

В эпоху бронзы на территории Хорезма возникло ирригационное земледелие и зависимость населения от аму-дарьинских вод стала еще более прочной. Началась многовековая борьба со стихийными силами великой реки. Можно удивляться и преклоняться перед настойчивостью и трудолюбием людей, участвовавших в этой борьбе. Впервые в многотысячелетней истории реки человек стал оказывать влияние на ее поведение. Он построил защитные дамбы и плотины, прорыл огромные каналы и подвел воду на участки, отстоявшие от реки на многие десятки километров. Но все это приходило в упадок и разрушалось, едва страну охватывали опустошительные войны и междоусобицы; в это время люди теряли контроль над рекой.

Только после Октябрьской революции были созданы условия, необходимые для осуществления мероприятий, колоссальных по размаху, планомерных, научно обоснованных, направленных на укрощение великой реки. На смену кетменю пришли совершенные машины, примитивные устройства сменились мощными гидротехническими сооружениями. Лишь теперь стало возможным говорить о подчинении буйной Аму-Дарьи человеку.

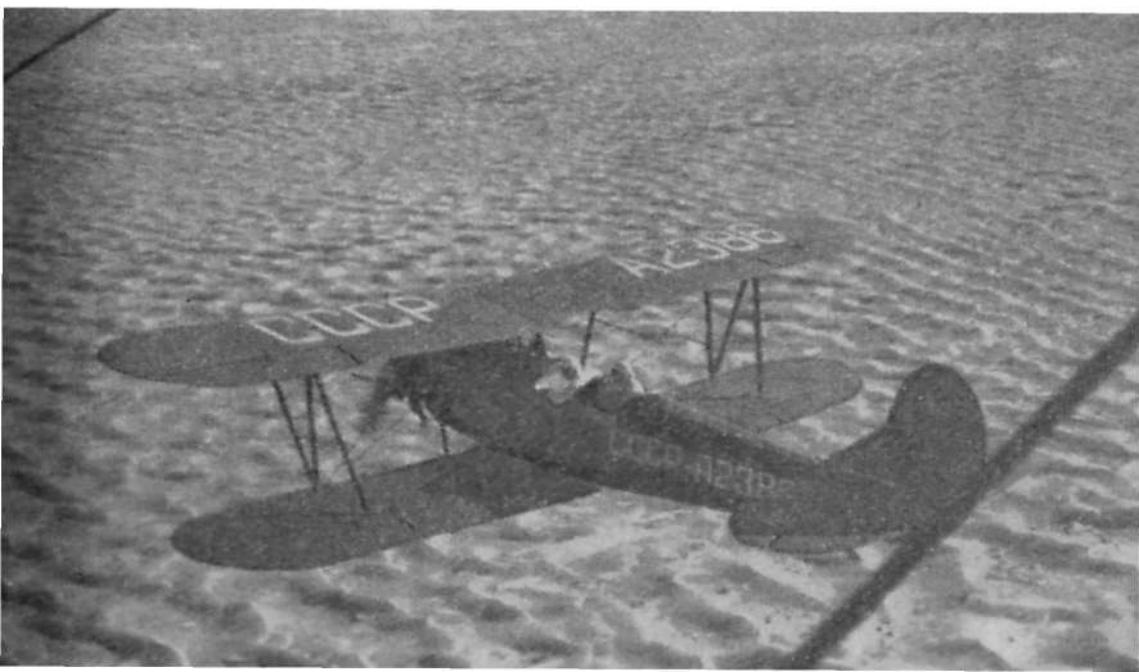
Под крылом самолета бесконечно, до самого горизонта, тянутся пески. Отсюда, с высоты, барханы кажутся мелкой рябью на поверхности гигантского песчаного моря. Впереди видны крутые изгибы небольшого древнего протока. Берега его то совершенно теряются в песке, то вновь отчетливо выступают на голом затакыренном острове. Недалеко от русла развалины древней крепости. Квадратные башни по углам и в середине стен, две башни перед входом: большая крепость имела мощную оборону.

Но что это там, внизу?

Рядом с руслом тянется тонкая темная ниточка. В сторону пустыни от нее отходят короткие паутинки. А недалеко от крепости — большой прямоугольник: что-то похожее на огромные грядки. Все это перекрыто движущимися песками, и лишь по отдельным кусочкам, составляющим нечто вроде пунктирного контура, можно проследить все изображение. С земли, пожалуй, и половины этого не заметишь.

Как водится, ничего таинственного в этом нет, все это дело рук человеческих. С самолета видны остатки магистрального канала с ответвлениями, следы полей.

Под крылом самолета гигантское море песка.

Мы уже говорили, что история населения Хорезма — это история борьбы за воду. Если нет воды, то солнце — злейший враг человека. Сохнет земля, покрывается глубокими трещинами. Ветер приносит песок. Пустыня цепко хватается за каждый клочек сожженной земли, теснит человека. Бедная пустынная растительность привлекает лишь кочующие отары овец.

Но вот появляется вода, и солнце из врага становится верным союзником. Удобренная драгоценным аму-дарьинским илом земля здесь необычайно плодородна. Проходит несколько лет, и эта щедрая земля расцветает. Зеленеют поля, цветут плодовые деревья, а стройные тополя рядами выстраиваются вдоль дорог и каналов.

Но вода сама не приходит. А чтобы вырыть магистральные каналы, требуется колоссальный труд. Но это еще не все. По каналам и арыкам идет аму-дарьинская вода, и часть того огромного количества ила и песка, которое она несет, осаждается постепенно на их дне. Если не ухаживать за ними, не чистить и не углублять их периодически, то они заполнятся осадками так же, как и древние аму-дарьинские дельты.

История древней хорезмийской ирригации уже давно стала и сейчас еще остается одной из основных научных тем коллектива археологов-хорезмийцев.

В составе Хорезмской экспедиции вот уже более десяти лет работает специальный отряд — археолого-топографический. Руководит им сотрудник экспедиции Б. В. Андрианов. Пожалуй, это один из самых подвижных, самых беспокойных отрядов. Он почти никогда не задерживается надолго на одном месте, почти никогда не производит раскопок. Зато им открыты в самых разных районах Хорезма многие десятки новых археологических памятников.

Археолог в настоящее время не может обходиться без карты. Речь идет не об обычной мелкомасштабной карте, а о специальной, археологической. Составление археологической карты дело очень сложное и трудоемкое: такие карты существуют пока только для отдельных районов Советского Союза. Карта подводит итог многолетних археологических работ — разведок и раскопок. Только тогда она может быть достаточно полной для данного этапа исследований. Одновременно она является основой для дальнейших исследований территории.

Археологические карты бывают нескольких типов и преследуют при этом разные цели. Главная из них — это обзорная карта, на которую нанесены все археологические памятники всех времен.

Сплошное археологическое исследование территории древнего Хорезма и сопредельных областей и, в конечном итоге, составление полной археологической карты — одна из главных задач Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Немалую роль в этом играет археолого-топографический отряд. Часто он действует самостоятельно, иногда совместно с другими археологами-разведчиками под руководством С. П. Толстова.

Пунктуально, километр за километром, короткими переходами отряд прочесывает пустыню. Его не задержат ни массивы песков и бездорожье, ни непогода. Там, где не может пройти машина, археолог идет пешком. Десятки приключений, опасных и смешных эпизодов, интересных открытий записаны в дневниках отряда.

В последние годы основной целью отряда стало исследование памятников древней ирригации. Основным результатом этих исследований будут детальнейшие карты древней ирригации по каждому из периодов хорезмийской истории, подготавливаемые сейчас к изданию под руководством С. П. Толстова и Б. В. Андрианова.

Огромные пространства обрабатывавшихся в древности земель и степень сохранности древних гидроиригационных сооружений делали практически невозможным использование при их изучении традиционных методов археологической разведки.

В Хорезмской экспедиции была выработана и успешно применена новая методика. Главный ее принцип — сочетание широких авиаразведок и аэрофотосъемки с детальными наземными исследованиями.

...Еще несколько дней назад звено этих маленьких машин — тупоносых бипланов АН-2 работало на опылении в одном из каракалпакских колхозов. Сегодня группа людей что-то монтирует над прорезанным в днище самолета люком. Через несколько часов самолет поднимается с Нукусского аэродрома и берет курс на восток. Быстро кончается полоса обрабатываемых земель. Под крылом пустыня.

Маленькому самолету не нужна специальная посадочная площадка, и он приземляется на такыре рядом с

Такры рядом с палаточным городком археологов — отличная посадочная площадка

палаточным городком археологов. Над нижним люком укреплена большая аэрофотосъемочная камера, в которую сотрудник экспедиции инженер-геодезист Н. И. Игонин закладывает рулон широкой фотопленки. Рано утром самолет поднимается в воздух. На небольшой высоте, по заранее намеченным ориентирам, самолет «отутюжит» большой кусок пустыни. Вечером работа начнется снова.

Аэрофотосъемка — очень ответственное дело. Но нет более кропотливой работы, чем работа с аэрофотоснимками. После проявления пленки с нее печатаются тысячи снимков. Н. И. Игонин неделями просиживает над большой чертежной доской, сравнивая отпечатки, «подгоняя» их один к другому — по линиям каналов, массивам песчаных гряд. Получаются большие планшеты — фотосхемы. Конечно, склеить весь отснятый материал невозможно; выбираются отдельные, наиболее интересные участки, важность которых для дальнейшей работы либо известна заранее, либо выясняется в процессе просмотра отпечатков. Неспециалист найдет мало интересного на сотнях на первый взгляд похожих друг на друга снимков. Специалисту они могут рассказать очень многое. Процесс изучения полученных аэрофотосъемкой снимков называется дешифрированием.

Чтобы фотосхемы были более выразительными, чтобы на снимках все интересующие археологов объекты

проявились с максимальной четкостью, выбирается наиболее благоприятное для съемок время. Так, при дешифровке аэрофотоснимков выяснено, что памятники, не выраженные или очень слабо выраженные в рельефе с сильно разрушенными наземными конструкциями, лучше всего снимать весной или осенью. В это время разрушенные до основания стены городищ и крепостей, линии каналов, курганы демаскируют себя либо растительным покровом (после кратковременных дождей пустынная растительность буйно зеленеет), либо цветом.

С другой стороны, установлено, что лучшее время для съемок в течение дня — это, во-первых, утро, с 7 до 10 и, во-вторых, вечер, с 5 до 8 часов. В эти часы лучи солнца падают на землю под небольшим углом, и при косом освещении планировка древних памятников, даже в том случае, если их сооружения поднимаются над поверхностью всего на несколько сантиметров, хорошо заметна.

Археолог может пройти через могильник с несколькими десятками курганных погребений или через первобытное поселение с остатками домов-полуземлянок, не заметив ничего, кроме разрозненных черепков глиняной посуды. Помощь авиаразведок и аэрофотосъемки в таких случаях особенно важна.

Не приходится говорить, какую огромную помощь оказывает аэрофотосъемка при изучении древней ирригации. Ведь памятники ее почти совсем незаметны с земли. Даже огромные некогда береговые валы мощных магистральных каналов часто почти совсем не прослеживаются в рельефе. А русла их видны на такыре прерывистой, отличающейся лишь по цвету поверхности полосой. О древних же полях и говорить не приходится: на местности следы их может обнаружить только опытный, наметанный глаз.

«Путеводной звездой» для начальника археолого-топографического отряда Б. В. Андрианова служат большие планшеты с аэрофотоснимками — фотосхемы. Фотосхема — это своеобразная географическая карта, настолько подробная, что на ней видна каждая песчаная гряда, каждый островок такыра. Она помогает разведчикам двигаться в море песков, не теряя тонкой ниточки древнего канала и его ответвлений. Один за другим появляются на схеме значки с порядковым номером — «точки»: здесь археологи остановились, осмотрели и за-

Эти древние каналы и следы полей не легко обнаружить с земли.

фиксируют в дневниках, на чертежах и пленке остатки канала, собрали керамику и другие находки. Если расшифровать их, а ключ к расшифровке в дневниках, на чертежах и фотопленке, то возникает история древнего комплекса оросительных сооружений. Вместе с другими археологическими памятниками района работ эти материалы расскажут, когда были вырыты здесь каналы и устроены поля, долго ли они существовали, каков был характер земледелия и каков уровень ирригационной техники.

Особую выразительность и силу приобрели эти материалы, суммированные для всей территории Хорезма, для всего Приаралья. Они рассказали историю постепенного совершенствования приемов и методов ирригационного, поливного земледелия, историю, наполненную драматическими эпизодами борьбы за воду и со стихией воды. Периоды успешной борьбы людей с силами природы сменялись долгими годами разрух и запустения и новыми поисками и находками хорезмийских ирригаторов, ошупью познававших законы природы, учившихся управлять стихией, ставить ее на службу человеку.

Сейчас Хорезм можно считать не только огромным заповедником с сотнями замечательных памятников

древней культуры, но и своеобразным музеем по истории ирригационной техники.

Мы уже рассказывали в разных местах книги и о самых древних искусственно орошаемых участках, и о грандиозной ирригации античного и средневекового времени.

Возникшее в эпоху бронзы в наиболее древних частях Акча-Дарьинской дельты земледелие основывалось первоначально на использовании увлажненных низменных участков. Затем люди научились регулировать, задерживать избыточные паводковые воды в отмирающих протоках дельты. В дальнейшем, в бронзовом веке, появляются простейшие ирригационные сооружения уже нескольких типов. Земледельцы этого времени уже не только использовали дамбированные и искусственно заглубленные отмирающие протоки, но и научились сооружать небольшие арыки, для которых дамбированные русла играли роль магистральных каналов.

О каналах и орошаемых полях амирабадского времени довольно подробно рассказано в первой главе. Крупный магистральный канал с ответвлениями в нижней части и оросительная система площадью в 200 га уже являются предвестниками мощных ирригационных систем античного Хорезма.

Построенные руками рабов древнейшие античные каналы поражают огромными размерами. Ширина их (между береговыми валами) в архаический период достигает 40 м. Каналы тянутся вдоль древнего русла, поэтому имеют ответвления только с одной стороны. Любопытно, что большинство ответвлений отходит от канала под прямым углом.

Огромные размеры, и в частности очень большая ширина магистральных каналов свидетельствовали не только о силе рабовладельческого государства, но и о невысоком еще уровне научных знаний и практики строительства ирригационных сооружений. Каналы архаического типа — очень широкие и неглубокие — мало экономичны, так как значительное количество воды не доходит до полей, а либо испаряется, либо уходит (фильтруется) в почву. Поэтому в дальнейшем наблюдается постепенный переход к более узким и глубоким каналам.

Уже каналы кангюйские и кушанские имеют ширину от 6—8 до 18—20 м, а огромные — шириной около 10 и

высотой до 4 м — валы указывают на их значительно большую, по сравнению с архаическими, глубину. Идут они уже не вдоль русла и рядом с ним, а прорезают та-кырную толщу на пространстве между двумя руслами. Естественно, ответвления, отходящие теперь обычно под острым углом, имеются не с одной, а с обеих сторон. Каналы времен расцвета хорезмийской античности ведут начало уже не от протоков дельты, а непосредственно от Аму-Дарьи; они были более надежными, так как не зависели от затухающих и часто меняющих свое течение протоков.

Античный период в истории Хорезма — это время, когда искусственно орошаемые земли занимали максимальную площадь. Даже в средние века, в период нового расцвета ирригационного земледелия (XII—XIV вв.), площадь орошаемых земель едва достигала $\frac{2}{3}$ античной. Однако сооружения этого времени более совершенны: закончился переход к экономичным, узким и глубоким каналам, а оросительные системы с многочисленными ответвлениями получили вид ветвистых деревьев. Наиболее важным нововведением этого периода было употребление чигиря — водоподъемного сооружения в виде колеса с привязанными к нему сосудами. Появление его в Хорезме археологи относят к IX—X вв.; в это время в археологическом материале начинают встречаться в большом количестве обломки чигирных горшков — специально изготовлявшихся керамических сосудов, необходимых для устройства чигирей.

Другим важным усовершенствованием в земледельческом хозяйстве явилось употребление удобрений. Искусственно удобрять землю в Хорезме начали, по-видимому, еще в начале афригидского периода, в V—VI вв.; с IX—X вв. это нововведение получило уже более широкое распространение. Удобрение было довольно своеобразным — остатки старых сырцовых построек, содержавшие много селитры. Не исключено, что в связи с этим археологи недосчитаются многих памятников античного времени.

О более высоком уровне развития культуры земледелия в эпоху средневековья свидетельствует более широкий, чем в античное время, набор возделываемых сельскохозяйственных культур. В это время, по данным археологических раскопок, земледельцы выращивали не

только зерновые культуры — просо, пшеницу и ячмень, но и абрикосы, персики, виноград, сливы, груши, дыни, арбузы, тыквы, огурцы, морковь, бобы и маш, хлопок и кунжут.

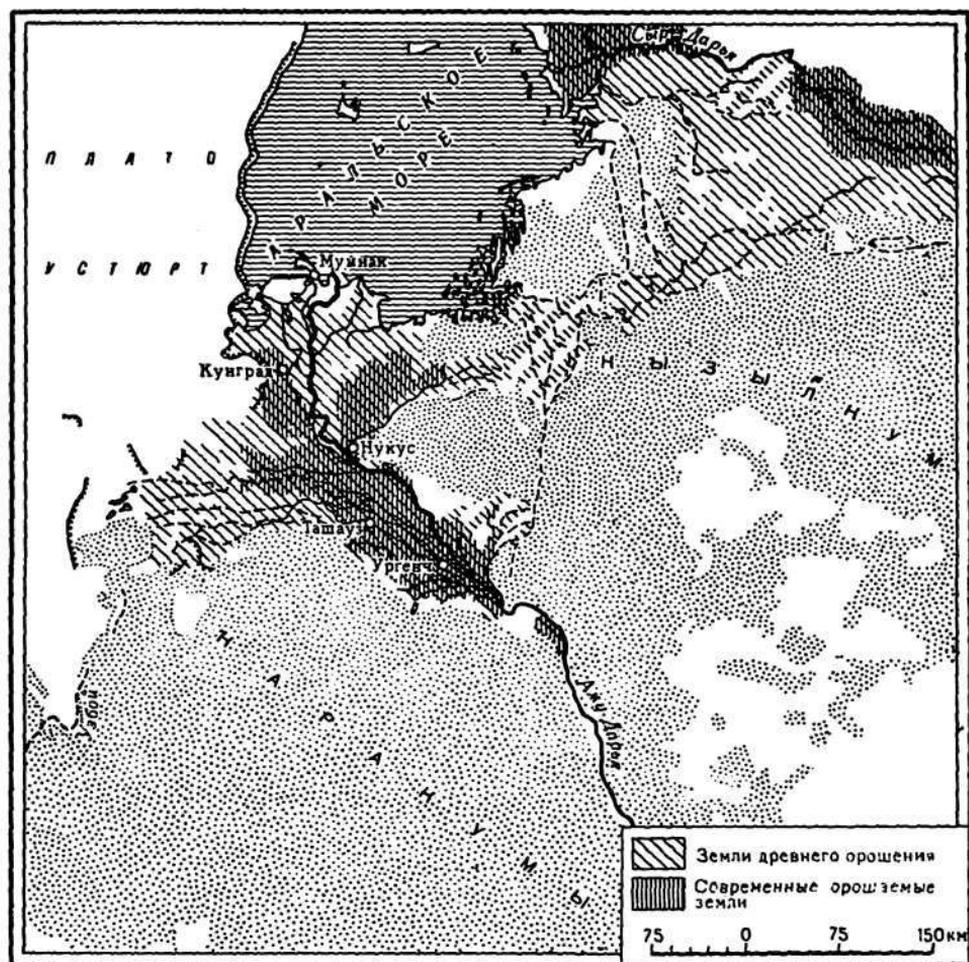
Детальное изучение памятников древней хорезмийской ирригации позволило разрешить еще один важный вопрос. Ученых уже давно заинтересовали причины, по которым пришли в запустение и были захвачены пустыней огромные пространства некогда цветущих земель. По подсчетам С. П. Толстова и Б. В. Андрианова, в период расцвета хорезмийской античности в Приаралье (в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи) площадь, занятая под ирригацию, занимала 3,5—3,8 млн. га, то есть в четыре раза больше, чем сейчас¹. В средние века, в XII—XIV вв., на тех же территориях ирригацией было охвачено уже только 2,4 млн. га. В пределах культурных оазисов площадь орошения по размерам приближалась к современной.

Захваченные пустыней районы — их называют землями древнего орошения — занимают, как видно из приведенных цифр, несколько сот тыс. га.

Существенным изменением («усыханием») климата равнин Средней Азии, изменением течения рек, наступлением песков, засолением почв — этими и многими другими причинами пытались объяснить запустение обширных территорий в различных странах Передней и Средней Азии. Однако еще в первых обобщающих работах по истории Хорезма С. П. Толстов показал ошибочность этой точки зрения. «Причины, — писал он, — коренятся в процессах социальной истории. Переход от античного к феодальному строю и сопровождающие его варварские завоевания с последующими феодальными усобицами и нашествием кочевников — вот гениально указанное Марксом и сейчас документально доказанное решение этой проблемы. А то, что разрушено человеком,

---

¹ При этом, однако, следует учитывать, что в то время охваченные ирригационными сооружениями земли использовались для земледелия во много раз менее интенсивно, чем сейчас. Размеры обрабатываемых участков были сравнительно небольшими и перемежались огромными необрабатываемыми землями. В античное время использовалось лишь 10% пригодных для орошения земель, в то время как сейчас на территории Каракалпакии их обрабатывается 30—40%, в южном Хорезме — 50—60%.

Схематическая карта земель древнего орошения в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

им же может быть и воссоздано. И ярким свидетельством этого является история Хорезма наших дней».

Исследования, проведенные Хорезмской экспедицией под руководством С. П. Толстова в последние годы, дали еще много новых материалов для подтверждения этой точки зрения.

Но самое главное, она подтверждается практикой народнохозяйственного строительства.

Уже давно, в процессе изучения земель древнего орошения возник вопрос: а нельзя ли эти обширные, некогда цветущие, а теперь пустынные районы возродить к жизни? Нельзя ли их включить в обширную программу

ирригационного строительства для обводнения земель засушливых районов?

Для того чтобы представить масштабы, о которых идет речь, необходимо привести еще несколько цифр.

Площади земель древнего орошения:

1. В низовьях Сыр-Дарьи (левобережная часть Кызыл-Ординской области Казахской ССР и Кара-Калпакская АССР) — 2,5—2,8 млн. га.

2. В низовьях Аму-Дарьи: в Кара-Калпакской АССР — 800 тыс. га, в Присарыкамышской дельте (Ташаузская обл. Туркменской ССР) свыше 1 млн. га. Общая площадь земель древнего орошения в Приаралье — почти 5 млн. га.

Как видите, цифры довольно внушительные. А ведь кроме этих площадей археологами выявлены огромные, пригодные для поливного земледелия массивы земель древнего орошения в Прикаспии и некоторых других ныне засушливых районах¹.

Археологи, исследуя совместно с географами земли древнего орошения Приаралья, пришли к выводу, что освоение этих земель, происходящее сейчас еще очень медленно и в незначительных масштабах, может быть резко ускорено. Расчеты показали, что необходимый подъем воды (всего лишь на 2—3 м) может быть обеспечен имеющимися и проектируемыми гидросооружениями.

Имеется возможность превратить нижнее междуречье Аму- и Сыр-Дарьи из района экстенсивного отгонного скотоводства в район интенсивного поливного земледелия и стойлового скотоводства. Новые миллионы гектар плодороднейших земель могут быть за сравнительно короткий срок введены в народное хозяйство страны.

Летом 1962 года на заседании Президиума АН СССР с докладом об итогах многолетних исследований земель древнего орошения, с предложениями об их новом освоении выступил начальник Хорезмской экспедиции, член-корреспондент АН СССР, профессор С. П. Толстов. Внимание виднейших советских ученых были предложены многочисленные карты, схемы, фотографии и расчеты, отображающие работы археологов и географов в При-

---

¹ Площадь «земель древнего орошения» на территории всей Средней Азии достигает 6—8 млн. га; по СССР же — 9—10 млн. га.

аральских дельтах. Подводя итоги обсуждению доклада, Президиум АН СССР в своем решении отмечал, что работы Хорезмской экспедиции «позволяют внести коррективы в сторону увеличения проектируемых в настоящее время к первоочередному освоению под ирригацию площадей за счет земель древнего орошения.

Собранные археологами материалы глубоко заинтересовали специалистов, занимающихся проблемами ирригации Средней Азии. Они были использованы и используются сейчас при проектировании и сооружении ирригационных систем в низовьях Аму-Дарьи, на нижней и средней Сыр-Дарье, на Зеравшане, вдоль Южно-Туркменского канала.

Недалек тот день, когда на просторах теперешней пустыни вместо песка и редкой колючей травы появятся поля и сады.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскопки в Хорезме продолжают и сейчас. Еще многие десятки памятников древней культуры ждут своих исследователей. А сколько их — древних стоянок, поселений, могильников — будет найдено археологами!

Однако теперь палаточные городки археологов-хорезмийцев все чаще и чаще можно видеть на далеких восточных окраинах Хорезма, на древних дельтовых протоках Сыр-Дарьи. Сюда, в мир древностей, оставленных соседями хорезмийцев, степными скотоводческими племенами, археологи пришли не случайно.

Десятки лет работают на просторах Средней Азии крупные, хорошо оснащенные археологические экспедиции. Добытые ими материалы позволили изучить общественный строй, хозяйство и культуру древнейших земледельческих народов Средней Азии — согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, парфян и других. Одним из главных научных выводов, сделанных в результате этих многолетних исследований, был вывод о том, что древние земледельческие народы Средней Азии, как и большинство других народов, прошли в своем общественном развитии через очень длительный период рабовладельческого строя.

Однако земледельческие центры с их высокой цивилизацией были лишь островками в обширном море окружающего их мира степных скотоводческих племен. Широкие просторы казахстанских степей, большая часть огромных среднеазиатских пустынь, горные районы Памира, Алтая, Ферганы были заняты населением, особен-

ности хозяйства которого, быт и культура, общественный строй долгое время были лишь предметом ожесточенных споров, больших научных дискуссий. Для решительных суждений по этим вопросам исследователям не хватало материала; его можно было получить лишь благодаря широко проведенным раскопкам памятников, оставленных населением степей.

Нельзя сказать, что культура степных племен не исследовалась совершенно. Нет, советские археологи особенно за послевоенные годы добились в этом больших успехов. Однако полученный ими материал количественно во много раз уступал материалам, имевшимся в распоряжении исследователей, изучающих культуру древних земледельческих центров. Это были преимущественно погребальные памятники — курганы; к тому же исследования затронули в основном лишь далекие, периферийные районы, в то время как о ближайших соседях земледельцев известно было очень немного.

Два мира — мир земледельцев и мир скотоводов — находились в очень тесных и сложных взаимоотношениях. Степняки торговали с жителями земледельческих оазисов, часто и воевали с ними. Земледельцы с их древними традициями в обработке земли, в строительном деле и архитектуре, в изготовлении керамики и других ремеслах, оказывали, естественно, большое влияние на культуру своих степных соседей. В свою очередь в культуре древнеземледельческих народов нашли отражение многие элементы, свойственные населению степей. Вспомним в связи с этим об огромных государственных объединениях, возникавших в Средней Азии (и захватывавших часто и соседние страны) в результате возвышения и завоевательных походов той или иной из племенных групп населения степей. Несмотря на недолговечность таких государств, вызванные ими культурные взаимовлияния часто бывали очень существенными.

Мы уже видели, что в истории народов Средней Азии степные скотоводческие племена играли очень важную роль; без обстоятельного знания их хозяйства и культуры эта история не могла быть полной. Более того, многие элементы культуры земледельцев нельзя было понять и правильно объяснить, не зная культуры их степных соседей. Для исследователей истории Хорезма необходимость изучения сыр-дарьинских племен была особенно

Раскопки тагискенских мавзолеев во множестве дали керамику различных типов.

острой: ведь древние хорезмийцы, как сообщают об этом античные историки, принадлежали к той же сако-массагетской (скифской) группе племен, что и население нижней Сыр-Дарьи.

Уже первые разведывательные маршруты по древним сыр-дарьинским дельтам показали такое обилие интереснейших археологических памятников, что район этот по праву получил в экспедиции название «нового Хорезма». От времен каменного века до позднего средневековья — таков хронологический диапазон новых открытий. Внимание археологов привлекли прежде всего памятники среднеазиатских скифов — саков. Именно здесь, в низовьях Сыр-Дарьи, на некогда полноводных дельтовых протоках ее — Инкар-Дарье, Куван-Дарье и Жаны-

Дарье,— был центр расселения многочисленных и сильных сакских племен, центр Среднеазиатской Скифии.

В последние годы археологи работали здесь большими отрядами с широким применением техники; раскопки велись одновременно в нескольких местах. Материалы раскопок дали возможность сопоставить археологические памятники отдельных районов этой территории с определенными, упоминаемыми древними авторами сакскими племенами. Поэтому сейчас мы можем говорить о тохарах, расселившихся некогда по Куван-Дарье, апасиаках, населявших район Жана-Дарьи, о сакараваках, живших по Инкар-Дарье, аугасиях, чьи памятники расположены теперь в нижнем междуречье Куван-Дарьи и современной Сыр-Дарьи.

Археологи обследовали и провели раскопки на многих сакских поселениях и городищах. Несколько лет подряд работали хорезмийцы на огромном тохарском городище Алтын-Асар. Позднее раскопки были перенесены на городище Чирик-Рабат — столицу союза апасиацких племен, а затем на Бабиш-Муллу — апасиацкий крупный город, центр большой сельскохозяйственной округи.

Особый интерес вызвали погребальные постройки савков. Разного времени, разных размеров и конструкции, разных племен — небольшие курганы рядовых воинов и величественные мавзолеи племенных вождей — они позволили исследователям узнать не только о погребальном обряде, представлениях о загробной жизни, религии, но вместе с материалами раскопанных поселений дали возможность судить об общественном строе, образе жизни и культуре сыр-дарьинских племен.

Огромный, шестидесятиметровый в диаметре царский курган на городище Чирик-Рабат был первым из большой серии раскопанных экспедицией монументальных погребальных сооружений. Последними были уникальные по архитектуре мавзолеев могильника Тагискен.

Грабители повсюду опередили археологов. Это и не удивительно: ведь в погребениях, особенно богатых и знатных людей, лежало множество драгоценных вещей, в том числе и золотых. Неограбленное погребение — большая редкость, и археологи смирились с этим. Но и ограбленные погребальные постройки по количеству и характеру находимых в них вещей бывают разными. В огромной погребальной камере Чирик-Рабатского кургана

Так выглядит с воздуха один из раскопанных мавзолеев Тагискена.

археологи нашли лишь большой железный меч, позволивший, кстати, определить время погребения — V—IV вв. до н. э. В погребениях Тагискенского могильника было обнаружено множество первоклассных находок: прекрасно выделанная, богато орнаментированная керамика, изделия из железа, бронзы и золота (оружие и украшения), многие из которых без преувеличения можно назвать шедеврами древнего прикладного искусства.

Тагискенский могильник очень большой; значительная часть его погребальных построек — это сравнительно небольшие сакские курганы VI—V вв. до н. э. Совершенно иного характера более ранние сооружения (IX—VIII вв. до н. э.). Это уже не курганы, а монументальные мавзолеи, сделанные из крупного сырцового кирпича, дерева и камыша. Во время раскопок этих мавзолеев были найдены сотни разнообразных предметов различного назначения. Но наиболее интересной оказалась архитектура и конструкция построек. Реконструкция, сделанная по материалам раскопок одной из них, показала, что это было крупное, круглое в плане сооружение с конической крышей, поддерживаемой сложной систе-

мой мощных кирпичных колонн и деревянных столбов. Колонны располагались по кругу; внутри колоннами же выделялась погребальная камера, куда клали тело умершего. Снаружи постройка была обнесена квадратной кирпичной стеной. Анализ всей конструкции показал, что деревянные столбы, в три ряда идущие по кругу, образованному колоннами, совершенно излишни конструктивно; судя по всему, они лишь имитировали круглые столбовые жилые дома тагискенцев. В целом постройки эти оказались очень оригинальными; более или менее близкие аналогии им были найдены лишь среди жилых и культовых сооружений народов Судана и Эфиопии. Несколько мавзолеев Тагискена имеют сходную конструкцию, остальные, несколько более поздние, являются упрощенными вариантами ранних.

Мавзолеи Тагискена, мы уже говорили об этом, вместе с некоторыми другими погребальными постройками сыр-дарьинских племен помогли разгадать тайну Кой-Крылган-калы, в частности загадку большого огня на верхней площадке центрального здания. Тагискенские мавзолеи погибли в огне; таким был погребальный обряд у сакараваков, которым, как полагает С. П. Толстов, принадлежали эти сооружения. Огонь был настолько сильным, что края многих кирпичей оказались ошлакованными, а керамическая посуда, положенная вместе с умершим в камеру, деформировалась. Когда рухнуло перекрытие, над окруженной стеной слоем пожарища возвышались лишь мощные кирпичные колонны; на них ставилось новое перекрытие, и в таком виде мавзолей продолжал существовать.

Добытый в низовьях Сыр-Дарьи разнообразный археологический материал в совершенно новом свете показал культуру присырдарьинских саков. Теперь трудно называть их варварами и невозможно кочевниками. Это были не только скотоводы, но и земледельцы, усвоившие и развившие в условиях обводненной дельты своеобразные формы ирригационного земледелия. Полукочевое скотоводство, сочетавшееся с земледелием и прочной оседлостью определенной части населения, не противоречило, в случае необходимости, большой подвижности всего населения.

Крупные центры с мощными оборонительными сооружениями, построенными из сырцового кирпича с соблюдением основных правил древневосточной фортификации, величественные погребальные постройки, ирригация, развитие многих ремесел — все это является показателем не только высокого уровня культуры, но и существования классового рабовладельческого общества. Однако для общественного строя присырдарьинских саков еще очень долго было характерно сохранение многих существенных черт родо-племенной организации. Об этом говорят и многие архаические черты в их культуре, и сообщения античных писателей, называвших каждое из сакских племен его племенным названием.

Многое в образе жизни и культуре саков — среднеазиатских скифов — остается еще невыясненным: ведь археологами только приоткрыта еще одна из тайн истории.

Исследования на Сыр-Дарье продолжаются.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Часть первая

Страницы потерянной летописи

Глава первая.

У истоков древнехорезмийской
культуры 9

Глава вторая.

Крепость погибших баранов . . 47

Глава третья.

Трехбашенный дворец открыва-
ет свои тайны 82

Глава четвертая.

Караваны идут в Хорезм . . . 109

Часть вторая

По руслу древних рек и каналов

Глава пятая.

Куда впадает Аму-Дарья . . . 126

Глава шестая.

Великий хорезмиец 141

Глава седьмая.

В спор вступают археологи . . 154

Глава восьмая.

По руслу древних каналов . . 167

Заключение 179

Александр Владимирович Виноградов

**ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ,
ПОГРЕБЕННЫЕ ПУСТЫНЕЙ**

Редактор *А. М. Гузов*

Редактор карт *В. И. Борискина*

**Обложка и титул художника
*Н. А. Короткина***

**Художественный редактор
*А. В. Сафонов***

Технический редактор *Р. В. Цыпко*

Корректор *О. А. Захарова*

Сдано в набор 18/VIII 1965 г. Подписано
к печати 20/IV 1966 г. 84×108¹/₃₂. Печ.
л. 5,875 (9,87). Уч.-изд. л. 10,19. Тираж
65 тыс. экз. [(тем. пл. 1966 г., № 450).

A10036

Издательство «Просвещение»
Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР,
Москва, 3-й проезд Марьяной рощи, 41.
Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Коми-
тета по печати при Совете Министров
БССР. Минск, Красная, 23.
Заказ 1072. Цена 25 коп.

Цена 25 коп.

ПРОСВЕЩЕНИЕ • 1966